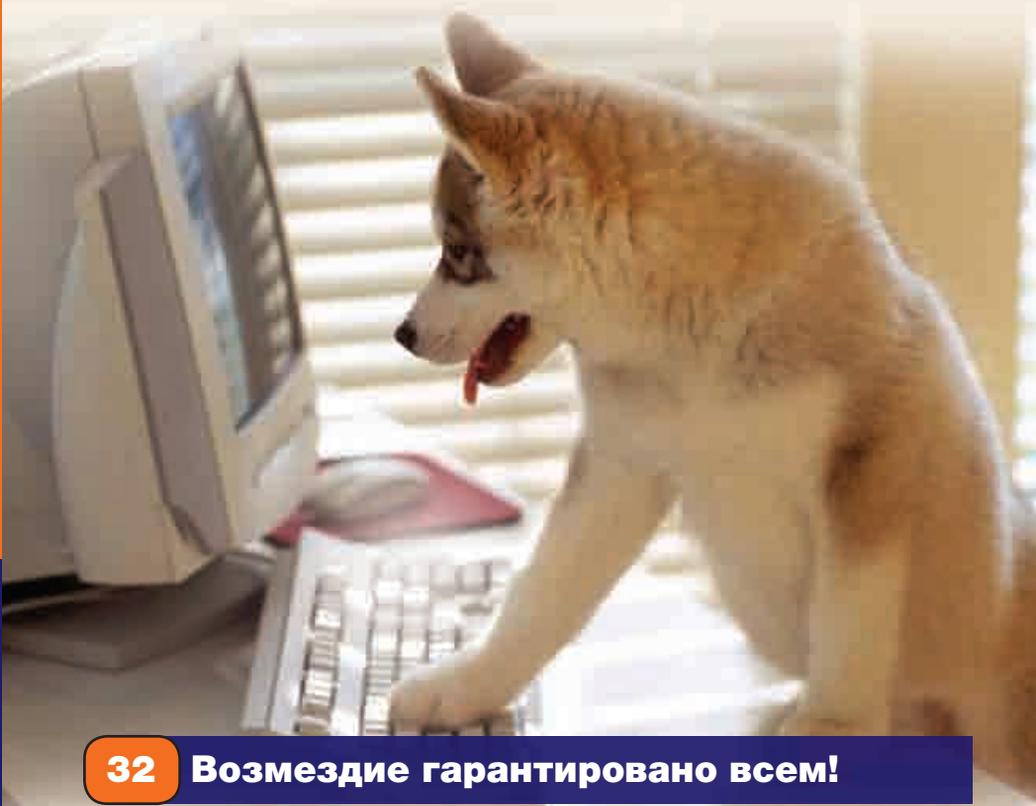

СМЕНА

2006

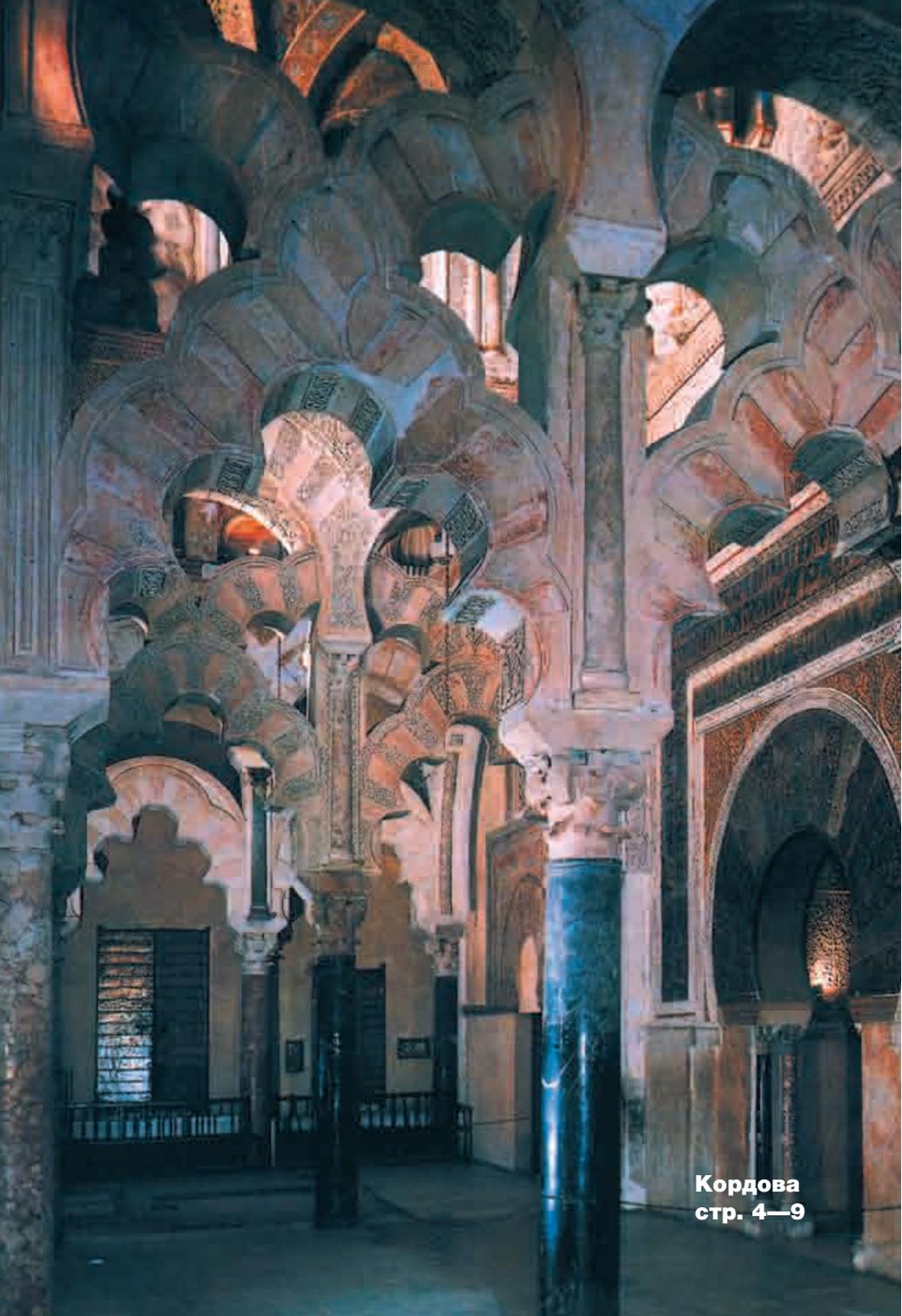
ФЕВРАЛЬ • 2

32 Возмездие гарантировано всем!

164 Загадки Божьего слова

184 Что несет «собачий год»?

Кордова
стр. 4—9

СМЕНА

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

2

Основан в январе 1924 года

2006 • ФЕВРАЛЬ (1696)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление ООО «Издательский дом журнала «Смена». Отпечатано в ФГУП «Смоленский полиграфический комбинат» по адресу: 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1. Журнал выходит 12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.12.2005.

Подписано к печати 19.01.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 13191

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Per. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Кордова 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

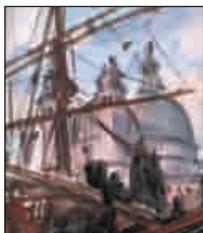
Ирина Опимах
Сарджент 10

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Отец Отечества 22

ДЕТЕКТИВ

Олег Суворов
Вольные стрелки 32

LOVE STORY

Виктория Мурашова
Зеленоглазая фарфоровая кукла 108

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Алла Люден
Голубая кровь Голливуда 129

СТОП-ТУР

Татьяна Полева
Город тысяч куполов и игрушек 136

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
**Бонжур, Россия!
О Европалии с любовью** 140

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
Пират силиконовой долины 143

ТЕХНОКРАТ

Кирилл Сорокин
**Шаг к звездам
или крах надежд?** 147

МУЗЫКА

Анжелика Подоляк
Хочешь популярности — вертись! 150

РАНДЕВУ

Елена Воробьева
Добежать до океана 157

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов
Вначале было слово... 164

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Согреемся?.. 176

МОДА

Алла Пустынова
Как стать звездой? 178

О РАЗНОМ

Полина Теслер
Мохнатый партнер 160

Максим Башкеев
Большая, щедрая и широкая 170

Екатерина Кочеткова,
Максим Леонов
Год собаки 184

КРОССВОРД 188

ЭРУДИТ 190

РЕКЛАМА 192

Стивен Брок. **Кошки-мышки**

Частного сыщика Берта Нордена приглашают в качестве секретаря в дом старого богача Джона-тана Декера. Берт не знает, зачем он приехал, кто нуждается в его помощи в этом многочисленном семействе, окруженном тайнами. В результате, он оказывается в центре загадочных событий, связанных с убийством внука Декера, и начинает собственное расследование.

АНОНС: март 2006

Кордова

Уже более пяти веков не существует могущественного государства мавров Аль-Андалус, а его столица Кордова жива и по-прежнему восхищает своей красотой каждого, кто попадает в этот волшебный город, свято хранящий тайны своего блестящего прошлого...

В древние времена на этой земле жили иберийские племена, затем их захватили финикийцы, а потом сюда пришли римляне. Кордова сильно пострадала во времена войны между Помпеем и Юлием Цезарем — множество красивейших дворцов и храмов превратилось в руины. Снова Кордова (римляне называли ее Кордуба) возродилась при императоре Августе. Именно тогда был сооружен сохранившийся до наших дней каменный мост через Гвадалквивир.

В Кордове родились знаменитые римляне — Сенека и Лукиан. Когда на Пиренеи пришли вестготы, воинственное германское племя, римское владычество закончилось, и Кордова попала под власть Толедо, где обосновались германские правители. Казалось, их власть и их королевство будут вечными.

Весной 711 г. отряд под предводительством Тарика ибн Зияда, отважного берберского полководца и правителя магрибского города Танжер, переплыл узкий залив, получивший впоследствии имя Гибралтар (Горы Тарика), и высадился на берегах Пиренейского полуострова. Суровые воины ислама овладевали одним городом за другим, и очень быстро королевство вестготов пало под мощным на-

пором прекрасно обученных и организованных мавров. Уже через три года Аль-Андалус — так арабы называли покоренные территории — стал частью арабского халифата.

Поначалу Андалусом управляли эмиры, наместники дамасского халифа. Но очень скоро кордовских правителей, власть и богатство которых росли невероятными темпами, эта ситуация перестала устраивать. А в 749 г. в Дамаске, столице Халифата, произошел переворот. Династия Омейядов была свергнута, и власть перешла в руки новой династии — Аббасидов, при этом всех Омейядов, как водится в таких случаях, убили. Всех, кроме одного. Этого последнего представителя павшей династии, Абд Аль-Рахмана, в Европе прозвали Абдаррахманом. Ему очень повезло — во время резни его не было в Дамаске. Узнав о страшной гибели всех родственников, он сбежал в Египет, а потом странствовал по свету долгие шесть лет. И однажды ему пришла в голову мысль — а почему бы ему не стать правителем Андалуса? В то время он жил в Магрибе, под защитой племени своей матери-берберки. В 755 г. Абдаррахман перебрался через Гибралтар и приехал в

Кордову. Одержав победу у стен города, Абдаррахман стал кордовским эмиром.

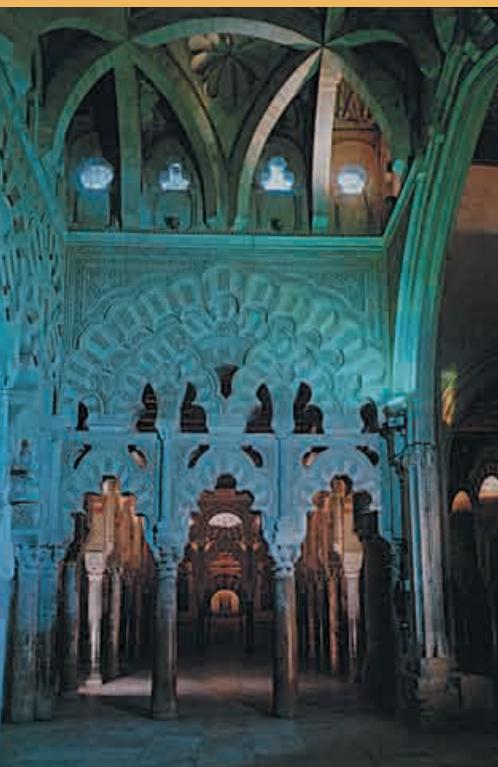
Воцарившись в Кордове, Абдаррахман первым делом возвел себе дворец — Алькасар. Закончил строительство его сын. Это был целый комплекс с садами,

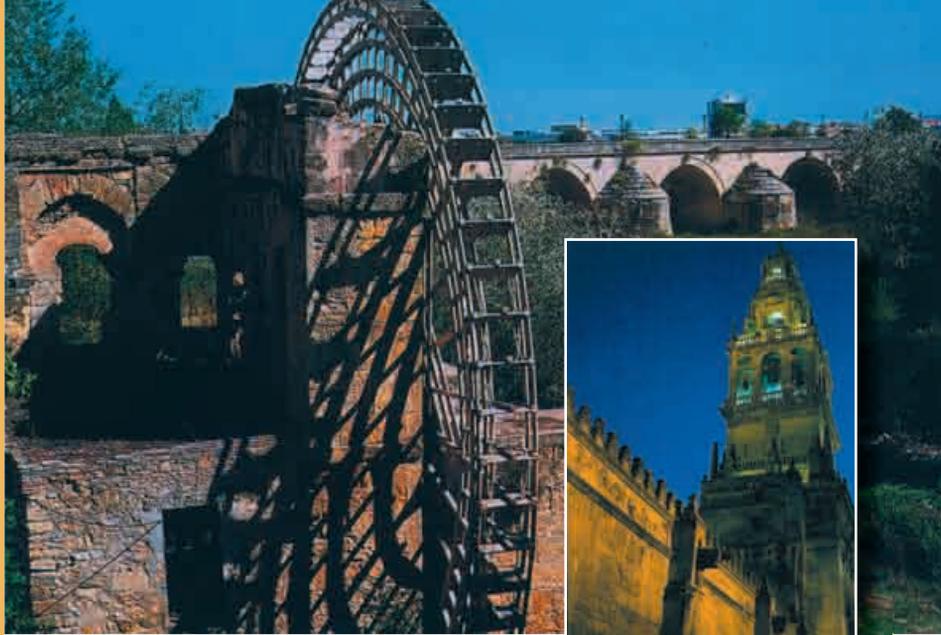
внутренними двориками, фонтанами, ручейками, мозаиками, стены украшали ковры. Коран запрещал изображать людей, поэтому всюду были орнаменты — растительные и каллиграфические. Летом во дворце царил прохлада, которую обеспечивала система вентиляции, а зимой было тепло. Изящные люстры освещали залы, уставленные дорогой и красивой мебелью. Здесь музицировали, читали стихи и пировали.

Абдаррахман полюбил свою новую страну и свою столицу Кордову, которая при нем расцвела, но очень скучал по родным местам. В арабском мире тогда почти каждый был поэтом, вот и Абдаррахман в свободные от государственных дел минуты писал стихи. Тоской по родине пропитаны его строфы: «Я Западу тело доверил, Востоку оставил я сердце и все, что для сердца священо».

Андалус так и не стал для него родиной, и он изо всех сил старался возводить на этой земле то, что ему напоминало бы о его родном Дамаске. И главной для него была мечеть, его мечеть, которая символизировала могущество его власти и силу его веры.

Строительство мечети началось в 785 г. Люди работали быстро и вдохновенно. Поначалу мечеть представляла в плане квадрат, северная часть его — двор, а южная — колонный зал из одиннадцати нефов. Затем соорудили минарет сирийского типа в виде небольшой квадратной башни. Город рос, и мечеть, рассчитанная на пять тысяч молящихся, уже не вмещала всех, кто хотел здесь пообщаться с Аллахом. В 833 г. южную часть мечети существенно увеличили. При халифе Хакаме II, в X веке, мечеть была еще увеличена, а кроме того, добавлены махсура, огороженное место для халифа, и михраб — восьмиугольная комната, откуда правочерные мусульмане обращались с молитвами к Всевышнему. Она, увенчанная великолепным куполом, украшенная арками тончайшей работы и ценнейшими мозаиками (дар императора Византии халифу Хакаму II) — настоя-

щее произведение искусства. Кордовские строители и мастера создали поистине шедевр. Мечеть высотой 11 метров украшали 1200 колонн, около 100 арок, 21 резная дверь, множество изящных вещей из золота и слоновой кости. Особенно хорош михраб — из Северной Африки, Франции и самой Испании свозили сюда римские колонны из разноцветного мрамора, порфира, гранита и яшмы.

В 929 г. кордовский эмир Абдаррахман III, блестящий политик и военачальник (подданные звали его ан-Насир, Победоносный), объявил себя халифом, «повелителем правоверных», утвердив тем самым независимость своего государства от могущественного Арабского халифата. Так на территории современной Испании сложилось сильное централизованное государство — Кордовский халифат со столицей в Кордове. Последние годы правления Абдаррахмана III стали эпохой наивысшего расцвета Андалуса. Его флот господствовал на Средиземном море, главным военным портом была Альмерия, а торговым — Севилья. Арабская Испания превратилась в самую богатую, многонаселенную и просвещен-

ную страну Европы, дружбы с которой искали самые могущественные монархи того времени. На своих полях трудолюбивые арабы выращивали не известные европейцам культуры — рис, сахарный тростник, шелковицу, цитрусовые. Процветали овцеводство, рудное дело и металлургия.

В халифате в пору его расцвета (IX—X вв.) было 80 больших и 300 маленьких городов, а также множество деревень. Население Кордовы насчитывало около миллиона человек (ныне здесь живут всего 100 тысяч!). В те времена это был самый большой город в Европе (в других европейских столицах обитало не более 100 тысяч человек). Кордова была гордостью всех андалузцев. Ее называли вторым Багдадом, «невестой Андалуса», «святыней», даже «Чудом света». Законы ислама в Кордове были не столь строги, как в других мусульманских странах — женщинам разрешалось ходить с открытым лицом, не обязательно было совершать хадж, поход в Мекку. Более того, в Кордове мусульмане могли молиться в

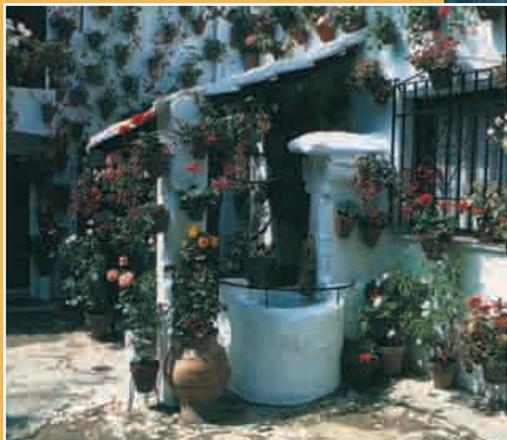
христианских церквях, вместе с местными христианами возносятся молитвы Всевышнему. Ислам запрещал пить вино, но как устоишь перед этими пьянящими напитками, которые готовили из местного винограда, напоенного андалузским солнцем, и мавры полюбили вино! А еще все исправно посещали бани — ислам требовал не только чистоты помыслов, но и тела. И это тогда, когда средний европеец с ног до головы мылся всего лишь раз десять в жизни! Общественных бань в Кордове в разные периоды насчитывалось от 300 до 900! Мощные улицы освещали светильники, работала оставшаяся от римлян и усовершенствованная система канализации, полицейские надзирали за порядком на рынках, приезжих купцов ждали гостеприимные постоялые дворы... Все это появилось в европейских странах лишь в XIV—XV веках!

Кордова была не только городом халифов и их придворных, но и городом ученых. Недаром она получила гордое имя «Обиталище наук». Большинство населения (включая женщин) умело читать и писать. Как правило, при мечетях устраи-

вали школы. А в 961 г. в Кордове халиф Абдаррахман III основал университет. Здесь преподавали самые лучшие умы того времени. И не удивительно, что слава о Кордовском университете прошла по всей Европе и странам мусульманского мира. Сюда приезжали учиться молодые и жаждущие знаний люди и из арабских стран, и из Германии, Франции и Англии. Количество студентов достигало десяти тысяч! Они изучали философию и математику, астрономию и алхимию, астрологию и медицину. После окончания университета студенты получали диплом — иджазу, который давал им право толковать Коран и преподавать. Книги в Кордове почитались как огромное богатство. Библиофильство стало настоящей страстью мавров. В городе было 80 библиотек, самая большая из них собрана кордовским халифом Аль-Хакамом и открыта в 905 г., там хранилось около шестисот тысяч томов, только каталогов составлено 44 тома!

В Андалусе с большим уважением относились к женщинам. Придворные халифа воспевали красоту жен и наложниц кордовского правителя, устраивали в честь прекрасных дам турниры (эту традицию с удовольствием переняли европейцы), носили на шлемах знаки благосклонности любимой (цветы или платки). Женщины играли большую роль и в культурной жизни столицы. Среди них были музыкантши, поэтессы и писательницы,

они частенько диктовали свои вкусы мужчинам — собратьям по писательскому цеху. Так, принцесса Валлада, красота и талант которой воспевали поэты не только в Андалусе, но и во Франции, даже открыла в Кордове литературный салон. Среди дам были и ученые — некая Лаббана сделала головокружительную карьеру в науках — сначала добилась места помощницы главного библиотекаря халифа Хакама II, а потом стала его личным секретарем!

В 1226 г. на Кордову напали войска короля Фердинанда III Святого. Город пал. Кордовский халифат окончательно перестал существовать. То, что арабам удалось спасти, свезли в Гранаду, столицу эмирата Насридов. Под ударами Реконкисты все сильнее сжималось христианское кольцо вокруг Гранады, но благодаря политической мудрости ее правителей и горам Сьерра-Невады, помогавшим выстоять под напором испанских войск, Гранадский эмират просуществовал еще до 1492 г., став настоящим оазисом и оплотом великой мавританской культуры в центре враждебного католического мира. И памятником этой культуры, памятником безвозвратно ушедшему прошлому осталась прекрасная Альгамбра, дворец эмиров Гранады, крепости-дворцы эмиров в Севилье, Малаге и дру-

гих андалузских городах, грандиозная кордовская мечеть, а также великая мавританская поэзия и гениальные открытия мавританских ученых — именно они, усвоив и сохранив достижения античной цивилизации, заложили основы современных алгебры и химии, физики, географии, астрономии и медицины. И когда государство мавров перестало существовать, все это стало достоянием европейцев, которые с благодарностью приняли драгоценный дар великой культуры и понесли его дальше, в эпоху Возрождения...

Сейчас Кордова — один из многих старинных, очаровательных, но глубоко провинциальных городов Испании. Ее звездный час, конечно же, в прошлом...

Но пройдитесь по ее узким улочкам, полюбуитесь изысканной красотой ее дворцов и площадей, и вы ощутите дух могущественного Кордовского халифата, государства, давно исчезнувшего с карт мира, но сумевшего оставить удивительно яркий след в истории человечества. □

Джон Сарджент, американец по крови, родился во Флоренции, учился в Париже, стал знаменитым в Лондоне и вошел в историю искусства как один из самых лучших в мире портретистов конца XIX—начала XX веков.

САРДЖЕНТ

Ирина Опимах

Родители Сарджента были весьма своеобразными людьми. Отнюдь не богачи, они имели достаточно средств, чтобы позволить себе не жить на одном месте, но путешествовать по всему миру, что нравилось им чрезвычайно. Зимние месяцы они предпочитали проводить в Италии, а летние — где-нибудь на севере Европы, во Франции, Германии или Швейцарии, в одном из живописных курортных городков, которых так много в этих странах. Вот и сын Сарджентов родился в Италии, где они проводили зиму 1856 года. Случилось это знаменательное событие 12 января, и родиной будущего художника стала прекрасная Флоренция, колыбель итальянского Возрождения. Конечно же, это не могло не сказаться на судьбе мальчика.

Кочевая жизнь семейства Сарджентов не давала Джону возможности получить систематическое образование, зато он выучил почти все европейские языки и говорил на французском, немецком и итальянском так же свободно, как и на родном английском. А еще он с детства мог видеть самые знаменитые шедевры

мирового искусства — родители таскали его по всем европейским музеям и историческим достопримечательностям. В октябре 1867 года Джону исполнилось одиннадцать лет, и мать его в письме американским родственникам замечает, что «Джонни уже достаточно большой, чтобы наслаждаться произведениями искусства, которых так много в Старом Свете, и прекрасными европейскими пейзажами». Миссис Сарджент была внимательной матерью — она довольно быстро заметила художественные способности сына, который больше всего на свете любил рисовать. В том же письме она пишет: «Джонни хорошо рисует, и если нам удастся найти подходящего учителя, из сына может получиться маленький художник».

Когда Джону исполнилось восемнадцать, ему разрешили поселиться в Париже, в этой столице искусств, и поступить в школу Шарля Эмиля Дюрана, подписывавшего свои работы псевдонимом Каролус-Дюран. Дюран считался в то время самым модным парижским художником, и лучше всего ему удавались портреты. Дюран был действительно

яркой личностью. Он ничего не брал со студентов, появлялся в студии пару раз в неделю, почти не разговаривал, да и не смотрел на учеников — его интересовали лишь их художественные опыты. Подойдя к полотну студента, Дюрэн протягивал руку, в которую тот клал карандаш, кисть или уголь, и маэстро в полной тишине делал необходимые, по его мнению, поправки. Однажды произошел курьезный случай — новичок, еще мало знакомый с манерой учителя, давал уроки, не вложил в руку Дюрэна

карандаш, а пожал ее. Дюрэн весьма удивился и озадачился такой реакцией. Осенью 1874 года в студии Дюрэна появились американцы — миссис Сарджент и ее юный сын Джон. Один из тогдашних студентов вспоминал: «Мы все столпились вокруг. Дюрэн открыл альбом, и мы были просто поражены зрелостью рисунков американца. Я взглянул на учителя — его брови взлетели вверх, и неожиданно он посмотрел на Сарджента. Потом резко повернулся к его матери и сказал фразу, ставшую потом широко известной: «Он уже многому научился. Придется разучиваться. Потенция выше средней. Принят», — поклонился и вышел из класса». Так Сарджент стал учеником Дюрэна.

Обучение у Дюрэна было нелегким, требовало неустанной работы, и Джон отдавал все силы живописи. Он так отличается от парижской богемы! Сестра Джона Эмилия, его самый близкий и преданный друг (она младше брата на год), писала: «Он живет в Латинском квартале, как в Филадельфии, — совершенным пуританином». При этом молодость берет свое — у него появляется множество друзей. Сарджент обладал необычайным обаянием и привлекал к себе самых разных людей. Более того, он как-то незаметно оказывает на своих новых приятелей весьма благотворное влияние. Один из его соучеников, англичанин Джон Алденвер, писал: «Познакомился поближе с Джоном Сарджентом. Такого таланта у нас еще не было. Его работы маслом — как у старых мастеров. Он свободно говорит по-французски, по-немецки и по-итальянски. Играет на рояле, как профессионал. Он очень много читает, и у него есть принципы. Благодаря ему атмосфера в нашем ателье как-то измени-

«Портрет Изабеллы Стюарт Гарднер» (1888), богатой жительницы Бостона и подруги Сарджента. Ей удалось собрать одну из лучших в Америке коллекций европейской живописи и произведений искусства.

«Пораженные глазами», (1918—1919).

лась. Вышли из моды лень, волокитство и идиотская одежда. Уэйл Лоу, например, любил ходить в рванье и в розовом атласном цилиндре. А Сарджент всегда одет аккуратно — костюм, белоснежная сорочка, галстук. При этом он совершенно не замечает своего воздействия на людей. Начисто лишен тщеславия. Знакомство с такими людьми поднимает дух».

Сарджент занимался в студии Дюрана до 1878 года. В это время по Парижу поползли слухи, что учитель, видя несомненные успехи Джона, стал завидовать талантливому американцу. Вполне вероятно, что так оно и было. Недаром Сарджент в качестве своей дипломной работы сделал портрет учителя и преподнес его с благодарственной надписью. Вероятно, и знак почтения, и своеобразный вызов на соревнование. Затем Джон некоторое время посещал класс Леона Бонна в Школе изящных искусств.

Бонн был художником вполне академическим, приобретшим известность благодаря своим портретам первых лиц парижского света. Поклонник Энгра, отличный рисовальщик, он никогда не пытался сломить индивидуальность своих учеников. И к Сардженту он отнесся тепло, с пониманием его яркого дара.

А в 1877 году Джон впервые выставил свою работу в Салоне. Парижский салон открывался 1 мая и становился одним из важнейших событий в жизни парижан. А незадолго до вернисажа они с огромным удовольствием наблюдали, как представители парижской богемы, надев на себя наиболее приличное из того, что висело — или чаще валялось — у них в шкафах, бережно несли свои шедевры на рассмотрение высокого жюри. Тогдашний Парижский салон можно сравнить с нынешними кинофестивалями класса «А», например, в Каннах, — та-

кое значение они имели в культурной жизни Европы. Сюда съезжались художники и критики со всего мира, здесь открывали новые течения и новые таланты...

И вот на этом празднике искусства работа Сарджента была замечена, а в 1881 году на очередном Салоне он даже получил медаль. О нем заговорили, у него появились первые заказчики. Почитателями таланта молодого художника стали самые разные люди, и среди них — замечательный писатель Генри Джеймс, еще один американский европеец. «Вчера видел в Салоне картину Джона Сарджента «Пары амброзии» — марокканка в белом одеянии, на фоне белой колонны, прикрыв голову белым покрывалом, вдыхает голубовато-белые пары, идущие из серебристо-белой курильницы. Я не знаю, правдива ли эта картина с точки зрения этнографической и религиозной, но — Боже! — как она красива, загадочна, незабываема! Белое волшебство!» — писал Генри Джеймс, увидев одну из работ Сарджента.

Удивительно тонкие оттенки цвета удалось передать Сардженту в картине «Нанизывание лукавиц», обратите внимание на световые блики, играющие на белом платье стоящей женщины.

«Собиратели устриц в Канкале», (1878). Эту работу иногда называют самой импрессионистической картиной Сарджента.

По-видимому, ген любви к путешествиям передается по наследству — Джон, как и его родители, испытывает неукротимую тягу к новым местам и новым впечатлениям. В 1876 году он с матерью и сестрой впервые увидел свою родину — и полюбил ее. Полюбил так сильно и преданно, что спустя многие годы, когда Сардженту оказали высокую честь — английская королева за заслуги перед ис-

кусством собиралась пожаловать ему рыцарское звание, он отказался — звание гражданина Соединенных Штатов для него было гораздо важнее, а сэром мог стать только подданный королевы.

Джон побывал и в других странах — в 1879 году путешествовал по Северной Африке, затем — в Испании и Нидерландах. В Испании и Голландии он с восторгом знакомился с картинами Веласкеса, Рембрандта, Хальса, полотнами великих «больших» и «малых» голландцев.

Все шло совсем неплохо: он пишет замечательные портреты, они красивы и не лишены психологизма и сделаны в классической манере — он работает так, будто нет в мире ни импрессионистов, ни других ниспровергателей. У Сарджента множество заказчиков в самых высших кругах парижского света. Про него ходят легенды — рассказывают, что он очень странно ведет себя в студии: ставит холст рядом с человеком, чей портрет пишет, так, чтобы на холст и модель свет падал одинаково. И все время бегает — отбегает и смотрит на портретируемого, затем бросается к холсту и энергично кидает несколько мазков, а затем снова отбегает, и так весь сеанс. При этом он непрерывно что-то бормочет, и в его бормотании можно разобрать лишь часто повторяющееся восклицание «Черт!» Кто-то

«Сэр Джордж Ситвелл, леди Ида Ситвелл и их дети», (1900).

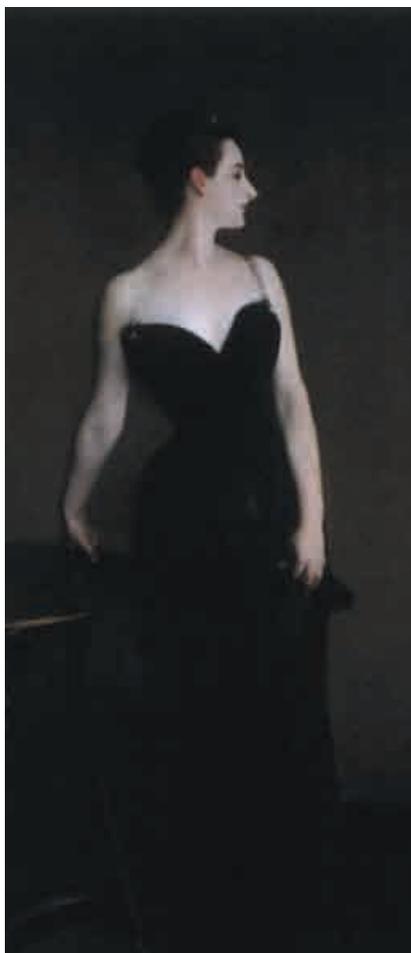
посчитал, что за один сеанс он пробегает примерно мили три-четыре.

Ничто не предвещало скандала — Сарджент отнюдь не революционер, в его портретах нет ничего предосудительного, и они очень нравятся оригиналам. И вдруг все резко изменилось.

В 1884 году в Салоне внимание публики привлек «Портрет мадам X». Любители живописи увидели на полотне Сарджента очаровательную, пленительную, обворожительную молодую женщину. Это был портрет Вирджинии Гутро, американки из Луизианы, приехавшей с матерью из Америки в Париж после Гражданской войны, на сражениях которой погиб ее отец. Обладательница яркой, даже вызывающей внешности, этакая Скарлетт О'Хара, героиня знаменитого романа Митчелл «Унесенные ветром», она стала известна в свете и быстро сделала выгодную партию — вышла замуж за влиятельного в парижском финансовом мире банкира Гутро. А потом, обретя уверенность, что называется, в завтрашнем дне, пустилась во все тяжкие. Среди ее любовников были самые известные персонажи светской жизни. Мадам Гутро покорила своей красотой и Сарджента — он предложил написать ее портрет. Художнику очень понравилось, как у него это получилось, а вот публика, да и критики тоже, восприняли его работу совсем иначе. В картине, возмутительной, по мнению очень многих, все выглядело слишком эротично — и совершенные линии фигуры, и алебастровая кожа, и шик черного открытого платья, и дерзкая, вызывающая поза, а самое главное, бретелька, игриво соскочившая с плеча. На выставке было множество картин с обнаженной натурой, но, как ни странно, именно этот портрет вполне одетой женщины вызвал сильнейшее неприятие обывателей. Ма-

дам Гутро и ее мать явились в мастерскую Сарджента и устроили там чудовищную сцену. «Вы убили ее, вы просто убили ее!» — вопила мать Вирджинии. Особенно дам возмущала эта соскользнувшая бретелька. Они требовали снять картину с выставки, но художник наотрез отказался и лишь в одном пошел на компромисс — вернул несчастную бретельку на место, ей приличествующее. Прошло сто лет, и этот портрет, так любимый самим художником, был признан критиками одной из лучших его работ.

После истории с мадам Гутро Сарджент, совсем недавно самый востребованный портретист Парижа, оказался в глубокой опале.

Портрет Вирджинии Гутро «Мадам X». В 1884 году этот портрет кисти Сарджента послужил причиной неожиданного для художника громкого скандала.

Что делать? В Париже он не видел для себя никаких перспектив. И Сарджент решает уехать в Лондон. «Дорогие друзья, пригрейте до моего приезда художника Джона Сарджента. Он — талантливый человек, талантливый художник и джентльмен до кончиков пальцев. Он взял у Парижа все, что Париж мог ему дать. И теперь, я уверен, его домом станет Англия. Я принимаю близко к сердцу его работу и его судьбу. Заранее вам благодарен», — писал в Лондон своим друзьям Генри Джеймс.

После парижского скандала Сарджент был столь расстроен и подавлен, что даже подумывал, а не бросить ли ему живопись. Кроме художественного дара, он обладал еще и незаурядными музыкальными способностями. Скрипач Чарлз Лофлер приходил в восторг от его игры на фортепьяно: «Вы не представляете, каким пианистом он станет! Я заметил, что когда он играет и вдруг берет неверную ноту, она всегда лучше той, что в оригинале. Это признак настоящей, врожденной музыкальности!» Однако живопись одержала верх над музыкой. «Пожалуй, я все-таки попробую продолжить здесь свою карьеру художника, хотя англичане считают, что я зверски французский художник», — писал он сестре.

В 1887 году Сарджент приехал в США. Его приезд подготовили друзья-американцы — Генри Джеймс и архитектор

Уайт. Соотечественники им верили, а, кроме того, в Сардженте был этаким европейский шик, который так импонировал грубоватым обитателям Нового Света. И вот тут его настигла настоящая, бешеная популярность — отбоя от заказчиков просто не было! А когда Сарджент вернулся в Англию, к нему потянулись богатые американцы, которые ехали в Лондон специально для того, чтобы художник написал их портрет! В одной из английских газет даже появилась карикатура: к дверям его студии на Тайт-стрит выстроилась длинная очередь — тут и главы королевских домов Европы, и богачи, и дамы полусвета, разодетые в пух и прах. Все они жаждут, чтобы их образ запечатлел на холсте знаменитый портретист! Сарджента признали и в столице Англии. «Лондон лежит у его ног», — писала современница художника. А в 1894 году Сарджента избрали членом Королевской Академии художеств. Это уже был настоящий триумф!

Кроме портретов, Сарджент пишет пейзажи и фрески. С 1890 по 1916 годы он работает над двумя сериями росписей — для бостонских Публичной библиотеки и Музея изящных искусств, а в 1921—1922 годах — для Библиотеки Вайденера в Гарвардском университете, эта работа посвящалась студентам университета, погибшим на фронтах Первой мировой войны. Сарджент создавал

«Три мисс Викерс»,
(1884).

«Портрет леди Энью» (1892). Впервые этот портрет публика увидела на выставке Королевской академии в 1893 году. «Таймс» назвала его «настоящим шедевром», после этого заказчики выстроились к Сардженту в плотную очередь.

фрески дома, в своей мастерской, а потом их перевозили. И каждый раз Сарджент сам сопровождал фрески в плавании через океан и участвовал в их установке. Но главным для него оставались, конечно же, портреты. Он написал более 800. Кого только нет на его полотнах! Тут и египетская девчонка, встреченная им на улице, и высокогородная ле-

ди Энью, и филладельфийский железнодорожный магнат, и президенты США Вильсон и Рузвельт, и писатели Генри Джеймс и Льюис Стивенсон. Большое место в творчестве Сарджента заняли портреты членов еврейского семейства Вертхаймер. Глава клана Эшер Вертхаймер был личностью замечательной. Его отец, выходец из Германии, сумел нажать

в Лондоне немалое состояние. Эшер в полной мере унаследовал таланты своего родителя и с большим успехом продолжил его дело. У него было много денег, но они не давали права занять в обществе приличествующее его капиталам место. Сарджент подружился с Вертхаймерами, с родителями и детьми (Вертхаймеры размножились согласно Торе, у них родилось девять детей, но при этом совсем не ортодоксальны). Он каждую неделю обедал в их доме, они часто вместе музицировали — Эшер был очень хорошим музыкантом. Сарджент писал Вертхаймеров на протяжении десяти лет. Особенно Сарджент любил старшую дочь Эшера и Флоры — Елену, талантливую художницу. Дружба с еврейским семейством не одобрялась в высшем обществе, но Сарджента это нисколько не волновало. Теперь ему уже никто не мог диктовать — ни в жизни, ни в искусстве. Он, как и Вертхаймеры, чувствовал

себя в некотором роде изгоем — они были евреями, а он — гомосексуалистом, что, впрочем, никогда не мешало ему ценить женскую красоту. Благодаря Вертхаймерам Сарджент сделал великолепные, глубокие, психологические работы — «Портрет Эшера Вертхаймера», «Елена и Бетти» и «На всех парусах». Последняя картина появилась, когда Елена (Ена, как ее звали в семье) опоздала на сеанс и появилась в студии художника запыхавшаяся, в расстегнутом плаще. Вот такой — вся порыв, вся движение, молодость и азарт — и изобразил ее художник.

Несчастья не обошли стороной эту большую, дружную семью. Сын Альфред, подававший большие надежды ученый, химик, погиб на Англо-Бурской войне, когда ему было всего двадцать пять лет; старший сын Эдвард умер вскоре после свадьбы от отравления; младшая дочь Руби, прекрасная певица, погибла в немецком концлагере во время Второй ми-

«Китайские фонарики», (1885—1886). «Я пытаюсь написать очаровательную сценку, которую наблюдал вчера вечером. Две маленькие девочки в сумерках, в саду, среди цветов, освещенных зажженными бумажными фонариками...». Так писал Сарджент в 1885 году.

ровой войны... Но все эти трагические события произошли гораздо позже, а пока Сарджент с удовольствием бывает в доме своих друзей, пишет их портреты, музицирует с хозяином дома. Этот, по словам Генри Джеймса, «аристократ до мозга костей», принятый во всех лучших домах Лондона, всегда чувствовал себя неуютно в высшем свете, зато у Вертхаймеров он находил душевное тепло и понимание.

С 1907 года Сарджент охладел к портрету. Все чаще и чаще он отказывается от заказов. А когда его любимица Ена Вертхаймер вышла замуж, он вдруг заявил: «Все, больше никаких портретов! Я мог бы и дальше писать их, если при этом не нужно было бы разговаривать с заказчиками. Но столько сил отнимает необходимость выслушивать эту бесконечную болтовню, которой они осыпают тебя во время работы! Они мне так надоели, что, надеюсь, больше не напишу ни одного, особенно дам высшего света. Я должен, наконец, выбраться на юг, на солнце! И буду писать то, что увижу!»

И он снова, как в далекие детские годы, стал жить кочевником. Каждую весну вместе с приятелями и со своей любимой племянницей Роуз-Мэри он отправлялся путешествовать по Европе. Получал удовольствие от общения с приятными ему людьми. Наслаждался чудесными пейзажами. И работал, не сильно утруждая себя. Он был вполне удовлетворен жизнью, но...

Его изящный и элегантный мир был разрушен — разрушен беспощадно, уродливо, страшно. Началась Первая мировая война, и Европу захлестнули потоки крови.

«Элен Тэри в роли леди Макбет», (1889). Эта картина — одна из немногих, в которых Сарджент проявил себя как модернист. Белая кожа модели, кроваво-красный рот, трагический излом бровей — все это, несомненно, дань модному в те годы стилю «ар нуво».

«Вид Венеции в пасмурный день», (1880 или 1882). Здесь явно чувствуется влияние импрессионизма.

Август 1914 года застал Сарджента и его друзей в Тироле. Их некоторое время не выпускали. Поначалу никто, и Сарджент тоже, не понимал масштабов этой безумной бойни. И когда ему пообещали, что дадут визу для выезда из Тироля в воскресенье, он спросил военного чи-

вание в своем лондонском доме — Сарджент отправился на фронт!

В 1916 году британское правительство посылает группу художников на фронт, во Францию. В составе этой группы и Сарджент. Уже совсем немолодой художник перед отъездом сказал другу, провожавшему его на вокзале: «Я должен это видеть. Я всю жизнь ограждал себя от ужасов и уродств. Я практически не покидал свою мастерскую. Пора это сделать».

Он прибыл на фронт — в район Араса. Увиденное там перевернуло всю его душу. Он делает огромное количество акварелей и рисунков — тут и батальные сцены, и портреты солдат. Этот утонченный мастер, принятый в самых аристократичных домах Европы, столько раз изображавший на своих полотнах тонких и изящных дам высшего света, живет в грязных окопах и землянках, ест солдатскую кашу и, как они, болеет инфлюэнцией...

Сарджент писал также и акварели. Его акварели отличаются прозрачным колоритом, мастерским штрихом и отсутствием предварительного наброска. «Церковь Санта-Мария делла Салюте в Венеции», (ок. 1882).

новника: «Надеюсь, нам ничто не помешает? Ведь наверняка по воскресеньям они не воюют». Война, эта чертовски нелепая вещь, помешала его путешествиям! Он вернулся в Лондон и зажил так же, как жил и до того. Но однажды почтальон принес ему телеграмму из Франции, где сообщалось, что немцы обстреляли театр Сен-Жермен, где в то время находилась его обожаемая Роуз-Мэри, и что она погибла. Вот только тогда до Сарджента дошел весь трагизм происходящего в мире. Война вошла в его сознание, в его душу. Он уже не мог больше продолжать сравнительно спокойное существо-

«Натурицица», (1876).

Итогом всего пережитого на войне стала картина «Газ». Он закончил ее в 1919 году. На полотне солдаты застыли, как на греческих барельефах — опустив головы, в вылинявших, рваных гимнастерках, смертельно уставшие. На выставке Королевской Академии художеств это скорбное, полное горечи и трагизма полотно, страстный протест против ужасов войны, было признано картиной года.

Сарджент скончался в 1925 году, 15 апреля, узнав славу, признание, получив все мыслимые и немыслимые звания и награды, став почетным членом трех университетов — Кембриджского, Оксфордского и Йельского. Умер совершенно внезапно, за три дня до предполагаемого отплытия в Бостон. Умер во сне, в своем лондонском доме. Вдруг отказало сердце. Говорят, что так, во сне, без боли, уйти из жизни дано только редким счастливицам. Ему было 69 лет...

Долгие годы после смерти его считали безнадежно устаревшим — действительно, Сарджент писал так, будто не было в мире ни Пикассо, ни Сезанна, ни Ван Гога, ни Кандинского. Но в конце XX века и сейчас, в начале XXI, многое в искусстве подверглось переосмыслению. Художники-модернисты решали задачи скорее философского, нежели живопис-

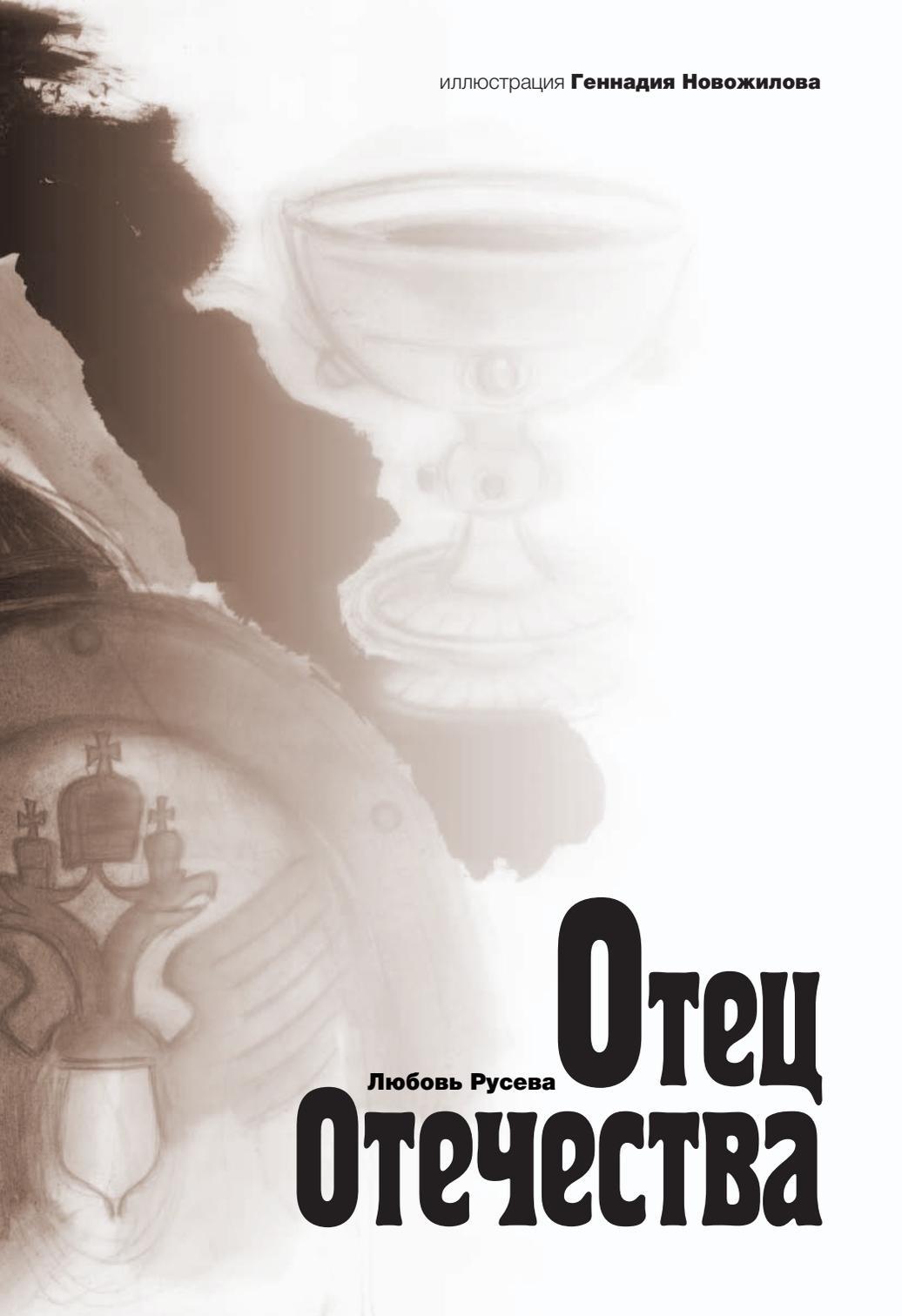
ного, плана, их волновали абстрактные проблемы — тайны человеческого сознания, будущее человечества. Но теперь настали другие времена, и людей все больше занимает сам человек — с его страстями, бедами, счастьями и несчастьями. А Сарджент в своих лучших портретах, написанных ярко, живописно, тонко, мастерски, как никто другой мог рассказать о людях, о том, что происходит в их душах. Это целая галерея, где присутствуют и блестящие красавицы, и выдающиеся исторические деятели, и дельцы, и писатели, и композиторы. Он создал портрет эпохи, а это удается совсем не многим. □

Одна из фресок первой серии «Триумф веры» — для Публичной библиотеки в Бостоне (над ней Сарджент работал с 1890 по 1916 год).

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

Любовь Русева

Отец Отечества

На Москве пир горой — боярин Иван Воротынский празднует крестины сына. Крестными же были князь Михайло Скопин-Шуйский да княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская — жена брата царя. И на том пиру кума куму подносит чару, бьет челом за здоровье крестника Алексея. А в чаре той «питие уготовано лютое, питье смертное». Выпивает князь чару досуха, и не в долгод час «во утробе» его «возмутилося». Не допировал он, поехал к матушке. Как вошел в хоромы свои, «усмотрела его мати, и возригла ему во ясные очи. И очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая»¹.

Вот и угасла ветвь старинного рода суздальских князей, и всего-то четыре колена насчитала она. Родоначальником был воевода Ивана III боярин Иван Васильевич Шуйский по прозвищу Скопа². Он возглавлял большие полки в казанском и литовском походах. Сын его Федор стал первым воеводой в Вязьме, а на его воеводство в пограничных городах выпали самые жестокие и опустошительные походы казанского хана Сафа-Гирея. Летописи и воинские повести прославляют имя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, оборонявшего Псков от Стефана Батория вместе с князем Иваном Петровичем Шуйским. Он же играл последнюю роль в «государевом опричном дворе». Скопины-Шуйские, несмотря на родовитость³, даже во времена Грозного не подвергались серьезной опале, поскольку верой и правдой служили державе, а не интриговали при дворе.

Князь Михаил Васильевич родился 8 ноября 1587 года. Мальчику не исполнилось и восьми лет, когда он остался без отца, поэтому воспитание сына легло на плечи матери. Обучаться «наукам» княжич начал с семи лет.

Видно, действительно Михайло отличался не по годам «многостепенным разумом», поскольку уже при Годунове становится стольником, а год спустя — великим мечником и ближайшим советником Лжедмитрия I. Известно также, что юного князя прочили и в Боярскую Думу.

«Характер этого человека, к большому сожалению, по скудости источников, остается недостаточно ясным: несомненно только то, что это был человек необыкновенных способностей». /Костомаров/ Соловьев же обобщает известное: «По свидетельству современников, это был красивый молодой человек, обнаруживавший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше». Можно еще добавить, что князь не «тщеславил-

¹ Очерк написан на основе русских летописей, разрядных книг, «Записок иностранцев XVII в., отечественных историков XVIII—XX вв.

² В его волостях в несметном количестве водились скопы (птица из породы орлов).

³ Царь Василий Шуйский принадлежал к младшей ветви этого княжеского рода.

ся» происхождением, не клеветал на близких, был молчалив и «того ради в толикое страстное... время в тишине пребыть».

И последние штрихи к внешности князя. По причине чрезвычайно высокого роста во всей Москве не смогли сыскать дубовую колоду, в которой, по старинному обычаю, следовало его похоронить. Пришлось ее «наращивать». Скопин, по словам дьяка Тимофеева, «всем напоминал молодого быка, крепостью своей цветущей и развивающейся юности он ломал рога противников, как гнилые лозы». Вглядимся в икону, на которой изображен Михаил Васильевич. Безусое, безбородое лицо с пухлыми щеками юноши — и старчески глубокая складка на переносице. Тонкие брови полководца весело взлетели над широко расставленными большими глазами — и ранние залысины, покрытый морщинами высокий лоб. Губы, тронутые улыбкой, в то же время они сжаты и резко очерчены. Перед нами сильный, волевой человек, многое переживший за свои двадцать два года.

Отдельные факты вкуче наводят на некоторые мысли. Неизвестно, например, состоял ли в заговоре своих родственников против Лжедмитрия князь Михаил, но известно, что у него хранился меч Дмитрия Шуйского — брата будущего царя. Во время самих событий Дмитрий не нашел меча. Если это не случайность, то гибель царедворца Татищева (в бытность его новгородским воеводой) перестает быть загадкой. Когда пришла весть, что из Тушина идет полковник Кернозицкий с войском, вести передовой отряд вызвался Михаил Игнатьевич, но его недруги донесли князю: тот-де «затем идет на Литву, чтобы изменить Василию и сдать Новгород».

«Скопин, вместо того, чтобы защищать Татищева или разбирать справедливость доноса, собрал ратных новгородских людей и сказал: “Вот что мне говорят против Михаила Татищева, рассудите сами”... Это дело остается темным как по отношению к личности Татищева, так и самого Скопина», — заключает Костомаров. Карамзин же пытается оправдать данный поступок: «Извет был важен, а князь Шуйский молод и пылок... Вместо суда народ в исступлении ярости умертвил Татищева, не дав ему сказать ни единого слова, к горести Михаила, увидевшего поздно, что народ, в кипении страстей, может быть скорее палачом, нежели судиею».

Если учесть, что Татищев — ключевая фигура дворцового переворота 1606 года, а самое главное, именно он предательски, подкравшись сзади, воткнул нож в спину Басманова (лучшего полководца своего времени), то, возможно, молодость и пылкость князя Михаила тут окажутся ни при чем.

Все, кто когда-либо писал о Скопине, отмечают его чрезвычайную популярность. Соловьев, пытаясь объяснить этот феномен, анализирует причины столь «сильной любви всех добрых граждан», которую «Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одною из тех побед, которые так поражают воображение народа». Почему? Да потому, что русские страдали «от отсутствия человека, к которому можно было бы привязаться, около которого можно было бы сосредоточиться; таким человеком явился, наконец, князь Скопин». Кто договорился со шведами и идет с ними к Москве, где царствуют смута и голод? Скопин! Вот он уже в Торжке, вот он — в Твери, в Александровской слободе... «Не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусных ратников иноземных, что без них он ничего не мог сделать, останавливался, когда они уходили; не рассуждали, не догадывались, не знали подробно, какое действие имело вступление короля Сигизмунда в московские пределы, как он прогнал Лжедмитрия и Рожинского из Тушина, заставил Сапегу снять осаду Троицкого монастыря...»

Русский историк подтверждает мнение всех иностранцев. Буссов, например, писал: «Вся эта сторона, от Лифляндии и Шведского государства до Москвы, в один год была настолько очищена от войска Дмитрия, что не видать было больше ни одного

поляка или казака из 100 000 человек, которые почти два года стояли под Москвой и под Троицей... ибо всех их принудил отступить небольшой отряд немцев и солдат других народностей под начальством Понтуса»¹. Если все было так на самом деле, то не понятно, с чего это врагам «москвитян» говорить, что юный князь «был бы достоин королевствовать над ними»? А почему не Якову Делагарди Понтусу?

Царский воевода

Год отдыхала русская земля от смуты, но с воцарением Шуйского пришел конец передышке. Любовь к «истинному царю Дмитрию» была столь велика, что как только распространился слух о его спасении, гражданская война вспыхнула с новой силой. В 1606 году отряды восставших возглавили сын боярский Истома Пашков и личный эmissар Лжедмитрия II Иван Болотников. «Заворовались» (присягнули вору) Путивль, Чернигов, Рылск, Кромы, Курск, и пошла цепная реакция — города один за другим «отлагались» от царя Василия. К Москве со стороны Тулы и Серпухова шел Пашков, а со стороны Калуги — Болотников.

Именно в это время всходит звезда Михаила Васильевича, возглавившего оборону столицы на серпуховском направлении. Первую победу он одержал на реке Пахре: командуя отрядом, князь обратил в бегство армию Пашкова. И этому же Пашкову в Троицком «побоище» «показали тыл» основные силы под началом Мстиславского, Дмитрия Шуйского, Воротынского и других бояр. Неслучайно царь Василий во время генерального сражения вверил всю свою рать князю Михаилу, а не старым воеводам. 2 декабря под Коломенским Болотников дрался, «как лев», но Скопин его одолел, «воров побили и живых многих поимали», а сам атаман «с достальными людьми побегал в Калугу».

«Юноше-победителю... рожденному к чести, утешению и горести Отечества, дали сан боярина... Радовались и торжествовали; пели молебны с колокольным звоном и благодарили небо за истребление мятежников, но прежде времени...» /Карамзин/ По выражению летописца, страна «утопала в пучине крамол, и волны стремились за волнами: рушились одне, поднимались другие». Активизировался и собрал рать еще один претендент на престол — «сын» царя Федора Петр. Наконец, собственной персоной явился Лжедмитрий II, за ним хлынули польские и литовские магнаты со своими полками. Точная численность армии самозванца неизвестна. Из Польши и Литвы в Тушино, ставшего второй столицей, непрерывно прибывали подкрепления. Маскевич отмечал в дневнике, что только поляков было 40 000, а запорожских казаков — еще больше. По данным пана Мархоцкого, в войске самозванца, кроме 18 000 татар, было 65 000 и «немало московских бояр» со своими отрядами. По подсчетам Российского генштаба, «хорошее войско» насчитывало 48 000 (поляки, донские и запорожские казаки), точное число русских сторонников самозванца — неизвестно.

В непрерывных сражениях князь Михаил постигал науку побеждать. В то время войска несли наибольшие потери, когда «показывали тыл», ибо бегущие в панике нещадно рубила конница. Скопин не возглавлял осаду Калуги, а стоял «в особом полку по другую сторону» города. Во время дерзкой вылазки Болотникова все «обратили тыл, кроме юного князя Скопина-Шуйского и витязя Истома Пашкова»²...

¹ Автор «Московской хроники» Конрад Буссов почти 20 лет находился в центре событий нашего Отечества. Уроженец Люнебургского княжества попал в Россию в год смерти Ивана Грозного, служил его сыну царю Федору, затем Годуну, Лжедмитриям, находился в армии Болотникова.

² Пашков до начала сражения под Коломенским перешел на сторону царя.

Они упорным боем дали время малодушным бежать, спасая если не честь, то жизнь их; отступили, сражаясь, к Боровску, где несчастный Мстиславский и другие воеводы соединили рассеянные остатки войска...»

Под Тулой, где окончательно разгромили Болотникова и «царевича Петра», Скопин — снова во главе войска. Здесь он убедился в бессилии кавалерии против плохо вооруженной, но защищенной пехоты. «Это был урок воеводе, который не следовало забывать, — пишет Вадим Каргалов. — За естественной преградой — речкой с топкими берегами, за нехитрыми деревянными укреплениями «воровские люди», кое-как вооруженные, не знавшие воинского строя, успешно отбивали атаки отборной дворянской конницы!» И князь Михаил не забыл этот урок: позже, сражаясь «с панцирной польской конницей, буквально сметавшей все на своем пути», его пешие воины будут неуязвимы за деревянными острожками.

После сокрушительного разгрома под Болховом бездарного Дмитрия Шуйского царь наспех собрал остатки рати, приказав Скопину встретить войска Лжедмитрия и гетмана Рожинского на Калужской дороге. Князь стремительно пошел в указанном направлении, и, не обнаружив врага, остановился за Окой, «начаша посылать от себя посылки». Разведчики и донесли ему, что самозванец идет к Москве «не тою дорогою». Этот урок Михаил Васильевич тоже запомнит. Организовав свое войско, он с места не сдвинется без разведданных, и врасплох его польские воеводы не застанут. К тому же воевать он будет «своим умом», а не по указке царя.

Вскоре Василий Шуйский остается царем без царства, а мать всех городов Москва — столицей без государства. Часть дворян перешла на сторону «истинного Дмитрия», часть разошлась со своими людьми по имениям. Тут-то и вспомнит самодержец шведского короля, который уже дважды предлагал ему военную помощь. Но на Руси испокон веку повелось скрывать настоящее положение дел, и Шуйский оба раза выразил Карлу IX негодование: у него-де рати несчетные и ни в чьей помощи не нуждается. Теперь же «для спасения престола» он поручил Скопину заключить союз с Карлом и привести наемников. Посольство, состоявшее из сорока человек, охраняло полторы сотни отборных всадников. Пробирался отряд на север лесами да окольными дорогами, поскольку казаки и интервенты уже разошлись по стране, подчиняя «тушинскому вору» уезд за уездом.

Когда камни плачут

О свалившихся бедствиях на Русь в 1609 году подробно излагает Буссов: «В этом году беды с еще большей силой обрушились на все четыре конца России... Всюду шли большие кровопролитные войны. Димитрий II упорно осаждал Москву и Троицу. Где только можно было причинить ущерб москвитам, там его 10 000 ратников не ленились, жгли, убивали, грабили всюду, куда им только удавалось попасть...

Польский король Сигизмунд III тоже пришел в этом году с 20 000 ратников под Смоленск, требуя, чтобы город и крепость сдались ему добровольно... Смольняне же в ответ ему не послали ничего, кроме пороха и пуль. Он стоял там полтора года до 13 июля 1611 года... Ну, а какой вред за столь долгое время причинило в разных местах земли войско в 20 000 человек, легко можно догадаться...

С третьей стороны... вторглись также и татары с 40 000 человек и... увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними... А об ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В это время раздавались горестные стенания жителей... ибо многие жены лишились мужей, мужья — жен и детей, так что даже камень — и тот разжалобился бы...

На четвертом конце земли Русской в феврале, марте и апреле указанного года отпали от Дмитрия II некоторые присягнувшие ему города, а именно: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск и Углич. Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками, которых они заставляли в загоне, то есть в поисках провианта, или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с ними прежде поляки... Единственной причиной их отпадания от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков... Они отнимали силою у бедняков... все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков...»

По словам автора хроники, войско, присланное шведским королем в помощь русскому царю, внесло свою лепту. «Иноземные воины... тоже не оставили на месте ничего, кроме слишком горячего или слишком тяжелого». Жестокость порождает жестокость. В ответ на вспыхнувшие стихийные бунты свирепствовали карательные отряды. За убийство воеводы Шмидта Лисовский «превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец Польский... Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам... — выразить невозможно. Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это».

В такой обстановке начал свое великое дело молодой князь Михаил. Но ему и России повезло: во главе шведских войск стоял талантливый двадцатипятилетний Яков Делагарди, прошедший школу легендарного принца Оранского. Он столь доблестно сражался за свободу Голландии, что французский король Генрих IV пригласил его к себе на службу.

Реформатор

Мориц Оранский, боровшийся за независимость Нидерландов, первый создал регулярную армию нового типа. Этот выдающийся голландский полководец внедрил линейную тактику, новое вооружение и рода войск. Он изменил боевой порядок пехоты: разделил неповоротливые массы на более мелкие и легкие части, взаимно друг друга поддерживающие, что дало возможность использовать в битвах гораздо больше людей. Тяжелая испанская кавалерия на себе испытала превосходство организованной им легкой конницы, отличавшейся подвижностью и маневренностью. В результате, его армия стала столь гибкой, что во время сражения меняла фронт, не нарушая порядка, по сигналу перестраивалась, совершала маневры, отрывалась от противника. Нидерландская армия явилась школой для всех войск Европы. Чрезвычайно повлиял Оранский и на тактику «осадной войны», предпочитая активность в обороне крепостей. Принц создал и воспитал профессионалов, обладавших необходимыми знаниями для ведения войны. «Старые капитаны ландскнехтов во главе своих рот являлись вождами и передовыми бойцами, — писал военный теоретик Дельбрюк. — Нидерландские же капитаны вместе с остальным помогавшим им командным составом были офицерами... Они не просто вели солдат, но сперва создавали бойцов, которых затем вели в бой. Мориц Оранский... стал отцом подлинной военной дисциплины; тем самым он сделался и творцом офицерского корпуса...»

Русская армия была старого образца. Большую часть ее составляла дворянская конница, собиравшаяся только на время военных действий. Она не отличалась

ни дисциплиной, ни единообразным вооружением, ни централизованным обеспечением всем необходимым, не знала «стройного боя» и атаковала густой «лавой». А для снятия блокады Москвы и полного очищения страны от интервентов нужна была рать, способная громить казаков, немецкую пехоту и польско-литовскую конницу. Организация боеспособной армии требовала больших средств. Скопин во все концы рассылает грамоты, обращается к купечеству, посадским, духовенству, «сколько кому можно дать денег и сукон и камок и тафт». Огромную сумму прислал Строганов, много денег доставили монастыри, «приехаша изо всех городов с казною и с дарами ко князю Михаилу Васильевичу...»

Прибывшее в марте 1609 года шведское войско состояло, в основном, из французов, немцев, шотландцев, самих шведов оказалось сравнительно немного. По «отписке» Михаила Васильевича всего насчитывалось 15 643 человека, а у самого князя было тогда не более 5 000 человек. По договору, союзники поступали в полное распоряжение Скопина-Шуйского. Для освобождения городов юный полководец непременно отправлял русские и шведские полки. Взяли Орешек, Торжок, Тверь. Во время сражений князь любовался «профессионализмом» наймитов, их устойчивыми боевыми порядками. Вот такая армия ему нужна!

Но после взятия Твери, не получив полный расчет, союзники взбунтовались и разбежались. Делгарди, оставшийся с одними шведами, вынужден был вернуться в Новгород. Скопин с малочисленной русской ратью направился в Колязин. Это еще один урок — надежды возлагать надо только на своих. Под его стяги соберутся ополченцы, он создаст свою армию, и она будет подобна нидерландской! Князь не ошибся. К Калязину стало стекаться множество «черных людей», крестьян и горожан. Прибывали и войска: из Костромы привел свой полк воевода Жеребцов, из Москвы прорвался через тушинские заставы воевода Валуев, пришли отряды из Ярославля и других городов. Всего набралось около 20 000, и всю эту массу необходимо было организовать в сплоченную армию. О «боеспособности» большинства свидетельствует дьяк Тимофеев: «Крестьяне не понимают, на какое место полагается каждый вид ратного оружия... Когда же этим невежам... придет время облачиться в такую же броню, они шлем налагают на колено, щит безобразно вешают на бедро вместе с другим вооружением...» Обучением «этих невеж» занялся Зомме¹. «Ни одного почти дня не проходило у него, чтобы он не обучал московского солдата, хоть и снабженного надлежащим оружием, но неотесанного и до сих пор неопытного в сражении, полевым упражнениям по бельгийскому обычаю, в марше, в строю, то на равном узаконенном расстоянии соблюдать ряд, то правильно копыями наводить, мечами размахивать, дротики метать, то придвигать машины и взбираться на вал», — писал Видекинд.

В Тушине забыли тревогу, против князя направили огромные силы: из-под Троице-Сергиева монастыря выступил гетман Сапега, из Тушина — полк Зборовского. С ними шли также полки Тянскоронского, Лисовского, Микулинского и Костенецкого. Один полк гетмана насчитывал 12 000. Большую часть этого войска составляла конница — гусары и казаки.

Сражение началось 18 августа. Стремительную атаку кавалерии остановили рогатки, «огненные стрелки», находившиеся за ними, открыли убийственный огонь. Целый день гусары пытались выманить на чистое поле русские полки, но у тех был приказ Скопина: бить «литовских людей» из-за укрытий. Сапега меняет тактику — переправляет ночью полки через речку Жбану, чтобы прорваться с менее защищенной сторо-

¹ Зомме служил князю Михаилу по особому договору, он привел с собой 250 всадников и 720 пехотинцев.

ны. Но заставить врасплох князя не удалось. Предвидя маневр гетмана, он послал туда полки Головина, Жеребцова, Валуева и Борятинского, приказав воеводам ударить, когда часть войск врага переправится. Успех атаки был полный: поляки, литовцы и казаки бежали в Пирогово, где находился лагерь Сапеги. Скопин повел туда свою рать, навстречу ему выступили «литовские гетманы и их полковники всеми полками своими, и бысть сеча зла». Сражение длилось семь часов, и «с того бою литовские люди пошли в отход». Буссов пишет: «Скопин и Понтус всем войском напали на поляков... и так потешились над ними, что поляки бежали с поля боя без оглядки, пока не оказались в лагере под Троицей». Но Делагарди пришел с войском в Калязин только 26 сентября. Эта победа принадлежит русским полкам, и она показала, что молодому полководцу удалось не только собрать новую рать в распавшемся на отдельные города государстве, а в считанные недели превратить небоеспособные ополчения в непобедимое войско, которое благодаря его реформе поднялось на уровень лучших европейских армий.

Как полководца Скопина-Шуйского отличали осмотрительность и основательность. Достаточно вспомнить, как он отвоевывал и закреплял за собой освобожденную территорию. Передовые отряды выбивали противника из важных опорных пунктов, вслед за этим их укрепляли, после этого туда входили основные силы. И так город за городом. Действовал князь только наверняка, имея исчерпывающие сведения о противнике благодаря разведке, он умело сохранял скрытность своих передвижений. Решающие удары Михаил Васильевич наносил «кулаком».

Скопин всегда навязывал противнику свой сценарий битвы. Тяжелую польскую конницу он встречал только на укрепленных позициях, во время стоянок непременно возводил полевые укрепления. Перевес в сражениях ему обеспечивала «нидерландская хитрость» — система острожков. Гетман Жолкевский назвал его тактику «успешным фортелем»: «Прикрываемый укреплениями, Скопин отражал их (поляков), избегая сражения, и стеснял их сими укреплениями, которые были наподобие... замков. За этими укреплениями, с которыми наши не знали, что делать, москвитяне были совершенно безопасными; деля беспрестанно из них вылазки на фуражиров, не давали нашим никуда выходить».

В Александровской слободе войско князя увеличилось до 30 000 человек. Что по сравнению с этой силой 2 000 воинов Делагарди?! Но впереди были кровопролитнейшие битвы. Сапега, Ружинский и Стравинский пытались выбить Скопина из этого города. Одной конницы у них было 10 000. Михаил Васильевич непосредственно руководил сражениями, расставлял полки в боевой порядок, вел их в атаку.

Одержав победу, полководец сумел переправить в многострадальную Москву большой обоз припасов. «Наконец, россияне видели, чего уже давно не видали: ум, мужество, добродетель и счастье в одном лице; видели мужа великого в прекрасном юноше и славили его с любовью... Но сия любовь, способствуя успеху великого дела, избавлению Отечества, имела и несчастное следствие», — писал Карамзин. Прокопий Ляпунов прислал к Скопину посольство от всей рязанской земли с грамотой, в которой извещал, что вся русская земля хочет его избрать в цари и признает, что, кроме Михаила Васильевича, никто не достоин сидеть на престоле. Это не «самодеятельность» Ляпунова, дьяк Тимофеев пишет: «Все бесчисленные роды родов готовы были без зависти, в тайном движении своих сердец возложить на его голову рог святопомазания, венчать его диадемой и вручить державный скипетр...» Грамоту князь разорвал, но посланцев Ляпунова отпустил. Это был благородный, но опасный для него поступок.

Несмотря на поражение под Александровской слободой, Сапега, стоявший под стенами Троице-Сергиева монастыря, продолжал посылать конницу захватывать новые территории. Скопин послал в осажденный монастырь 600 «мужей избранных воин»,

обученных «немецкой мудрости» во главе с Жеребцовым, затем еще «500 мужей храбрых» во главе с Валуевым. Эти отряды утром 10 января 1610 года устроили вылазку, и, перебив сторожевые заставы, ворвались в польский лагерь, подожгли обоз. После нескольких часов кровопролитного боя Сапега и Лисовский увели войско в свой лагерь, а защитники укрылись за стенами монастыря. 12 января Скопин со всей армией выступил к Троице, узнав об этом, Сапега снял осаду. Палицын в «Сказании» сообщает, что шляхтичи «ужасно бежаша, яко и друг друга не ждуще и запасы своя мещуще». Буссов же писал: «В день св. Мартина немцы хотели незвано наведаться в гости к полякам в Троице и помочь им съесть мартинова гуся. Поляки к этому отлично приготовились, с музыкой бежали перед немцами до города Дмитрова». Несмотря на то, что «немцы» наседали и погнали, иноземцы снова подвели. Пришедшее к Троице пополнение немцев тут же потребовало жалованье. Несмотря на то, что им заплатили огромную сумму, они отказались идти на Дмитров. Сапега писал, что «иноземцы, помня о больших потерях под Тверью, не желали брать ни штурмовых денег, ни участвовать в штурме». Все полки повели русские воеводы. Скопин сформировал летучие отряды лыжников, превосходившие маневренностью даже конницу. Они первыми появились под Дмитровом и внезапной атакой разгромили сильную сторожевую заставу на подступах к городу. Разгромив основные части гетмана, князь не стал штурмовать крепостные стены — не любил напрасно проливать кровь ратников. Он был уверен, что Сапега сам скоро покинет Дмитров, поскольку помощи ждать неоткуда: Лисовский блокирован его полками в Суздале, под Брянском 2 000 лыжников атаковали Млоцкого, Можайск взят, а московские воеводы обложили пана Рожинского в Тушине. Вскоре столица «вора» и вовсе перестала существовать. Скопин намеревался повернуть армию на осажденный Смоленск, но получил приказ Шуйского явиться в Москву.

12 марта полки князя Михаила торжественно вступили в столицу. Рядом со Скопиным ехал его друг Деллагарди. «Россияне и шведы... шли, как братья». Народ встречал национального героя за городом, «стеснил дорогу Троицкую; поднес ему хлеб и соль, бил челом за спасение Государства Московского, давал имя отца Отечества, благодарил и сподвижника его, Деллагарди». Жители столицы приглашали шведов в свои дома, угощали их.

В апреле состоялась показательные учения рати Скопина. Стройными шеренгами вытянулись пехотинцы с длинными копьями и в железных панцирях, пищальники, конница, вооруженная «ручницами» и копьями, пушкари. «Развевались над полками пестрые стяги, ветер шевелил перья на шлемах воевод и сотенных голов». Объезжавшего полки любимого князя полки приветствовали восторженными криками. Как же он популярен! Не меньше поразило царя и его братьев «примерное сражение» детища полководца. Кавалерия наступала «то железным клином, выставив вперед копыя, то рассыпалась лавой для преследования, взмахивая саблями». Что ж, Скопин армию создал, Скопин более не нужен. На днях у Воротынского крестины.

«Скопин, спасший Россию, получил от Василия Шуйского в награду — яд. Царь приказал его отравить, досадуя, что москвитяне уважали Скопина за ум и мужество более, чем его самого. Вся Москва погрузилась в печаль, узнав о кончине великого мужа». /Мартин Бер/

Виновен ли царь в этом преступлении — одному Богу известно, хотя народная молва твердила об этом. Одно бесспорно: смерть полководца стала концом его царствования. Армию, созданную князем, в одночасье погубил бездарный Дмитрий Шуйский. Видно, и правда, Россия должна была испить горькую чашу до дна.

По требованию «народной толпы», «Отца Отечества» похоронили с царскими почестями в Архангельском соборе. Если при жизни всеобщий любимец не венчан на царство, то пусть упокоится среди гробниц царских. □

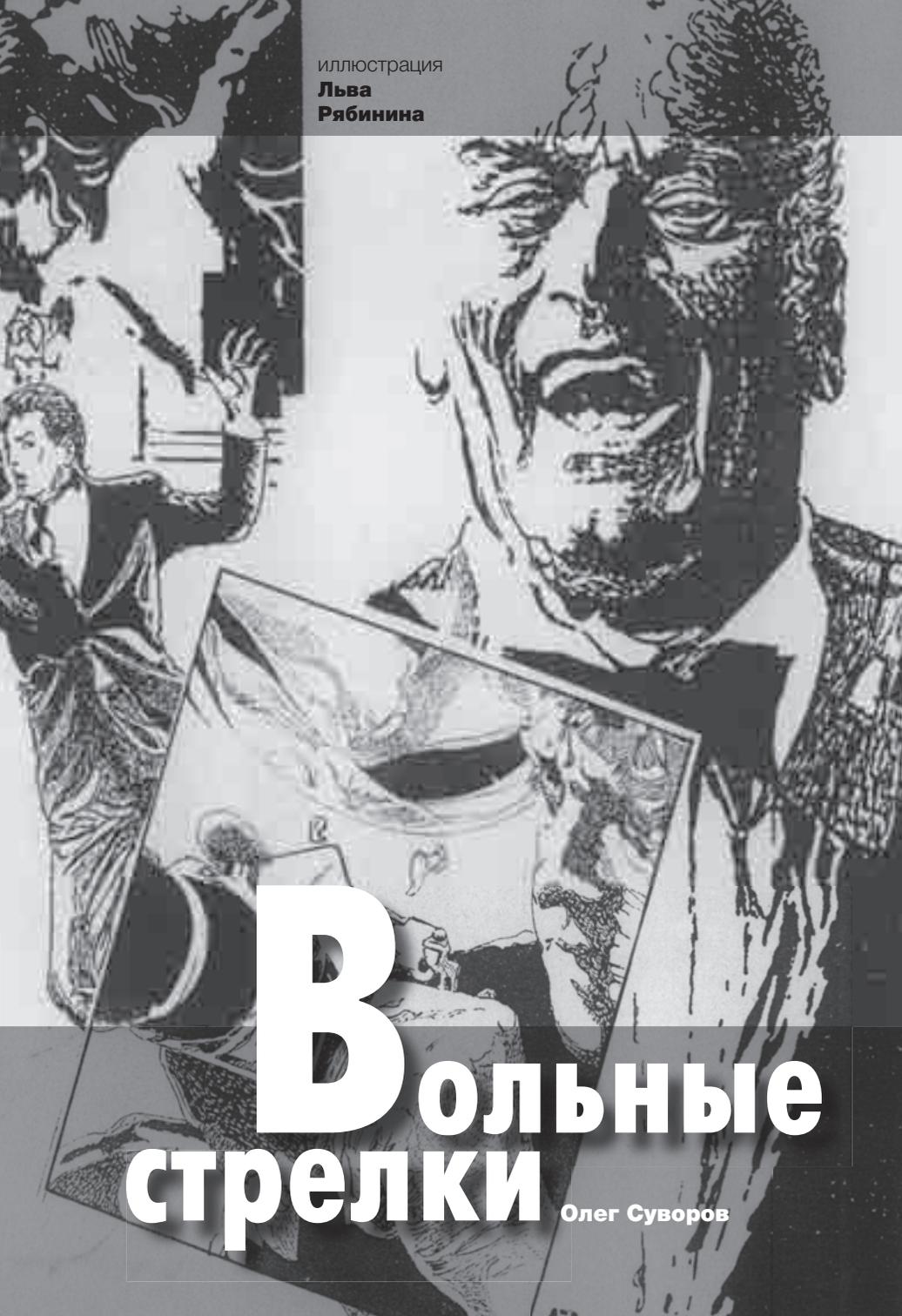

иллюстрация
Льва
Рябинина

Вольные стрелки

Олег Суворов

Пролог

Однажды летом, за высоким деревянным забором, окружавшим приусадебный участок одного из домов поселка «Сокол», расположенного неподалеку от одноименной станции метро, разыгрывалась прелестная сцена. Толстый и лысый мужчина лет пятидесяти, одетый в цветные трусы и зеленые шлепанцы, гонялся вдоль клумб и грядок за загорелой молодой женщиной лет двадцати в узеньком голубом купальнике. Широко растопырив волосатые руки, жадно причмокивая лоснящимися губами и ухмыляясь, он пытался загнать весело визжавшую красотку в небольшую, окруженную тремя соснами, беседку. В центре беседки стоял новенький белый шезлонг.

— Ну, ну, куда ты опять, — пробормотал мужчина и на мгновение остановился, чтобы вытереть со лба обильно струившийся пот. — Только на гладиолусы не наступай, а то нам жена такую трепку задаст!

— А вы, Акакий Михайлович, не загоняйте меня в угол, я вам не курица! — задорно отвечала женщина, сдувая со лба разметававшиеся пряди тонких льняных волос. — Чего это вы руки распустили? Если не отойдете, я запрыгаю прямо по клумбе!

— Ну хватит, Настасья! — с неожиданно детской интонацией в голосе взмолился толстяк. — Что на тебя сегодня нашло? Ведь мы же обо всем договорились!

— Да? А кто обещал устроить месячную поездку во Флориду?

— Да поедешь, поедешь, я же тебе объяснял, как неохотно американцы выдают визы. Все находится в стадии оформления...

— Ага! А мы с вами в какой стадии находимся?

— Да в самой дурацкой! — вздохнул мужчина, с вожделием глядя на нее и делая шаг вперед. — Ну иди же ко мне, перестань убегать!

— А что мне за это будет?

— Все, что попросишь!

— Хочу красивую иномарку!

— Ладно, — усмехнулся мужчина. — Когда буду оформлять декларацию о доходах за этот год, то куплю тачку и запишу на твое имя. В конце концов, ты все-таки родная племянница моей жены, а мне, как государственному служащему, не подobaет иметь слишком много дорогостоящего имущества...

— Честное слово, запишете?

— Даю честное коммунистическое слово бывшего кандидата в члены ЦК КПСС!

— Ну ладно, так и быть, иди ко мне, мой славенький толстячок! — И Настасья, улыбаясь, раскрыла ему свои объятия.

Акакий Михайлович с юношеским проворством бросился к ней и, хоть не с первой попытки, но все же подхватил на руки. Пыхтя и отдуваясь, он внес женщину в беседку и почти бросил ее на шезлонг.

Продолжая улыбаться и слегка постукивая кончиками пальцев по лакированной лысине сопящего толстяка, Настасья чуть прикрыла глаза, задумчиво глядя поверх забора. За ним, на другой стороне безлюдной улицы, росла высокая старая липа с раскидистой кроной.

И вдруг в лучах солнца среди листвы блеснул солнечный зайчик. Настасья вздрогнула, прищурилась повнимательней, а затем, резко оттолкнув Акакия Михайловича, села.

— Ну, что опять такое? — недовольно поинтересовался он.

— Смотри, смотри, кажется, там на дереве кто-то сидит!

— Где?

— Да вон же, посмотри повыше! О Господи, да он нас фотографирует!

Акакий Михайлович и сам уже увидел человека, скрывавшегося в зеленой листве и прижимавшего к лицу какой-то прибор, очень напоминавший фотоаппарат.

— Черт, откуда он взялся! Бежим в дом!

Оба поднялись с шезлонга, выскочили из беседки и, прикрывая лица ладонями, торопливо пошли по дорожке к дому. Настасья была намного проворнее своего спутника и уже успела скрыться на веранде, когда он еще только подходил к ступеням крыльца. Вдруг раздался сдавленный вздох, а затем какой-то шлепающий звук.

— Где ты там? — забеспокоилась женщина и выглянула на улицу.

Увидев Акакия Михайловича, нелепо раскинувшегося ничком на деревянных ступенях, она завизжала. Его голая и жирная спина обильно сочилась темной густой кровью, вытекавшей из круглого отверстия, зиявшего посреди позвоночника...

Глава 1. Новое задание

— Ну, черт возьми, сколько сил и времени потрачено зря! Я просидел на этом проклятом дереве в общей сложности почти сутки, и когда, наконец, дождался нужной ситуации и сделал необходимые снимки, все коту под хвост! На вот, полюбуйся.

Невысокий молодой человек лет тридцати, красивый, упитанный, с черными гусарскими усиками над альми сочными губами и бархатисто-черными глазами, раздраженно бросил несколько крупных цветных фотографий на большой полированный стол, за которым сидела эффектная загорелая дама.

По виду она была лет на пять-шесть старше своего собеседника, но, несмотря на достаточно небольшую разницу в возрасте, между ними пролегал та грань, которую можно было определить одним словом — солидность. Молодой человек был одет в светло-серые, плотно обтягивающие брюки и потертую джинсовую куртку. Дама, напротив, была одета подчеркнуто строго и элегантно — белый пиджак с золотыми пуговицами, белая юбка до колен и светло-голубая блузка, сколотая на груди дорогой камеей. Рыжевато-каштановые волосы тщательно уложены в модную деловую прическу, глаза смотрят серьезно, голос повелительный.

Она неторопливо взяла фотографии и стала внимательно их рассматривать.

— Да, Славик, — произнесла она минуту спустя, — ты, как всегда, сделал классные, но теперь уже никому не нужные снимки. Увы!

— Ну, а я о чем говорю!

— Но кто и зачем его убил, и откуда стреляли? Что говорит милиция?

— Кто и зачем, они, естественно, не знают, а стреляли с крыши углового дома по Первому Песчаному переулку. Фактически, пуля пролетела над моей головой, поскольку я сидел на дереве, с которого был виден приусадебный участок. Нет, но этот проклятый киллер, сделав свою работу, совершенно обесценил мою!

— Не расстраивайся, в конце концов, эти снимки тоже можно пристроить.

— Да, но за какие деньги? — Славик уныло вздохнул и красноречиво посмотрел на свою собеседницу.

Она поняла его вздох и сдержанно улыбнулась.

Любовь Сергеевна Новоженова была главным редактором и, одновременно, председателем совета директоров одного московского издательского дома, специализировавшегося на выпуске бульварных изданий, главным из которых являлся знаменитый еженедельник «Скандалы, сенсации, разоблачения». Вячеслав Садиков был ведущим фотографом, то есть тем, что ныне называлось модным словом «папарацци», и регулярно поставлял самые сногшибательные и откровенные снимки.

История с убийством Акакия Михайловича Башмакова была тесно связана со статьей в последнем номере их еженедельника, носившей хлесткое название «Самый непотопляемый чиновник нашего времени». Там шла речь о главе одного федерального агентства — генерал-майоре Куделине, первым заместителем которого и являлся злополучный Акакий Михайлович. Генерал-майор Куделин вытворял удивительные вещи — откровенно разбазаривал государственные средства, отпускаемые на содержание его ведомства, брал взятки везде и всюду, где только было возможно, открывал своим ближайшим родственникам счета за границу, покупал дорогостоящую недвижимость и автомобили, практически ни от кого не таясь. О деяниях этого доблестного генерала неоднократно писали крупные московские газеты, но он лишь откровенно куражился, а в ответ на просьбу дать интервью или опровержение, нагло посылал всех куда подальше и никого и ничего не боялся.

Еженедельник «Скандалы, сенсации и разоблачения» попытался выяснить причину столь странной непотопляемости генерала Куделина. Начав журналистское расследование и опубликовав первую статью, Любовь Сергеевна пообещала своим читателям обязательно довести дело до конца. Вместе с Вячеславом они придумали следующий ход: любимыми способами попытаться скомпрометировать первого заместителя Куделина — Акакия Михайловича Башмакова, а затем, прижав его к стене угрозой скандального разоблачения, выудить из него тайну загадочной самоуверенности шефа.

И вот, в тот момент, когда были готовы компрометирующие фотографии, которые, в случае упрямства Акакия Михайловича, можно было показать его жене или напечатать самим, злополучного чиновника убивают выстрелом в спину, и вся работа оказывается напрасной!

— Кофе хочешь? — спросила Любовь Сергеевна.

— Если принесет твоя дочь, то хоч, — мгновенно отреагировал папарацци.

— Ты на мою дочь не заглядывайся! — сурово заметила женщина, нажимая кнопку селектора. — Женя, будь добра, сделай нам два кофе... Ишь, губы раскатал!

Славик хитро ухмыльнулся. Любовь Сергеевна была разведена уже пять лет и все это время постоянно встречалась с каким-нибудь солидным любовником, выбирая их из числа высокопоставленных чиновников или дорогостоящих банкиров и меняя с периодичностью раз в полгода. Однако свою шестнадцатилетнюю дочь Евгению, которая работала в ее издательстве секретаршей, она стерегла, как тигрица. А между тем эта не по годам развитая и чертовски аппетитная девица явно начинала тяготиться усиленной материнской опекой — и это обстоятельство, разумеется, не могло пройти мимо женолюбивого и сладострастного папарацци. Высокая, с задорной мордашкой, пышными волосами и отменной фигурой, Евгения откровенно ленилась учиться, втайне мечтая поскорее расстаться с девственностью и вступить на ту же стезю, что и ее мать — то есть заводить и менять солидных любовников, которые бы катали ее на роскошных иномарках и водили в самые дорогие ночные клубы.

Славик неоднократно проводил «воспитательные», как он их сам называл, беседы с Евгенией и, встречая со стороны своей юной собеседницы «полное взаимопонимание», крайне досадовал на суровость ее матери, которая, разумеется, всячески препятствовала его желанию преподавать ее дочери основы «науки любви». Конечно, такого профессионала-фотографа взяли бы в любой таблоид, однако ссориться с Любовью Сергеевной из-за Женки папарацци откровенно побаивался, зная, в какие круги вхожа его шефиня, и какими опасными для жизни неприятностями ему это может грозить.

Появившись в кабинете матери с подносом в руках, Евгения первым делом стрельнула глазами в сторону папарацци, после чего подошла к столу и начала расставлять

чашки. Любовь Сергеевна, храня ледяное молчание, сурово следила за ними обоими и, стоило дочери закончить, кивком головы указала ей на дверь.

— Не трогай ее, Славик! — в очередной раз предупредила она и даже погрозила ему пальцем. — У меня есть к тебе одно предложение.

— Выкладывай, — кивнул Славик.

— Дадим нашему читателю отдохнуть от политиков и побалуем его звездами кино. Что скажешь по поводу поездки в Сочи на кинофестиваль?

— Так он уже заканчивается.

— Ну и что? В последние пару дней как раз и может произойти самое интересное — а ты тут как тут! — И Любовь Сергеевна хитро улыбнулась.

Славик размышлял не более десяти секунд, а затем согласно кивнул головой.

— Годится, выписывай командировочные. Заодно и в море окунуть.

— Про работу не забывай!

— Да я привезу тебе фотографии самого Садулова! — на прощание пообещал папарацци, галантно целуя ей руку.

Глава 2. Голые «звезды»

Далеко не всю свою сознательную жизнь Вячеслав Садилов мечтал стать папарацци, скорее это оказалось делом случая. Он родился в обычной московской семье, то есть в графе «социальное происхождение» писал «из семьи служащих», сразу после школы поступил на философский факультет МГУ и закончил его с отличием. Красный диплом помог ему поступить в аспирантуру, но проучился он там только один год, целиком отдавшись любимому хобби — фотографии.

Одно время он занимался политикой, то есть фотографировал все крупнейшие события незабываемого времени, однако вскоре это постепенно стало надоедать. Надо было искать новые темы, в которых бы он смог реализовать свой неумный талант к поиску неожиданных, а порой и комических ракурсов.

Легкий на подъем, обаятельный, остроумный, циничный, умевший работать весело и творчески, Славик быстро сделался одним из самых модных фотожурналистов Москвы. Впрочем, несмотря на несомненные успехи в карьере, личная жизнь не слишком удавалась. «Ну что ж, — сделал вывод неунывающий папарацци, — если уж мне не суждено быть семьянином, то будем наслаждаться холостой жизнью...»

Увы, но наслаждения подобного рода оказались удивительно однообразными! И хотя любовницы у него не переводились, приятелей и презентаций, благодаря работе, тоже хватало, однако все это было лишь завуалированной формой одиночества. А именно одиночества и покоя Вячеслав откровенно боялся и ненавидел больше всего! Поэтому в те немногие часы, когда ему все же приходилось оставаться одному, он предавался увлечению, которое когда-то хотел сделать целью всей своей жизни, но которое осталось всего лишь потаенным хобби... И в это время никто бы не узнал в нем того неунывающего и бесцеремонного папарацци, которым он постоянно предстал на публике.

Прилетев в Сочи, Славик первым делом устроился в гостиницу, после чего немедленно устремился на пляж, взяв с собой лишь самую безобидную «мыльницу» — дешевенкий фотоаппарат, благодаря которому он ничем не отличался от обычного фотолюбителя. Дорогостоящая японская фотокамера с мощным телеобъективом, позволявшим снимать прыщик на носу у знаменитости с расстояния в один километр, до поры до времени осталась лежать в номере.

Кинофестиваль заканчивал свою работу — уже завтра должна была состояться официальная церемония закрытия. Впрочем, оно и к лучшему — Вячеслав не любил эти новорожденные постсоветские фестивали, отличавшиеся убогой претенциозностью. Стареющие звезды советского кино, которым воздавалась неискренне-восторженная похвала, надменные и холеные спонсоры, перед которыми суетливо прогибались организаторы, провозглашая за них здравицы на роскошных банкетах, никому не ведомые молодые актеры и актрисы, удивительно быстро усвоившие манеры голливудских кинозвезд, в их исполнении превращавшиеся в убогие ужимки, как это все нелепо и неприглядно выглядело!

Вдоволь поплавав и сделав несколько пляжных снимков, Славик вернулся в гостиницу около шести часов вечера, чтобы переодеться. Затем спустился в ресторан, лениво пообедал, после чего перешел в бар, решив уже здесь высмотреть подходящую «жертву». Ему была нужна самая элементарная ситуация — поймать тот момент, когда известный актер отправится в свой номер в компании с юной и малоизвестной актрисой. Далее Славик подкрадывается к окну, делает несколько откровенных снимков, после чего преспокойно возвращается в Москву и получает свой гонорар.

Главная трудность состояла в не слишком удачном расположении гостиницы — она находилась на самом берегу моря, и заглянуть в окна можно было только с вертолета... или с пожарной лестницы. Кстати, именно на этот случай Вячеслав старался поддерживать хорошую физическую форму.

Заказав себе легкий ананасовый коктейль, Славик занял столик с таким расчетом, чтобы иметь максимальный обзор и видеть всех, находящихся в том же баре.

Ага, вот то, что нужно! Господин председатель жюри Садулов собственной персоной. Да не один, а с двумя телохранителями и юной дамой. Ах, ну да, он же снимался с ней в современной версии «Отца Сергия».

Славик подошел к стойке и заказал себе новую порцию коктейля. И вот здесь папарацци совершил ошибку — боясь упустить момент, когда Садулов покинет бар и отправится в номер, он небрежно оглянулся через плечо, бросив на актера неосторожный взгляд. Садулов это заметил и, хотя Славик тут же принял скучающий вид и отвернулся, тот его узнал. У них уже было одно неприятное столкновение, в результате которого актер чуть было не подал в суд на «Скандалы, сенсации и разоблачения», поэтому попадаться ему на глаза ни в коем случае не стоило.

Досадуя на этот прокол, Славик вернулся на свое место и закурил. Теперь он изо всех сил старался делать вид, что кого-то ожидает — поглядывал на часы, обращившись назад, делал задумчивое лицо.

«Черт! Садулов — человек злопамятный, поэтому следует проявить максимальную осторожность. Что же делать? Нет, пожалуй, все-таки надо выйти отсюда раньше него и заранее ко всему подготовиться...»

Приняв это решение, Славик загасил сигарету в пепельнице, поправил темные очки и демонстративно посмотрел на часы. Затем, приняв раздосадованный вид так и не дождавшегося человека, встал из-за столика и направился к выходу. Папарацци не стал оглядываться и потому не увидел, как Садулов поманил пальцем одного из своих охранников и что-то ему сказал.

Поднявшись в свой номер, Славик взял сумку с японской фотокамерой, проверил, все ли в порядке, а затем вышел в коридор и пошел искать дежурную по этажу. Непринужденно поговорив с этой моложавой дамой и оставив ей двадцатидолларовую купюру, он легко узнал все, что хотел. Господин Садулов остановился в номере 1616, а его очаровательная спутница — в соседнем, 1615-м.

Папарацци вызвал лифт, поднялся на шестнадцатый этаж и отправился искать место для будущей засады. Дойдя до двери, ведущей на лестницу черного хода, он

осторожно огляделся — коридор был пуст, после чего решительно повернул ручку. Сначала он спустился на один лестничный пролет, чтобы убедиться в том, можно ли вылезти на балкон, опоясывающий весь этаж, и уже по нему добраться до вожделенных окон, за которыми вскоре должна была разыгаться эротическая сцена. Дверь на балкон оказалась закрыта, однако она была стеклянной и, в случае крайней необходимости, стекло можно было выдавить.

Затем Славик поднялся наверх и уперся в обитую жестью дверь, ведущую на чердак. Она тоже была заперта! Впрочем, это его не слишком обескуражило — как правило, такие замки легко открываются самой элементарной отмычкой, которую он носил на брелке собственных ключей. Если же самому не удастся справиться, то придется спуститься вниз, найти местного слесаря и расстаться еще с двадцатью долларами.

Достав ключи, Славик вооружился миниатюрной отмычкой, которой очень дорожил, поскольку она была сделана по спецзаказу, и вставил ее в замочную скважину. Звук открываемой внизу двери заставил его вздрогнуть и поднять голову.

О черт! — на лестничной площадке показались две мощные фигуры, двигавшиеся быстро и сосредоточенно.

— Эй, ребята, давайте договоримся по-хорошему, иначе я буду кричать! — быстро проговорил папарацци, поднимая руку. — Сумму назовите сами...

Больше он ничего сказать не успел. Поскольку бить его на узком пятаке перед дверью на чердак было неудобно, один из охранников взлетел по лестнице, схватил Славика за шиворот и, как приبلудного котенка, швырнул вниз, на лестничную площадку, где его напарник принял злосчастного папарацци в кулаки.

После первых же ударов, начисто отбивших дыхание, Славик сделал единственное, что ему еще оставалось, — свернулся ежом, прижимая к животу сумку с драгоценной камерой. Охранники дубасили его так злобно и сосредоточенно, что на какой-то момент он испугался. Глубоко вздохнув, Славик изо всех сил лягнул ногой дверь в гостиничный коридор и заорал не своим голосом:

— Убьете же, идиоты! На помощь!

Очередной удар пришелся в голову, у папарацци потемнело в глазах, а потому он не сразу оценил перемену, которая произошла в данной мизансцене. Главное, что бить его прекратили. Более того, доносившиеся в затуманенное сознание звуки свидетельствовали о том, что теперь избивают его истязателей! Вячеслав еще не верил своему спасению, поэтому осмелился поднять голову лишь тогда, когда услышал чей-то незнакомый и на удивление спокойный голос:

— А ну, хватит, ребята, подрались, и будет! Если не хотите иметь простреленных рук и ног, убирайтесь!

Прямо над ним стоял какой-то человек — Славик видел только его ботинки и черные джинсы, а оба охранника, злобно оцетинившись, пяtilись к двери. Один из них, изрыгнув короткую матерную фразу, распахнул дверь настежь, после чего оба скрылись в коридоре.

— Вставай, Вячеслав.

Удивленный папарацци кое-как встал — сначала на четвереньки, а потом и на ноги, с трудом распрямив избитую спину. Нет, он, ей-богу, не знал этого человека — по виду своего ровесника — некрасивого, смуглого, но как-то удивительно крепко стоявшего на ногах.

— Кто вы?

— Поговорим по дороге, пока будем спускаться в твой номер. Сам идти сможешь?

— Не знаю... О, черт!

Часы были разбиты, ноги болели так, словно по ним проехался трактор, голова кружилась и гудела. Но драгоценная японская камера — и это самое главное! — уцелела. Папарацци пришлось опереться на руку своего таинственного спасителя и медленно, цепляясь другой рукой за перила, начать спуск по лестнице — соваться в коридор, где скрылись охранники, и вызывать лифт никто из них не хотел. Впрочем, идти было недалеко — Славик снимал номер на двенадцатом этаже.

— А что вы там говорили о простреленных руках и ногах? — поинтересовался он, сумев кое-как одолеть два пролета.

— Да показал им одну игрушку, которую они приняли за настоящий пистолет, — слегка усмехнулся его спутник.

— А откуда вы меня знаете?

— Ну, во-первых, кто же не знает самого знаменитого фотографа Москвы...

— Спасибо!

— А, во-вторых, неужели ты сам меня не узнаешь?

Славик приостановился и в упор посмотрел на своего спасителя.

— Константин? Костя Кедрин? Вот, черт!

— Узнал-таки!

— Но сколько лет, старик!

— Пятнадцать, ровно пятнадцать.

Да, действительно, ровно пятнадцать лет прошло с момента окончания школы. И тем более удивительно было узнать в этом человеке своего давно забытого одноклассника, с которым, впрочем, он никогда не имел особо приятельских отношений.

— А что ты здесь делаешь?

— Отдыхаю, — коротко ответил Кедрин. — Услышал шум в коридоре, вышел посмотреть и увидел тебя.

— Спасибо, старик, век не забуду!

— А что за причина?

— А! — Славик поморщился. — Однажды, совершенно случайно, я познакомился с одной девицей по вызову. Ну она и рассказала мне о том, как незадолго до этого приехала к Садулову и его друзьям, причем все были пьяны в стельку.

— Ну и что?

— Да, в сущности, ничего особенного. Просто я пересказал эту историю одному из знакомых журналюг, а он взял да и сделал из этого целую статью, нечто вроде «Из воспоминаний девушки по вызову». Потом Садулов даже хотел подавать в суд на наш еженедельник, да адвокат отговорил.

— И сейчас ты на него охотился?

— Пытался. Стой, это же мой этаж.

Они открыли дверь и, пройдя по коридору, кое-как добрались до номера Вячеслава. Папарацци первым делом кинулся в ванную, к зеркалу. Увидев свою физиономию, он застонал и выматерился.

— Да, пару недель тебе придется делать примочки и не показываться на презентациях, — сочувственно заявил Кедрин, заглядывая в ванную комнату.

— Черт с ними, с презентациям, — морщась от боли, заявил Славик. — Просто я уже второе задание проваливаю... редакторша рычать будет. Ох, как же голова болит!

— Прими стакан и ложись спать. У тебя что-нибудь типа водки в номере есть?

— Есть фляга с коньяком.

— Ну вот, самое оно.

— А сам-то будешь?

— Нет, старик, в другой раз. А ты сделай, как я советую.

— Да, пожалуй, ты прав. — Славику и самому хотелось поскорее смыть кровь, принять душ и лечь в постель. — Ну что, будем в Москве, созвонимся?

— Обязательно.

— Ты кем работаешь-то?

— Менеджер в одной фирме, — коротко ответил Кедрин. — Давай свою визитку, я сам тебе позвоню.

Славик доковылял до пиджака, висевшего на стуле, вручил Константину визитную карточку и проводил его до двери. Они наспех простились, и Кедрин ушел.

Следующий день избитый папарацци отлеживался в номере, а поздно вечером, когда весь фестиваль «Гудел» на прощальном банкете, незаметно выбрался из гостиницы и ночным рейсом вылетел в Москву.

Глава 3. Смерть депутата

Через две недели он был уже в Питере. Когда Любовь Сергеевна узнала о второй подряд неудаче своего лучшего папарацци, она кисло улыбнулась и заметила:

— Однако раньше ты умел избегать подобных осложнений!

— Фортуна непредсказуема, иначе, как говорил последний философ античности Бозэций, она бы не была Фортуной, — парировал Славик. — Так что глупо обижаться на ту, которая по природе своей просто не может быть иной... Кстати, то же самое относится и к женщинам.

— Ты не философствуй, ты мне давай убойный материал для очередного номера!

— Да где же я его тебе возьму? Самому, что ли, кого-нибудь убить?

— Отправляйся в Санкт-Петербург.

— А зачем?

Любовь Сергеевна пустилась в разъяснения. Вскоре в северной столице должна была состояться очередная политическая тусовка, на которой будет присутствовать и председатель думского комитета по морали и этике, «махровый» коммунист Виктор Лепехин, один из авторов печально известного «закона о порнографии», благодаря которому к подобного рода продукции можно было отнести все, что угодно — даже карикатуру на лидера его родной партии, если только он будет изображен в «костюме Адама». Закон был принят подавляющим большинством голосов и здорово разозлил Любовь Сергеевну, еженедельник которой практически в каждом номере печатал обнаженную натуру, а потому в любой момент мог быть привлечен к уголовной ответственности или же рекомендован к продаже только «в специально отведенных местах».

— Эти деятели мечут громы и молнии против падения нравов, принимают лицемерные законы и с постными рожами дают интервью, а вечером перебегают через дорогу к гостинице «Москва» и снимают себе девочек на ночь! — энергично возмущалась редакторша. — Давно пора приструнить этих совковых иезуитов!

— Струнить, разумеется, придется мне? — вкрадчиво поинтересовался Славик.

— Нам!

— И каким образом?

— Надо поймать одного из этих деятелей — лучше всего самого Лепехина — за тем самым занятием, которое он так ретиво осуждает с трибуны.

— Думаешь, это возможно? — усомнился Славик, который хорошо знал Виктора Лепехина.

Невысокий, черноволосый, говорливый человек с правильными чертами лица и живыми, хотя и очень недобрыми глазами, кстати, бывший провинциальный проку-

рор. Славик помнил, что Лепехин давно женат, имеет двоих детей и слывет примерным семьянином.

— Думаю, да, — кивнула Любовь Сергеевна. — В конце концов, громче всех осуждают разврат именно самые сексуально озабоченные люди...

— Ну да, а громче всех проповедуют трезвость те, кто протрезвится только в гробу, — тут же подхватил папарацци. — Это не я, это Марк Твен.

— Кроме того, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе... Ты меня понял?

— Чего ж тут не понять, — усмехнулся Славик. — Ну, пришлю я ему девочку в номер, якобы от имени товарищей по партии. А что он с ней будет делать — вот в чем вопрос? Вдруг заставит читать ему на ночь «Коммунистический манифест»?

— Пусть читает, — неожиданно согласилась редакторша, — но пусть перед этим разденется! Короче, задание я тебе дала, остальное додумывай сам. Мне нужны от тебя откровенные снимки, над которыми можно было бы поместить броский заголовок, типа: «Главный блюститель российской нравственности утрачивает политическую невинность»...

В результате этого разговора, едва залечив свои боевые раны, Славик оказался в Санкт-Петербурге. Такой профессионал не мог себе позволить третью неудачу подряд, поэтому следовало тщательно подготовиться, используя при этом самые эффективные технические средства.

Для делегатов от российской Госдумы были забронированы места в гостинице «Москва», расположенной напротив Александро-Невской лавры. Там же, прибыв за день до депутатов, поселился и папарацци. Вычислить номер, в котором предполагалось разместить товарища Лепехина, оказалось проще простого, и Славик начал действовать.

Днем, за несколько часов до прибытия депутатов, папарацци успешно воспользовался любимой отмычкой и без особого труда проник в номер Лепехина. С собой Славик имел большую кожаную сумку, изрядно оттягивавшую его левое плечо.

Прикрыв дверь и осмотревшись, он осторожно опустил ее на пол и извлек оттуда большие напольные часы в виде сказочной избушки на курьих ножках, возле которой сидела в ступе здоровенная бронзовая Баба-Яга.

Эти замечательные часы были не просто гордостью, а одним из самых дорогих технических средств, которые когда-либо использовал папарацци. Они стоили так дорого, что Любовь Сергеевна долго ворчала, прежде чем Славик сумел раскрутить ее на нужную сумму. Внутри избушки был вмонтирован фотоаппарат, включавшийся по радиосигналу и делавший бесшумные снимки через заранее заданные интервалы. При этом количество микропленки было рассчитано по меньшей мере на пятьдесят кадров. В отличие от видеокамеры, которую надо было куда-то прятать и к чему-то подключать, эти часы-фотоаппарат ставились на самое видное место и работали от автономного заряда.

Папарацци водрузил часы на электрокамин, находившийся прямо напротив постели. Он уже заранее установил требуемый интервал — фотоаппарат будет делать снимки каждые пять минут, так что общая продолжительность съемки должна составить не менее четырех часов. Утром «главный моралист» уйдет на заседание, а Славик, опередив уборщицу, заберет часы обратно.

Удовлетворенный проделанной работой, папарацци выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, спокойно покинул номер Лепехина. Теперь ему оставалось сделать второе, не менее важное дело — найти достаточно толковую проститутку, которая бы смогла соблазнить «непреклонного борца за народное счастье», как величала товарища Лепехина народно-патриотическая пресса.

Времени было около пяти часов дня, а проститутки начинали подтягиваться к гостинице с шести вечера, поэтому Славик, не раздеваясь, бросился на постель и почти сразу же задремал. Проснувшись, он с удивлением обнаружил, что проспал два часа. Настало время решительных действий!

Он рывком поднялся с постели, метнулся в ванную и плеснул в лицо несколько пригоршней холодной воды. Затем, подмигнув себе в зеркало, покинул номер и запер за собой дверь. Проходя по коридору мимо номера Лепехина, Славик услышал его голос — судя по всему, председатель думского комитета разговаривал по телефону. Несколько мгновений папарацци колебался, а затем извлек из кармана куртки пульт управления и нажал кнопку. Четыре часа съемок — срок вполне достаточный. Спустившись вниз, Славик вышел из гостиницы и почти сразу же был атакован «мамой» — солидной, приземистой, густо накрашенной дамой лет пятидесяти.

— Молодой человек, девочку не желаете?

— Желаю, — окинув сутенершу веселым взглядом, кивнул папарацци.

— Вы наши цены знаете?

— А кто же их не знает?

— В таком случае, пойдёмте, сами выберете.

И дама проводила Славика до угла гостиницы. Здесь, в небольшом закоулке, прогуливались и покуривали несколько девиц. Внимание папарацци сразу привлекли две подруги — высокая миловидная шатенка, в просторных брюках и белой блузке, не старше двадцати лет, по виду явная украинка, и плотная энергичная женщина в туго обтягивающем черном платье и черных колготках — этой уже явно перевалило за тридцать.

Пока стоявшая рядом «мама» нахваливала ему «живой товар», Славик призадумался. Если бы он выбирал девушку для себя, то предпочел бы молоденькую.

— Что вы решили? — торопила его сутенерша, которой явно не терпелось поскорее обслужить клиента и вернуться на свой «боевой пост» за новым.

— Я беру вот эту, — и Славик кивнул на даму в черном платье, которая смотрела на него оценивающим взглядом.

— На сколько?

— На четыре часа.

— Но у нас нет таких расценок! — удивилась сутенерша. — У нас или на два часа, или на ночь. На ночь — двести пятьдесят.

— Ну и в чем проблема? Два часа — сто баксов, четыре — сто пятьдесят.

— Ну хорошо, уговорили. Только ради такого красавца и соглашаюсь. Татьяна, тебе повезло! Давайте деньги.

Славик сунул ей две купюры и кивнул выбранной им женщине:

— Пошли.

Они повернули за угол и направились к входу в гостиницу, причем Славик шел чуть впереди.

— Так тебя Татьяна зовут? — оглянулся он.

— А тебя как?

— Славик.

— Очень приятно. А куда мы идем?

Последний вопрос был вызван тем, что, когда они вошли в холл, Славик повернул не к лифту, а в сторону гостиничного ресторана.

— В бар, — коротко ответил он.

— А почему не к тебе в номер?

— Сейчас примем по сто грамм, и я тебе все объясню.

Женщина заколебалась, и Славик это заметил.

— Ты чего?

— Я на всякие стремные дела не подписываюсь.

— Не волнуйся, все будет нормально. Пойдем.

Они зашли в бар, заняли столик на двоих, и Славик, предварительно проконсультировавшись со своей спутницей, заказал выпивку.

— Так чего ты хотел? — спросила она после того, как оба закурили.

— Погоди, не торопи любовь. — И Славик наполнил свою рюмку из небольшого графинчика.

Лишь ощутив приятную теплоту и легкий кураж — именно это свое состояние он называл «рабочим», — папарацци начал объяснять.

— Так вот, Танюша, ты, судя по всему, женщина опытная и умная, поэтому, как я надеюсь, поймешь все правильно, и мне не придется жалеть о своей откровенности. Я являюсь фотографом одного московского еженедельника — «Скандалы, сенсации, разоблачения». Может, слышала?

— Да, конечно, — радостно кивнула женщина. — Я, как увижу, покупаю каждый номер.

— Ну, тем лучше. И сегодня я приехал в ваш чудный город, чтобы сделать очередное разоблачение.

— И я тебе в этом должна помочь?

— Вот видишь, я сразу понял, что ты умная женщина.

— А кого мы будем разоблачать?

— Одногo думского деятеля... Давай еще по чуть-чуть. Знаешь такого — Виктора Ивановича Лепехина?

— А кто это?

— Коммуняка, автор закона о порнографии.

— Нет, не знаю.

— Ну, не важно. Твоя задача предельно проста — проникнуть к нему в номер и поработать с ним пару часов, желательно, не выключая света.

— А откуда ты нас будешь снимать?

После этого вопроса Славик заколебался — с одной стороны, ему не хотелось раскрывать секрет своих замечательных часов, с другой — зная ракурс съемки, Татьяна сможет позаботиться о том, чтобы ее клиент не вылезал из кадра. А, ладно, пошел на откровенность, так иди до конца!

— На электрокаmine стоят часы в виде избушки Бабы-Яги, — нехотя объяснил он. — Внутри — фотоаппарат, который автоматически делает снимок каждые пять минут.

— Вот здорово! — восхитилась женщина. — Но под каким предлогом я к нему войду? «Здравствуйте, не хотите ли поразвлечься?» А он скажет — у меня денег нет. Не могу же я говорить, что ты уже все оплатил!

— Да, это главная проблема, — согласился Славик. — Я уже и сам над этим думал. Поэтому, кстати, и выбрал тебя, а не твою подругу, надеявшись на твой опыт. В самом деле, что бы ему сказать? «Делегатов обслуживают бесплатно»? Не поверит... Что ты молодая коммунистка и зашла к нему узнать о решениях последнего пленума КПРФ?

Женщина фыркнула, и оба расхохотались.

— Да, но молодые коммунистки так не одеваются, — продолжал размышлять Славик. — Слушай, а может, сказать, что тебе заплатил его старый друг, который хотел сделать ему сюрприз?

— А если он спросит — кто?

— Наверняка спросит, — согласился папарацци. — Подозрителен, сволочь, всюду заговоры мерещатся... Назовешь фамилию друга — он тут же начнет ему звонить. Черт, ну что же придумать?

— Да ладно, чего мучиться, — махнула рукой Татьяна, гася сигарету, — лучше плесни мне еще шампанского. Сделаю вид, что спьяну ошиблась номером... или сигарету попрошу. Он, кстати, курит?

— Курит, да и выпить не дурак.

— Тем более. Может, он уже поддал и теперь не знает, чем заняться. Твое здоровье.

— За успех нашего безнадежного дела! — поправил ее папарацци, и они чокнулись. — Я буду ждать тебя или здесь, или в своем номере. Я живу рядом с Лепехиным, номер 676-й.

— А у него-то какой?

— 671-й.

— Ну, тогда я пошла!

— Валяй.

Они обменялись улыбками, после чего Татьяна поднялась с места и неторопливо направилась к двери. Славик провожал ее взглядом, а когда женщина оглянулась и помахала ему рукой, подмигнул ей.

Ну что, дело сделано, и теперь остается только ждать. В принципе, если Татьяна окажется последней стервой, что отнюдь не редкость среди дам ее профессии, то может вообще ничего не сделать. Пойдет, снимет нового клиента, а через какое-то время спустится в бар и скажет, что все в порядке. Пока он достанет пленку, пока проявит и обнаружит обман... Где он потом ее найдет? Или — еще проще — спустится через пятнадцать минут и скажет, что Лепехина нет в номере, что он лег спать, что он ее выгнал... А ведь повторная попытка заранее обречена на неудачу!

Славик даже не успел допить свой коньяк, когда самые мрачные его ожидания начали сбываться — в баре вновь показалась Татьяна. Причем, если выходила она медленно, улыбаясь, то вошла быстро, с каким-то напряженным выражением лица.

— Ну что? — разочарованно спросил Славик.

— Погоди, у тебя там еще что-то осталось? Дай глотнуть, — и она выхватила полупустую рюмку у него из рук и тут же опрокинула себе в рот.

— Что-нибудь случилось?

Женщина кивнула и полезла за сигаретами.

— Он убит.

Славик опешил. Он ожидал любой неудачи, но не такой же! Опять убийство!

— Расскажи поподробнее.

— А что рассказывать? Стучусь в номер, никто не отвечает. Поворачиваю ручку, захожу — а он с дыркой в голове лежит на постели, как раз напротив камина, где стоят твои часы. Стена кровью забрызгана! Я испугалась и тут же убежала.

— Слушай, мать, посиди пока здесь, можешь заказать выпивку за мой счет, — торпливо проговорил папарацци, поднимаясь из-за столика. — Я скоро вернусь, но ты никуда не уходи!

— Я в свидетели не пойду! — решительно заявила женщина. — Мне эти мокрые дела...

— Заткнись и дождись меня!

Славик выскочил из бара и устремился к лифту. Такие политические убийства происходят не каждый день, но главное даже в другом... Если повезет, его фотоаппарат мог зафиксировать не только момент убийства, но и физиономию того, кто его совершил!

Глава 4. Беседа с киллером

Еще со школьных времен Константин Кедрин представлял собой полную противоположность своему однокласснику Вячеславу Садикову. Если тот всегда был веселым, красивым, уверенным в себе подростком, а потом и юношей, являясь душой любой компании и любимцем девиц, то Константин был угловат, стеснителен, мрачен, одинок. Разумеется, в глубине души он завидовал, но одновременно и восхищался Вячеславом, которому все — в том числе и учеба — давалось легко и непринужденно.

Мать бросила его отца, вышла замуж и уехала в другой город, когда самому Константину не было и пяти лет, поэтому у него не осталось о ней никаких воспоминаний. Он воспитывался отцом и дядей — отставным полковником и убежденным холостяком, причем основным элементом воспитания и тот, и другой избрали спорт — вот почему Константин умел плавать, играть в хоккей, занимался боксом, катался на лыжах и велосипеде.

Однажды, когда ему было уже четырнадцать, он вернулся из школы и застал обоих мужчин выпивающими на кухне.

«Твоя мать умерла, Константин», — сказал ему отец и вдруг жалобно заплакал. Это зрелище настолько поразило подростка, что он неожиданно почувствовал ненависть к той таинственной женщине, которая не только посмела оставить его замечательного отца, но даже своей, никому не нужной смертью причинила ему такие страдания.

Отца своего Константин любил и уважал, но, увы, тот относился к породе неудачников и однолюбов, из которых рано или поздно выходят тихие домашние алкоголики. И, действительно, сначала он старался выпивать незаметно от сына, а когда его состояние невозможно было скрыть, придумывал какие-нибудь оправдания — «отмечали день рождения сослуживца», «выдали премию», «деловая встреча». Но со временем эти оправдания становились все более жалкими и ненужными.

После окончания школы — а этот момент своей жизни он всегда вспоминал с большим облегчением — Константин, имея в аттестате одни тройки, даже не пытался куда-нибудь поступать. Через полгода его забрали в армию и направили в Псковскую воздушно-десантную дивизию — постоянные занятия спортом не прошли даром.

Еще через полгода Константин оказался в Чечне и оставшееся время службы вел жизнь, «достойную настоящего мужчины», — сопровождал колонны, следующие по горным дорогам, отбивал атаки боевиков и дежурил на блок-постах.

Он прошел прекрасную боевую выучку, избежал ранений и заработал орден. Именно в Чечне он получил письмо от своего дяди, извещавшего его о смерти отца. Вскоре предстояла серьезная операция по захвату опорной базы, а потому Константин не стал просить о полагающемся ему отпуске, но зато в тот вечер сослуживцы впервые увидели его пьяным.

Демобилизовавшись и вернувшись в Москву, Константин наведался к дяде, получил у него ключи от отцовской квартиры и пару недель бродил по родному городу, чувствуя, как сильно от него отвык и насколько чужим ощущает себя в столичной толпе.

Решение возникло неожиданно, и Константин написал письмо в Псков. Еще когда он служил там и во время увольнений ездил с приятелем гулять по городу, они познакомились с двумя местными девушками и обменялись адресами. И вот сейчас он вдруг вспомнил об этом и нашел адрес Аделины — именно так звали его знакомую. Ответ пришел на удивление быстро — она приглашала его в гости, и уже на следующий день Константин сидел в поезде.

Аделина встретила его на вокзале — это была бойкая и очень миловидная девушка. Этим же вечером она стала его первой женщиной, а на следующее утро — после бурного объяснения, сопровождаемого горячими слезами, — он сделал ей предложение. В тот же день они подали заявление в загс. Жить решили в Пскове, вместе с матерью Аделины, хотя сама невеста была не прочь переехать в столицу.

Константин написал дяде, чтобы тот сдал внаем его московскую квартиру, а сам устроился на работу в местный ОМОН. Имея боевое прошлое, он встретил там самый дружеский прием, а когда через месяц женился, то впервые почувствовал себя счастливым и уверенным в своем будущем человеком.

Увы, это продолжалось не более года. Один из сослуживцев Константина, случайно увидев его жену, зачем-то вздумал «раскрыть ему глаза на ее прошлое». Черт знает, из каких побуждений он действовал, но Константин был так потрясен, что в первый момент чуть было не застрелил этого кретина.

Оказывается, Аделина несколько лет была так называемой «жабой», то есть музыкальной фанаткой, которая в составе таких же полубезумных девиц ездила на гастроли вместе с музыкантами популярной местной рок-группы и обслуживала их по полной программе. Сослуживец Константина в свое время работал охранником, обеспечивавшим порядок на концертах, и, разумеется, тоже принимал участие в подобных оргиях.

В тот день Константин напился второй раз в жизни. Возможно, только это и спасло Аделину, ибо он ревновал, как сумасшедший. Избив жену до полусмерти — при этом досталось и ее матери, — он немедленно подал на развод, забрал свои вещи и переехал в общежитие.

Прошло еще какое-то время. Константин решил подать в отставку и вернуться домой, в Москву, где его ждало одиночество. Единственным близким человеком оставался быстро стареющий и впадающий в маразм дядя...

После неудачной женитьбы Константин сделался законченным женоненавистником. Мало того, что какая-то стерва, имевшая несчастье быть его матерью, испортила жизнь его отцу, но ведь и он обжегся на том же самом, хорошо еще, хоть детей не было... Да и родной дядя недаром всю жизнь прожил холостяком! Отныне Константин был уверен, что его ждет такая же судьба, и всю оставшуюся жизнь он проведет в одиночестве.

Неожиданная встреча со Славиком удивила его той радостью, с которой он вдруг увидел перед собой живое напоминание о давно забытых школьных днях — а ведь с тех пор прошло столько лет!..

Искушение было слишком сильным, и Славик не устоял! Любовь Сергеевна укатила на уик-энд в подмосковный дом отдыха — судя по всему, с очередным любовником, — а ее юная дочь Евгения осталась в Москве одна.

— Мне скучно, Славик, — капризно заявила она прямо с порога, явившись к нему домой, когда он меньше всего этого ожидал, а потому встретил ее заспанный, в одном халате.

— Что делать, Женя, — растерянно пробормотал папарацци и тут же добавил: — «Таков положен нам предел, его ж никто не преступает, вся тварь разумная скучает»...

— Ты что это? — удивилась она.

— Это не я, а Пушкин.

— Домой-то впусти!

— Зачем?

— Кофейку попьем.

— У меня нет кофе.

— Ну, чаю.

— Да у меня даже воды в кране нет!

— Зато у меня есть с собой бутылка ирландского ликера. — И Евгения приоткрыла перед ним свою сумку.

На папарацци было жалко смотреть. Он прекрасно понимал, стоит ему впустить ее в квартиру, и это станет первым, сорвавшимся вниз камнем, который может вызвать столь жуткую лавину, что она погребет под собой его беспутную голову! Но, с другой стороны, кто не рискует, тот и не имеет таких чертовски аппетитных девочек с глупыми, но порочными глазами. А, ладно, была не была — что он, железный, что ли? И к кому же еще, как не к нему, обращаться бедной девочке, мечтающей поскорее стать женщиной?

— Заходи, — кивнул Славик и со вздохом отступил в глубь коридора.

Евгения только этого и ждала, одним прыжком оказавшись в его квартире.

«Нет, — подумал папарацци два часа спустя, — если мне и суждено пострадать за то, что здесь произошло и происходит, это будет крайне несправедливо! Это не я лишил ее девственности, это она меня изнасиловала!»

Неприятные мысли его прервал телефонный звонок.

Этот голос Славик узнал мгновенно. Узнал — и тут же напрягся, сделал знак Евгении сделать музыку потише.

— Да, это я. Привет, Константин, как поживаешь? Да, конечно, почему бы и нет? В пять часов? Разумеется, устроит. Да, посидим, выпьем, поболтаем, сейчас везде полно приличных кабаков. Хорошо, договорились, там и встретимся. Ну, пока.

— Кто это? — тут же спросила Евгения, стоило ему закончить разговор.

— Что? — рассеянно переспросил папарацци. — А, это один мой школьный приятель, давно не виделись.

— А почему ты собираешься с ним в кабак, а меня не берешь? Я-то думала, мы весь день и всю ночь проведем вместе.

— Да потому, детка, что я не хочу рисковать твоей жизнью, — вдруг медленно, отчетливо и безо всякой улыбки произнес Славик, в упор глядя на нее. — Это очень опасный человек, а я еще не знаю, что ему от меня нужно...

— А кто он?

— Неважно. Слушай, Евгения, — папарацци залпом выпил свой бокал. — А что, если я оставлю тебе один запечатанный конверт...

— С деньгами?

— Нет, с фотографиями.

— И что мне с ними делать?

— Подержишь до завтра у себя и, если я не заеду, отдашь матери или отнесешь... — Славик не стал договаривать, заметив, с каким интересом ему внимают.

— Славик, а он что — хочет тебя убить? — не выдержала Евгения.

— С чего ты взяла?

— Встреча, конверт с надписью «вскрыть в случае моей смерти». Он что — киллер? А куда мне потом отнести твой конверт — в милицию?

— Да что ты мелешь, дуруха! — разозлился на собственную откровенность папарацци. — Какой киллер, что за бред? И при чем тут милиция? Просто я обещал твоей матери фотографии, вот и хотел отдать их тебе, чтобы лишний раз не заезжать в редакцию.

— И всего-то? — разочарованно протянула девушка. — А я так хотела посмотреть на настоящего живого киллера.

— Все, хватит об этом! Надоела ты мне своей детской непосредственностью! Кончай болтать!..

К пяти часам, кое-как выпроводив захмелевшую от ликера Евгению, Славик взял такси и приехал на место встречи с Кедриным — это был наземный вестибюль станции метро «Арбатская». Первые минуты прошли достаточно скованно — оба сдержанно поздоровались, а затем, по предложению Славика, направились в ближайший ирландский паб, что на улице Герцена, почти не разговаривая по дороге.

И лишь после двух первых бокалов темного «гиннеса» беседа постепенно стала налаживаться.

— Вот ты, как человек с философским образованием, можешь мне дать четкий ответ — бессмертна душа или нет? — неожиданно спросил Константин.

— Ну! — изумился Славик. — Четкие ответы здесь дает только религия.

— Но сам ты веришь в бессмертие души?

— Не верю. Кстати, а что вдруг ты этим вопросом заинтересовался?

— Так просто, из любопытства, — пожал плечами Константин.

— Да? — Славик с какой-то пьяной хитростью прищурился и в упор посмотрел на него. — А я-то думал, тебе интересно знать — выпускаешь ли ты души из темницы тел или же просто превращаешь живые механизмы в мертвые останки.

— Что ты имеешь в виду?

Папарацци отметил недобрую искру, промелькнувшую в глазах Константина, однако его уже занесло, и он просто не мог остановиться, хотя, в глубине души, искренне боялся и своей пьяной болтливости, и возможных последствий опасного разговора.

— Я видел тебя в гостинице «Москва», в Петербурге.

— Ну и что?

— Это было сразу после убийства Виктора Лепехина.

— Ну и что?

— Что-что... я собирался к нему зайти и тут увидел, как ты выходишь из его номера. Я не стал тебя останавливать, а дал уйти и заглянул к Лепехину. Что же ты и в третий раз не спросишь «ну и что?» Удивительно, как мы не встретились на обратной дороге в Москву. Ты как возвращался — самолетом или поездом?

Даже спяну Славик интуитивно поостерегся упоминать о своем главном козыре — той микропленке, которую он извлек из часов сразу после убийства.

Константин молча, остановившимся взглядом смотрел на папарацци, и тот решил смягчить слишком напряженную паузу, миролюбиво заметив:

— Ну да, я догадался, чем ты занимаешься, и теперь сам хочу спросить: ну и что? Неужели мне жаль тех сволочей, которых ты отстреливаешь? Да плевать я на них хотел! Ты лучше скажи: Хакакий Башмаков — тоже твоя работа?

— Допустим.

— А за что ты его?

— Я не задаю таких вопросов. Я просто получаю необходимую информацию и делаю свое дело.

— То есть убиваешь?

— Для себя я называю это иначе. Мне платят за то, чтобы я стрелял и попадал, вот и все. И говори тише, черт бы тебя подрал! — Лишь последнее замечание выдало то нервное напряжение, с которым Константин вел весь этот разговор. Славик понял и снова попытался его успокоить.

— Ты знаешь, ведь и я охотился за Хакием, но из-за твоей работы моя собственная оказалась никому не нужной. То же самое произошло и с Лепехиным — опять ты меня опередил. Может, как-нибудь поделим сферы влияния, а то ты меня оставляешь без куска хлеба?

— Это невозможно, — спокойно улыбнулся киллер. — Я не имею права раскрыть имя будущего клиента, иначе сам останусь не только без куска хлеба, но и без того, чем его, грубо говоря, хавают.

— А если тебе закажут человека, который тебе чем-то симпатичен?

— Таких нет ни среди мужчин, ни среди женщин.

— Да? Кстати, о женщинах... Что, если мы на сегодня выпьем каких-нибудь кошечек, а?

— Нет, старик, в другой раз.

— Но мы еще встретимся?

— Почему бы и нет? — Киллер поднялся и протянул руку папарацци.

— Я тут вот что подумал, — заметил Славик, оставаясь сидеть на месте. — Мы с тобой две крайности: я — веселый, ты — мрачный, я — женолюб, а ты, судя по всему, нет. Короче, я являюсь бесшабашным оптимистом, а ты — убежденным пессимистом. На каждого из нас наложили отпечаток наши профессии. Скажешь, нет?

— Возможно.

— Ну так это же самое интересное!

Глава 5. Банкир и путана

Начальник службы охраны президента «Сигма-банка» не любил частных поездок своего шефа. Большой головной боли трудно было придумать. Мало того, что адрес очередной возлюбленной банкира он узнавал в самый последний момент, после чего приходилось наспех разрабатывать предполагаемый маршрут и срочно подыскивать «незасвеченную» машину, но ведь и жили эти соблазнительные особы почему-то именно в таких местах, где проще всего было устроить засаду. А как, скажите на милость, успеть отследить окрестности на предмет обнаружения возможных снайперов, если на все меры предосторожности дается два-три часа? И это уже не говоря о том, что банкир был женат, а потому предпочитал ездить на интимные свидания с минимальным количеством охраны, что придавало подобным приключениям дополнительный риск.

Вот почему, выйдя из кабинета своего шефа с заданием «через два часа быть готовым съездить по известному адресу», главный охранник — отставной майор КГБ Карбанович — крепкий, коренастый человек лет сорока, с короткой стрижкой и злым, карапающим взглядом, мысленно чертыхнулся по поводу неумеренного сладогострастия банкира, после чего быстро пошел по коридору.

В большой комнате, смежной с его собственным кабинетом, Карбановича дождались трое подчиненных, один из которых сидел за компьютером.

— Ну-с, ребятки, начинаем работать! — бодро произнес начальник охраны. — Владимир Константиныч соизволили сегодня погулять, так что времени у нас в обрез. Для начала, Сашок, — и он приблизился к тому, кто сидел за компьютером, — выдай-ка нам маршрут поездки.

— А кто она? — поинтересовался охранник. — Мы ее уже знаем?

— А как же! Это последняя любовь нашего шефа — Антонина Ширманова из Гранатного переулка.

— Классная телка!

— Да, девушка что надо, — усмехнулся Карбанович, — но зато и берет по высшей ставке. Запускай программу, глянем еще раз, как лучше доехать. Василий, кончай зевать! Спускайся в гараж и подбери тачку, на которой еще не ездили — сегодня будешь водилой. Сашок поедет на переднем сиденье, а ты, Серега, махнешь туда

прямо сейчас и разведаете местность. Потом прозвонишь сюда, поставишь свою тачку во дворе ее дома и будешь ждать нас. Куда пошли, раздолбай, сначала еще раз глянем на маршрут!

Он придвинул стул и сел поближе к компьютеру. То же самое сделали и оба охранника.

На экране монитора возникла карта Москвы. После быстрых манипуляций, сопровождаемых глассмассовым стуком клавиш и щелканьем «мыши», Александр увеличил масштаб и выдал три варианта маршрута от Лесной улицы, где находился «Сигма-банк», до Гранатного переулка.

— По Большой Грузинской и Красной Пресне мы уже ездили, — заметил он, — по Тверской и Садовому — тоже. А сегодня можем подъехать с обратной стороны — с Тверского бульвара.

— Нет, это не годится, — решительно отверг Карбанович. — Запросто можем угодить в пробку. Давай лучше так, — и он стал тыкать в экран пальцем, приговаривая: — Васильевская — Красина — Малая Бронная.

— Как скажете, шеф.

Спустя два часа глава «Сигма-банка» Владимир Константинович Володин вышел из своего кабинета, вызвал лифт и спустился прямо в гараж, где его уже ждали трое охранников. Холодно кивнув Карбановичу, распахнувшему перед ним дверцу новенького «форда», банкир сел на заднее сиденье, держа в руках последний номер журнала «Коммерсант».

«Форд» мягко тронулся с места, ворота подземного гаража поднялись, и машина плавно выехала на поверхность. Вторые ворота, на этот раз ведущие на улицу, разъехались в разные стороны, и машина выкатилась на оживленную московскую улицу.

В дороге Владимир Константинович демонстративно читал журнал, реагируя на обращения Карбановича лишь неопределенным мычанием. Он не хотел давать повода охране для лишней дозы глумливых усмешек за своей спиной. Все знали, куда он едет, более того, именно через начальника охраны Володин и познакомился со своей нынешней любовницей.

Все получилось достаточно просто — однажды, проведя деловой завтрак в гостинице «Рэдисон-Славянская», он направлялся к выходу, когда навстречу ему попала молодая, изящно одетая дама среднего роста. Владимир Константинович был невысок, а потому не слишком любил длинноногих красоток, возвышавшихся над ним, как строительные краны. Встречная дама была одного с ним роста, и при этом красива и невозмутима. Окинув банкира, шествовавшего в окружении трех охранников, спокойным, ничего не выражающим взглядом, она отвернулась к витрине ювелирного магазина, находившегося в вестибюле гостиницы.

Володин машинально прошел еще несколько метров, но затем обернулся и увидел, что дама, уже забыв о его существовании, поглощена созерцанием колец и ожерелий. Тогда он вручил Карбановичу свою визитную карточку, кивнул ему на женщину и направился к машине. Через пять минут начальник охраны вернулся.

— Она взяла вашу карточку и сказала, что подумает, — радостно сообщил он.

— А ты не забыл сказать, что я куплю ей любые побрякушки из числа тех, которые она там рассматривает?

— Разумеется, Владимир Константинович, — заулыбался отставной майор КГБ, довольный хорошо исполненной ролью сводника, — с этого и начал!

— А она что?

— Пожала плечами и ничего не сказала.

Примерно через неделю молодая дама, представившаяся Антониной Ширмановой, позвонила ему в офис. Первая встреча была ознаменована недолгим деловым

обедом в разгар рабочего дня, вторая — роскошным ужином с вручением заранее купленных драгоценностей.

Была ли она дорогой кокеткой? Поначалу у банкира еще оставались кое-какие сомнения на этот счет, однако во время первой совместной ночи их развеяла сама Антонина.

— Не обольщайся, котик, — с ядовитой усмешкой заявила она. — Таким, как ты, женщины дают только за деньги — и никак иначе!

Володина несколько покоробила такая циничность, но он быстро смирился. В конце концов, он достаточно богат, чтобы купить все ее время, а женщина, которая принадлежит только одному мужчине, вполне может называться не содержанкой, а возлюбленной. То, что Антонина жила одна в уютной квартирке старого дома, находившегося в самом центре Москвы, придавало ей, по мнению банкира, дополнительное очарование.

Зато, по мнению господина Карбановича, которое он предпочитал держать при себе, это же обстоятельство делало поездки к ней чертовски опасными. Если бы какой-нибудь профессиональный киллер нанял Антонину для знакомства с банкиром, решив использовать ее в качестве приманки, то жизнь господина Володина повисла бы на волоске. Начальник охраны прекрасно это понимал, а потому использовал все свои возможности, чтобы «просветить» биографию этой милой дамы и убедиться в том, что лишь случайное стечение обстоятельств да любовь к драгоценным побрякушкам толкнули ее в объятия немолодого и не слишком обаятельного банкира.

Сегодня Владимир Константинович ехал к ней уже третий раз, и начальник охраны постепенно начал успокаиваться. В принципе, если бы его шефа решили убрать, то не было смысла выжидать так долго. Тем не менее, Карбанович зорко следил за дорогой, особенно когда машина миновала памятник Блоку, чей бронзовый сюртук был немилосердно заляпан свежей зеленой краской.

Когда «форд», замедляя ход, свернул с дороги в сторону злополучной помойки, Карбанович увидел стоявшего рядом с ней охранника Серегу — тот успокоительно покачал головой.

«Ну и слава Богу, — подумал начальник охраны. — Осталось довести шефа до двери — и порядок. Пусть себе развлекается, жирный котяра...»

— Ты мне лучше вот что скажи, — говорила Антонина, встряхнув пышными, пепельно-русскими волосами. — Мы так и будем прятаться за шторами, да пыхтеть в постели? Ты меня в свет выводить собираешься?

— А куда бы ты хотела? — осторожно поинтересовался Володин.

— В Кремль!

— А если серьезно?

Антонина задумалась.

— Ну, на какую-нибудь презентацию, что ли... — неуверенно протянула она.

— Чтобы моя жена тут же об этом узнала и решила положить конец нашим отношениям? — усомнился банкир. — Она — женщина настолько хваткая и решительная, что я даже представить боюсь, что ей может придти в голову.

— Ты боишься своей жены?

— Не то, чтобы боюсь, но остерегаюсь...

— Тогда поедем за границу, где нас никто не увидит.

— А куда бы ты хотела?

— В Венецию!

— Да там же летом духота и жарища! Влажность большая, а у меня давление...

— Ну и что? А я хочу именно туда!

— Ну, если только на недельку, да еще в Лидо, то почему бы и нет? — с немалой долей сомнения в голосе произнес Володин и, ухватив Антонину за руку, начал медленно подтягивать ее к себе.

— Подожди, — отстранилась она. — Скажи последнюю вещь — когда вылетаем?

Вечером того же дня на мобильник Вячеслава Садикова поступило следующее SMS-сообщение: «Предварительно договорились на конец следующей недели. Как только узнаю точную дату, тут же перезвону».

Глава 6. Конкуренция на убийство

Когда Кедрин говорил Славику о том, что ему абсолютно все равно, каких именно клиентов ему «заказывают», он, разумеется, кривил душой. И хотя работа профессионального киллера, в отличие от «идейного» террориста, отнюдь не подразумевает наличия каких-либо принципов, Константин не мог не иметь определенных предпочтений. Больше всего он любил отстреливать именно «крутых». Во-первых, это было самым опасным делом, а Константин по-прежнему любил риск, и в этом, видимо, сказывалась как старая боевая закалка, так и то, что он до сих пор не навоевался.

Во-вторых, это позволяло считать себя благородным мстителем, избавляющим общество от законченных негодяев. В конце концов, как смерть одного человека всегда отличается от смерти другого, так и убийство — это не просто насильственное лишение жизни. Если бы он, Константин, взялся исполнить заказ брошенной жены и убил бы ее беззащитного мужа, повинного лишь в том, что тот решил развестись и жениться во второй раз, вот тогда бы он был вполне достоин звания «гнусного убийцы»! Но ликвидировать «крутого», оставив с носом «быков» из его охраны, всадить меткую пулю в кабанью голову, мгновенно лишив ее владельца всех радостей жизни в виде тачек, путан и счетов в банках, — разве это не воинская доблесть?

Правда, заказ на ликвидацию одного «крутого» поступал от другого — ну и что? Ведь когда-нибудь наступит и очередь заказчика!

Служа в десанте, Кедрин научился убивать всеми возможными способами, начиная от кулака и кончая автоматом, однако работать предпочитал исключительно «хирургически» — с помощью любимой снайперской винтовки, которая легко разбиралась и укладывалась в небольшой футляр, похожий на переносной ноутбук. Разумеется, этот способ требовал тщательной подготовки и большого терпения, но Константин уже стал таким профессионалом, что ни того, ни другого ему было не занимать. К тому же, теперь ему не требовалось проделывать большую часть подготовительной работы. В Москве существовали подпольные фирмы, которые прослушивали и записывали чуть ли не все посылаемые на пейджер сообщения, не говоря уже о переговорах по сотовым телефонам. Более того, благодаря поисково-накопительным компьютерным программам, стоило ввести данные на определенного человека, как принтер выдавал распечатку не только всех его переговоров за требуемый период времени, но и переговоры людей, каким-либо образом с ним связанных — начиная от охраны и кончая любовницами или парикмахером. Благодаря этому, установить маршрут или места регулярного появления было достаточно просто.

Место своей нынешней засады на очередного клиента из числа «крутых» Кедрин определил благодаря всего двум фразам из распечатки его телефонных переговоров: «Я буду у Глории» и «Да, встретимся завтра у зеркальной Глории». Если из первой фразы можно было решить, что клиент решил направиться к любовнице, то из второй явственно следовало, что «Глория» — это ресторан с зеркальными дверями — «новые русские» любили все блестящее и импозантное.

Определить местонахождение этого недавно открытого ресторана — а он располагался в одном из переулков внутри Садового кольца — было несложно, еще проще оказалось найти подходящий чердак, из слухового окна которого зеркальные двери ресторана были видны, как на ладони. Дом сталинской постройки имел два выхода на противоположные улицы, что гарантировало безопасный отход. Короче говоря, данный заказ показался Кедрину достаточно рядовым и легко исполнимым. Теперь, когда он уютно расположился на чердаке, не забыв запереть за собой дверь и приведя в боевую готовность винтовку, оставалось только спокойно дожидаться клиента. Многие дураки не любят ожидания потому, что им скучно с самими собой, но в беспокойной жизни Кедрина именно эти часы становились сладостным временем философских раздумий — например, о бессмертии души того «крутого», которую он сегодня же отправит в ад.

Константин напрягся, увидев, как к стоянке перед входом в ресторан подкатил серебристый «форд». Сначала оттуда вышел коренастый, коротко стриженный человек лет сорока, в кожаной куртке средней длины. С противоположной стороны вылез молодой усатый парень в новеньких белых кроссовках. Оглядевшись по сторонам, коренастый открыл заднюю дверцу «форда».

Кедрин затаил дыхание, поймав выходящего в перекрестье оптического прицела, но, увидев сверху явную лысину, кое-как прикрытую редкими залызанными волосами, выдохнул и расслабился.

Нет, этот вальяжный господин, похожий на большого кота, в данный момент не является его клиентом. А жаль! Сейчас бы он уже лежал на асфальте с дыркой в лысине, и, в то время, как оба его охранника ошалело крутили бы головами, Константин преспокойно спустился бы вниз, вышел на соседнюю улицу и пошел бы звонить — сообщать о выполнении заказа и договариваться о получении гонорара.

Вдруг он снова насторожился. Вон те новенькие бежевые «Жигули» подъехали только что — минуту назад их не было. Судя по всему, там сидят два человека — но ни один из них, почему-то, не выходит. Да и тачку свою они поставили сбоку от входа... что-то непонятное... чего они тут выжидают?

Мельком взглянув на часы, Кедрин насторожился еще больше — до прибытия клиента оставались считанные минуты. А что если это конкуренты, которым было заказано убийство того же «крутого»? До сих пор он не сталкивался с подобным вариантом, но исключать его полностью было бы непредусмотрительно. Об убийстве обязательно сообщат в новостях, и, если заказчик узнает, что Кедрин тут ни при чем, то может даже потребовать возвращения аванса. Получается, дело уже не только в соперничестве за право ликвидировать очередного «авторитета», но и в чисто меркантильных соображениях...

Теперь Кедрин держал на прицеле злополучные «Жигули», пока еще не решив, что делать, но уже готовый ко всяким неожиданностям. И они не заставили себя долго ждать!

Из машины вылез какой-то молодой парень в голубых джинсах, серой рубашке и черных очках. Перекатывая во рту дымящуюся сигарету, он держал в руке пышный букет цветов, причем они были обернуты не в прозрачный, а в зеркальный целлофан. Да эта уловка стара, как мир!

Кедрин снял винтовку с предохранителя и замер. К стоянке подъехала темно-синяя иномарка — кажется, это был «опель». Парень небрежно выплюнул сигарету, свободной рукой поправил букет и медленно, двигаясь вразвалку, сделал несколько шагов вперед — навстречу пассажирам, вылезавшим из «опеля». Это были двое мужчин типично кавказской наружности, один — постарше, другой — помоложе. Они спокойно переговаривались между собой до тех пор, пока из машины не выбралась девица,

представлявшая собой классический вариант дорогой московской путаны — длинные светлые волосы и короткая обтягивающая юбка. Ни один из разговаривавших кавказцев даже не попытался помочь ей — подать руку или придержать дверцу.

В тот момент, когда она закинула на плечо черную лакированную сумочку и восторженно посмотрела на старшего из своих спутников, молодой человек уронил букет на асфальт, освободив руку с пистолетом. Все дальнейшее заняло не более пяти секунд.

Младший из кавказцев издал гортанный крик и нырнул рукой под мышку, одновременно с этим пытаясь заслонить собой старшего. Девушка испуганно прижалась к «опелю», с ужасом глядя на убийцу, а старший кавказец, который оказался спиной к нему, успел только мельком взглянуть через плечо. Этот взгляд мог бы стать последним в его жизни, но Кедрин действовал быстро и четко. Больше всего на свете он любил именно эти моменты — когда сладостно замирает дыхание, глаза прищуриваются, палец мягко ложится на спусковой крючок, а сдавленное в груди волнение словно бы растекается по жилам каким-то невероятным возбуждением...

Первый выстрел угодил в висок киллеру, мешком рухнувшему на асфальт. Для того, чтобы повернуть ствол винтовки в сторону старшего кавказца, потребовались доли секунды, однако тот все же успел сделать единственно возможное — распахнуть дверцу «опеля» и ничком нырнуть в глубь салона. Вторая пуля Кедрина пробила насквозь оставшуюся открытой дверцу. Младший кавказец, успевший, наконец, достать собственный пистолет, очумело вертел головой, издавая воинственные вопли и не зная, куда палить, несостоявшийся убийца неподвижно лежал на асфальте. Но тут бежевые «Жигули» тронулись с места, и кавказец бросился за ними, сделав три выстрела подряд. Девушка тоже очнулась от неподвижности и с криком метнулась к зеркальным дверям ресторана.

Кедрин чертыхнулся и рывком поднялся с места. Обстреливать «опель» теперь не имело смысла — клиента ему не достать. Итак, сам того не желая, он сделал прямо противоположное тому, что ему заказывали — спас жизнь старого азербайджанского вора в законе по кличке Рустам!

Стремительными, четкими движениями Константин разобрал винтовку и упаковал ее в чемоданчик — на это ушло не более минуты. Затем пробрался к чердачной двери, открыл ее, прислушался и выбрался на лестничную площадку. Быстро спустился по лестнице.

Никого не встретив, Кедрин спокойно спустился до первого этажа и вышел на улицу, находившуюся по другую сторону от ресторана. Уже затерявшись в толпе и двигаясь самой обычной походкой, он вдруг вспомнил свои «чердачные» размышления и слегка улыбнулся. Интересно, где же сейчас находится душа убитого им конкурента?

Глава 7. Папарацци в Венеции

По роду своих занятий, да и благодаря собственным пристрастиям, Славику так часто приходилось иметь дело с женщинами легкого поведения, что он постепенно составил для себя небольшую классификацию, помогавшую ему сразу же находить нужный тон. К первому типу относились женщины, о которых замечательно было сказано у Лескова: «Ей лень было сказать: «Прочь поди», и она знала только то, что она баба».

Путаны второго типа назывались самым популярным словом русского языка из пяти букв, причем в данном случае оно подразумевало отнюдь не оскорбление, а самое точное выражение душевного и физического состояния этого типа женщин.

Такие дамы совсем не обязательно относились к числу профессионалок — они даже могли быть замужем и иметь детей. Главное их свойство состояло в том, что им нравилось коллекционировать мужчин. Если женщины предыдущего типа в первую очередь требовали денег и практически не испытывали никакого удовольствия, то эти дамы ради удовольствия могли даже отказаться от денег.

Третий тип, по мнению Славика, был самым эклектичным.

Женщин подобного рода объединяло или стремление к красивой жизни, или желание побыстрее и побольше заработать. Сюда могли относиться самые разные дамы — и семейные, оставившие в провинции мужа и детей, чтобы приехать в столицу и заработать на жизнь, и юные дурехи, насмотревшиеся заграничных фильмов и готовые на все, лишь бы оказаться в соответствующих интерьерах, и студентки, которым не хватает стипендии на французскую косметику, и молодые специалистки, не желающие возвращаться в ту же провинцию, и многие, многие другие. «Текучесть кадров» в этой категории была самой высокой.

Но больше всего Славика нравился четвертый тип. Наверное, это происходило потому, что в характере этих дам он находил нечто «свое» — и этим «своим» были авантюризм, любовь к приключениям и ненависть к однообразной, обыденной жизни.

И лишь с пятым типом женщин — занимающихся «грязным ремеслом» ради прокормления, а то и спасения своих близких, Славик еще ни разу не сделал дела.

Антонина Ширманова, с которой Славик впервые познакомился много лет назад, еще учась на первом курсе университета, являлась именно авантюристкой. Она была на два года старше Славика и до поступления на философский факультет МГУ успела поработать помощником администратора в Центральном доме туриста. Увы, но эти два года разницы, которые не имеют никакого значения после 30-ти, в тот момент оказались роковым препятствием.

На первой же лекции, едва заметив красивую девушку, Славик немедленно подсел к ней и все полтора часа развлекал ее анекдотами и двусмысленными предложениями. Антонину забавлял этот шустрый симпатичный юнец, имевший румянец во всю щеку и нахальные черные глаза, но еще больше ее позабавило то, как вытянулась его выразительная физиономия, когда она после лекции вместе вышли из здания университета, и она, весело попрощавшись, села в машину поджидавшего ее поклонника.

Однако Славик, преодолев первую оторопь, и не подумал отступить, а потому уже на следующий день вновь сел рядом с Антониной. Она кокетничала с ним «просто так», просто так же и пригласила к себе в гости, сказав, что сегодня у нее никого не будет дома. Правда, они взяли с собой и подружку Антонины — худую, черненькую и весьма «страшненькую», по мнению Славика, девицу. Возможно, Антонина надеялась на то, что, когда все будет выпито и сказано, а подружка соберется ехать домой, ей удастся выпроводить и Славика — но не тут-то было! Он выпил больше обычного, отказался уходить и даже взял на себя функции хозяина дома, довольно бесцеремонно выпроводив злосчастную подружку.

Антонина попыталась выставить зарвавшегося юнца, но он, совершенно потеряв голову, вдруг схватил ее за талию и опрокинул на диван. Началась бурная возня, прерываемая криками и слезами.

В конечном итоге, все закончилось позорнейшим поражением — он вынужден был уйти под угрозой «вызова милиции» со стороны трезвонивших в дверь соседей.

После этого они не разговаривали целый семестр и помирились только в первую зимнюю сессию. Впрочем, к тому времени это уже не имело значения — Антонина выходила замуж и переводилась на вечернее отделение. Затем она вообще оставила университет, но Славик, переживавший в тот момент новые и более успешные увлечения, об этом даже не узнал.

Новая встреча произошла спустя одиннадцать лет, когда он, выполняя задание очередного бульварного издания, бродил по Москве с фотоаппаратом наперевес, выискивая и тут же «щелкая» красивых женщин. Это было нужно для задуманного редакцией конкурса с несколько двусмысленным названием: «Мисс «Московские улицы»». Одной из попавших в его объектив женщин и оказалась Антонина!

Они искренне обрадовались друг другу и тут же направились в ближайший бар — «вспомнить молодость». Оказалось, что Антонина давно развелась, детей у нее не было, а работала она секретаршей в какой-то конторе у «старого и мерзкого шефа», достававшего ее своими приставаниями. Дела ее шли явно не блестяще, так что теперь Славик мог позволить себе выступить в роли покровителя.

Однако у него хватило ума сохранить дружеский и непринужденный тон, и награда не заставила себя долго ждать — той же ночью он оказался в ее квартире, расположенной в Гранатном переулке, которую она получила в результате разъезда с мужем.

Все было мило и чудесно, за исключением одного — отсутствия того неистового юношеского желания, которое он когда-то испытывал к этой женщине. Поэтому их отношения приняли спокойный характер, и они стали хорошими друзьями и даже компаньонами.

Первое задание, которое он ей дал, было достаточно простым — Антонине надо было подойти к молодому политику и как можно более пылко признаться ему в любви! Разумеется, Славик со своим фотоаппаратом караулил неподалеку. Антонина блестяще справилась с заданием, смутив и озадачив политика так, что уже на следующий день его растерянная физиономия красовалась на страницах таблоида.

Славик честно передал Антонине заранее оговоренную часть гонорара, и их сотрудничество успешно продолжалось. Достаточно сказать, что именно у нее он хранил свои знаменитые часы со встроенным внутрь фотоаппаратом.

Поводом для последнего задания — соблазнить банкира Володина и выманить его за границу, где бы он мог расслабиться, подставившись под спрятанную фотокамеру, — послужила встреча Президента России с крупнейшими олигархами страны, среди которых был и глава «Сигма-банка».

— А ведь это же интересно! — заявила Любовь Сергеевна во время очередной встречи со Славиком. — Президент встречается с финансовыми воротилами... Что, если нам сделать репортаж об одном из них?

— И озаглавить — «Как хорошо быть хозяином страны и жизни»? — не без ехидства поинтересовался папарацци.

— Почему бы и нет? Первые у нас пойдут его фотографии вместе с Президентом, затем снимем его в офисе, затем — на какой-нибудь презентации или благотворительной акции...

— А затем и в постели с любовницей!

— Ну, не обязательно опускаться до пошлости и порнографии, но где-нибудь на отдыхе, лучше всего за границей, да еще в компании с молодой дамой, которая не является его законной женой, а?

— Принято! — согласился Славик и тут же отправился звонить Антонине.

Подстроить их «случайную» встречу с Володиным в холле гостиницы «Рэдисон-Славянская» было совсем несложно, и, к радости папарацци, банкир клюнул с первой же попытки. Дальнейшие события развивались так успешно, что вскоре Славик получил командировочные в редакции и в тот же день вылетел в Венецию.

Папарацци неоднократно бывал в Италии вообще, и в Венеции — в частности, и безумно любил этот чудный город. Он влюбился в него еще в детстве, по открыткам и книгам, и с годами эта любовь становилась все сильнее.

Для начала Славик остановился в скромном пансионе на набережной Иезуитов — том самом, где останавливался еще во время своего первого приезда и куда неоднократно заглядывал после. Там его помнили и встречали очень приветливо.

Закинув вещи в номер, папарацци немедленно отправился на свидание с самой прекрасной площадью в мире — Сан-Марко. Это уже стало для него своеобразным ритуалом. До прибытия самолета из Москвы оставалось около часа. Славик договорился с Антониной, что она уговорит своего банкира взять катер-такси и прямо из аэропорта Марко Поло прибыть на Сан-Марко. Он будет ждать их на пристани между двумя колоннами, чтобы сразу же запечатлеть первые шаги банкира «по венецианской земле».

Быстро пройдя квартал и миновав деревянный мост, Славик углубился в узкие улочки, ориентируясь не столько по указателям, сколько по памяти, и вскоре вышел на знаменитую площадь, где его уже ждали колокольня, собор с четырьмя конями и часы с двумя бронзовыми маврами.

С каким наслаждением Славик присел за столик летнего кафе, заказал тут же подошедшему официанту большой бокал пива и закурил! Никогда и нигде в мире он не чувствовал себя так хорошо!

Банкир явно не торопился. Полчаса Славик прохаживался по набережной, держа фотоаппарат наготове и пристально всматриваясь в подплывавшие к пристани катера и гондолы. Наконец, когда ему это стало надоедать, на одном из катеров он увидел женщину в красном платье, которую обнимал немолодой толстяк в бежевом костюме. Приложив фотоаппарат к глазам и сделав «наезд» объектива, папарацци, к своей величайшей радости, узнал Антонину и банкира. Молодец, девушка, догадалась одеться поярче, чтобы облегчить его задачу!

Деля вид, что снимает колокольню, Славик быстро сделал несколько снимков: вот банкир подает руку своей спутнице, помогая ей перебраться на площадь, вот она берет его под руку, вот они целуются...

Охота началась!

Глава 8. **А киллер — в Москве**

Сразу же после первого неудавшегося покушения Константин начал готовить второе и вновь обратился к услугам той самой фирмы, которая занималась нелегальным прослушиванием московского радиоэфира. Из распечатки последних переговоров Рустама ему стало ясно, что тот был не на шутку встревожен стрельбой у ресторана «Глория» и теперь закрылся в собственном офисе, который располагался в его пятикомнатной квартире на седьмом этаже, и ударился в самый безудержный загул.

Константин уже три дня дежурил возле его дома, а последнюю ночь даже ночевал в машине. Заказ пора было выполнять, а Рустам упорно не желал показывать носа! Кедрин своими глазами видел, как подручные Рустама выгружали из багажников своих машин ящики с водкой и шампанским, как ему на дом подвозили обеды и ужины из ресторанов, как каждый день в подъезд входили стайки ярко раскрашенных девиц. Кутеж шел вовсю и грозил затянуться на самое неопределенное время.

Любимая винтовка была бесполезна — Рустам не поднимал штор в своей квартире ни днем, ни ночью, а в длинную лоджию выходили только его гости — вероятно, те, которыми он меньше всего дорожил. Поэтому Кедрин решил действовать наверняка, положившись на случай и пистолет, который теперь постоянно держал при себе.

Несмотря на отчаянный загул, Рустам постоянно звонил своим подельникам или рассылал с поручениями своих «шестерок». Таким образом, он продолжал руково-

дить основными делами, а ведь конкуренты азербайджанца наняли Кедрина именно с тем, чтобы этому помешать! В том случае, если ему в ближайшее время так и не удастся пресечь бурную деятельность вора в законе, у него самого могут быть крупные неприятности. Наконец-то, на пейджер пришло сообщение из фирмы по прослушиванию эфира, которого он ждал все эти дни. «Приезжаю сегодня в 21.09. Дети со мной. Обязательно встречай, целую, Гюльчатай».

Немудреный шифр означал следующее — сегодня к Рустаму из Баку прилетает его законная жена с двумя детьми.

Это событие давало Кедрину шанс на то, что азербайджанский «авторитет», наконец-то, выберется из своей берлоги, и его можно будет достать.

Однако и на этот раз все произошло совсем не так, как рассчитывал Константин. Тщетно он ожидал выхода Рустама, сидя в своей машине и готовый в любой момент начать действовать в зависимости от обстановки.

Уголовный «авторитет» то ли не собирался встречать свою жену, то ли, не желая рисковать собственной особой, послал за ней охранников. Несмотря на выработанное многолетней практикой долготерпение, Кедрин безумно устал и оставался на месте лишь благодаря интуиции, которая подсказывала ему, что именно сегодня у него появится шанс выполнить заказ.

И действительно, в районе десяты вечера к подъезду подкатила машина с охранниками, и оттуда вылезла толстая, массивная, увешанная золотыми украшениями черноволосая женщина с двумя детьми — девочкой лет шести и подростком лет двенадцати. Сопровождаемые телохранителями и внимательным взглядом Кедрина, они проследовали в подъезд.

Константин упрямо продолжал ждать. Та же интуиция говорила ему, что Рустам превал своей запой отнюдь не из желания побыть в семейном кругу, что-то здесь не так.

Тем временем на Москву опустилась ночь, и стало совсем тихо. У Кедрина поневоле начали слипаться глаза. Он прислонился головой к боковой стойке машины и сквозь неплотно прикрытые веки продолжал наблюдать за проклятым подъездом. Изредка поднимая голову, Константин высвечивал циферблат часов и снова погружался в тревожную дрему.

Ровно в два ночи хлопнула дверь подъезда. Мгновенно вскинувшись, киллер замер от удивления.

Вор в законе выходил из подъезда, держа на руках свою шестилетнюю дочь, которая старательно обнимала папину голову своими детскими ручками. Сын-подросток шел справа, жена — слева, один из телохранителей спереди, другой — сзади. Благодаря такой диспозиции сразить «авторитета» можно было только двумя способами — или бросить гранату, или разрядить во всю группу полный автоматный рожок.

Кедрин стиснул зубы — никогда еще он не ощущал к своим клиентам такой жгучей ненависти. Повернув ключ зажигания, он продолжал следить за тем, как Рустам, соблюдая все возможные меры предосторожности, вместе со всем семейством и телохранителями грузится в серебристый «мерседес» с тонированными стеклами.

Дав им отъехать на несколько десятков метров, Константин аккуратно тронулся следом. Немного попетляв по переулкам, «мерседес» выехал на Кропоткинскую улицу, быстро доехал до Зубовской площади, после чего свернул на Садовое кольцо. В третьем часу ночи трасса была пустынна, иномарка развила большую скорость, так что Кедрину приходилось прилагать немало усилий, чтобы не дать ей уйти в отрыв. Впрочем, он уже догадывался о конечном пункте ночного бегства Рустама, а потому не слишком беспокоился.

Центральные магистрали города быстро сменяли одна другую. «Мерседес» стремительно проскочил Ленинградский проспект, а затем и Ленинградское шоссе, так

что, Кедрин уже не сомневался — Рустам мчит в «Шереметьево». В принципе, пого-ню можно было бы и прекратить, поскольку покушение в аэропорту может устраивать только камикадзе. Тем более что Рустам наверняка будет по-прежнему прикрываться детьми. Однако Кедрин, сам не зная зачем, продолжал упорствовать.

Он подъехал на автостоянку «Шереметьево-2» через пять минут после Рустама. Куда, интересно, направляется азербайджанский «авторитет» со всем своим семейством — на родину или за границу? Войдя в здание аэропорта, Кедрин краем глаза продолжал следить за клиентом. И тут его ждало новое открытие — оказалось, Рустам летел лишь в компании одного из своих телохранителей! Именно они двое и оформляли билеты, пока все остальные следовали по пятам за отцом семейства, прикрывая его с тыла.

Увидев, как азербайджанец проследовал на рейс «Москва-Венеция», Кедрин считал свою задачу выполненной и покинул аэропорт.

Глава 9. Фотоохота за банкиром

Лидо является длинным и узким островом, который как бы прикрывает собой основную часть Венеции, расположенную в одноименной лагуне, от волновых набегов Адриатического моря. Фактически, это — основной центр развлечений и отдыха, именно здесь расположены муниципальное казино и дворец кинематографии, в котором проходят знаменитые венецианские фестивали. На острове даже есть небольшая аэропорт, принадлежащий местному аэроклубу.

Но основным достоинством острова, разумеется, являются его пляжи. Для того, чтобы, находясь в Венеции, почувствовать себя на морском курорте, надо добраться до Лидо. Основные пляжи расположены на той стороне острова, которая омывается Адриатическим морем, и в центре которой расположен лучший отель — «Эксцельсиор».

В одном из укромных уголков пляжа молодой рыхлый толстяк, компенсировавший недостаток волос на голове обилием седовато-курчавой растительности на обширной груди, неумело втирал крем от загара в спину красивой женщины, лежащей на красно-белом надувном матрасе.

— Ай, осторожнее, не так сильно, — говорила Антонина, лениво поправляя большие солнцезащитные очки. — Чем тебе доверять, проще было нанять профессионального массажиста.

— Чтобы я уступил ему такое удовольствие, да еще и заплатил за это? — удивился мужчина. — Спина готова, поворачивайся.

— Ну, хватит, хватит, — наконец сказала Антонина. — Давай-ка теперь я тебя натру, а заодно и помассажирю.

Банкир послушно плюхнулся на живот, а Антонина проворно села на его заплывшую жиром поясницу. Нанеся крем на ладони, женщина принялась быстро и ловко втирать его в холеную кожу банкира, попутно то зажимая пальцами складки жира, то постукивая вдоль позвоночника ребрами ладоней.

— Ох, нелегкая эта работа — массажисткой служить бегемота!

— Сравнение с китом мне нравится больше, — пробурчал довольный банкир, не открывая глаз.

Массируя Володина, Антонина время от времени бросала быстрый взгляд на пестрый пляжный зонт, торчавший прямо из песка в двух метрах от них. Под зонтом никого не было, однако она взглянула в ту сторону не раз и не два. Наконец, женщина слезла с банкира и встала на ноги.

— Ну, еще немного позагораем, и пора в отель, обедать. А то твои ребята от скуки выпьют там весь запас пива...

— А ты хочешь пива? — лениво поинтересовался Володин, оставивший обоих телохранителей на веранде «Эксцельсиора». — Впрочем, я тоже хочу, — и, приподнявшись, он помахал разносчику напитков.

Невдалеке, метрах в трехстах от них, находилось летнее кафе. Несколько юных итальянцев в шортах и белых футболках с фирменным знаком «Эксцельсиора» выполняли роль пляжных официантов.

— Desidera?

— Две бирра, — сказал Володин, и итальянец, скользнув беглым взглядом по фигуре Антонины, кивнул и помчался назад.

— Пойдем искупаемся, — предложила она, и банкир послушно поднялся с матраса. Через пару минут они уже погрузились в приветливые воды Адриатики.

Пока любовники блаженствовали на море, на суше разыгралась странная сцена. Юный разносчик, держа поднос, на котором высились два бокала и две открытые бутылки пива, возвращался назад. Проходя мимо пляжного зонта, расположенного рядом с матрасами подозвавшей его пары, он вдруг почувствовал, что мягкий песок под его ногами почему-то оказался чересчур упругим — более того, он вздыбился и опрокинул изумленного итальянца! При этом из-под земли послышалось сдавленное ругательство на непонятном языке.

Официант, испуганно охнув, упал на бок, растеряв при этом содержимое своего подноса. Перед ним, словно из-под земли, а, точнее, из-под песка, вырос усатый и загорелый парень в одних плавках и с миниатюрным фотоаппаратом на груди. Он подмигнул официанту и, ловко подхватив с песка наполовину разлившуюся бутылку пива, жадно припал к горлышку.

Постепенно до официанта начал доходить смысл произошедшего, и испуг на его лице сменился восхищением.

— Paparazzi? — лукаво спросил он, когда фотограф, утолив жажду, оторвался от бутылки.

— Он самый, — подтвердил Славик и полез в карман плавков за деньгами. — Но не итальянский! Sono paparazzi russo... Вот возьми... prenda и не болтай... e non parla.

Он сунул официанту бумажку в десять евро и мотнул головой в сторону моря. Официант понял, улыбнулся и кивнул в ответ. После этого каждый занялся своим делом — официант подобрал бутылки и бокалы, а папарацци скатал свою накидку. Затем они обменялись приветливыми жестами и разошлись в разные стороны — официант пошел в кафе повторять заказ, а Славик, держа накидку под мышкой, направился туда, где оставил одежду.

А в это время Володин и Антонина выходили из моря.

Фотоохота за банкиром продолжалась уже три дня. Главная проблема состояла в том, что Володин и Антонина жили на самом Лидо, снимая номер в «Эксцельсиоре» стоимостью около тысячи долларов в сутки. В разгар летнего сезона гостиницы острова были переполнены, поэтому Славiku пришлось остаться в пансионате. Но они с Антониной нашли выход.

Каждое утро она звонила ему в номер и кратко сообщала об их с Володиным планах на предстоящий день. В зависимости от этого, Славик или караулил их где-нибудь на пристани, а потом следовал за ними по пятам, пока они гуляли по городу, или же — как это было сегодня — сам отправлялся на Лидо.

Служка в Венеции была делом и простым, и сложным одновременно. Простым потому, что на этих узких улочках, похожих на каменные коридоры, скрыться от преследования было крайне трудно — если только не поймать вдруг катер-такси. С

другой стороны, постоянные столкновения лоб в лоб могли насторожить даже самого беспечного человека. Поэтому Славик пытался маскироваться — сегодня он был прилизанным английским джентльменом, одетым в белые брюки, белую рубашку, черные туфли и черные очки, а завтра — лохматым и веселым французским студентом в потрепанных джинсах и футболке с видом Эйфелевой башни.

Еще одной трудностью была разница финансового положения между папарацци и банкиром. Венецианская сфера обслуживания рассчитана на самые различные слои населения — скромные европейские студенты снимают комнатки в пансионатах с видом на какой-нибудь глухой дворик и «удобствами» в коридоре, плавают на вапоретто, питаются или в закусочных, или в недорогих кафе, а все свое время уделяют осмотру достопримечательностей. В то же время богатые люди живут в роскошных палаццо с видом на Большую канал, плавают на гондолах или прогулочных катерах, отделанных ценными породами дерева, обедают в лучших венецианских ресторанах, заказывая там самые дорогие блюда морской кухни, и развлекаются покупками в дорогих магазинах, расположенных поблизости от Сан-Марко, в которых представлены самые модные модели лучших европейских дизайнеров.

Впрочем, само по себе пребывание в Венеции настолько восхитительно, что здесь, как нигде более, подобные различия воспринимаются на удивление спокойно.

Славик изредка позволял себе заходить в те же рестораны, что и банкир с Антониной. В принципе, если не особо усердствовать за столом, можно уложиться в тридцать евро. Однако аналогичная попытка посетить дорогой магазин едва не обернулась для папарацци плачевно. Мало того, что, оказавшись объектом пристального внимания милой продавщицы, настойчиво предлагавшей ему свои услуги, он не смог сделать ни одного снимка, так его еще чуть было не уговорили купить «полный карнавальный доспех» венецианского авантюриста — черную треугольную шляпу, белую полумаску и черный плащ! Кстати, искушение было тем более велико, что Славику очень хотелось предстать в таком наряде перед Любашей, выложив перед ней самые эффектные снимки венецианских каникул банкира.

В принципе, с учетом сегодняшнего пикантного «улова», отснятого материала было вполне достаточно для задуманного сложной Новоженовой фоторепортажа о жизни одного из «новых столпов российского общества». Однако Славик, по вполне понятным причинам, не торопился прерывать столь восхитительную командировку, тем более что фотографировать расслаблявшегося банкира было не сложнее, чем слона в зоопарке.

Он и сам изрядно расслабился, но события третьего дня разом встрепенули облившегося папарацци. Все началось со звонка Антонины.

— Буон джорно.

— Привет, привет, — радостно откликнулся Славик. — Какие планы на сегодняшний день?

— В шесть вечера жди нас на Сан-Марко. У моего толстячка, по его словам, запланирована там деловая встреча.

— С кем?

— Не знаю.

— А где именно — возле базилики?

— И этого не знаю, я не стала расспрашивать. Лучше всего жди нас на пристани. Кстати, возможно, он не захочет, чтобы я присутствовала при их разговоре, и отпустит меня погулять одну.

— Прекрасно! Просто замечательно!

— Чему ты так радуешься?

— От Сан-Марко до моего пансионата минут пятнадцать ходьбы.

— Фи, пансионат! Душ в коридоре, тесная каморка и старая кровать... Все, больше говорить не могу, он возвращается. Чао!

Готовясь к вечеру, папарацци выбрал миниатюрный — «шпионский», как он его называл — фотоаппарат, который легко умещался в ладони и по виду мог сойти за пейджер. Кроме фотоаппарата, у него была «дальнобойная» японская камера и самая обычная туристическая «мыльница», которой он пользовался лишь тогда, когда можно было снимать в открытую.

На Сан-Марко Славик пришел пораньше — ему надо было купить специальную узкую пленку и успеть зарядить фотоаппарат. Эта процедура не отняла много времени, так что он еще успел зайти в магазин коллекционного венецианского стекла. У него даже появилась мысль купить небольшую и не слишком дорогую вазу в качестве подарка Любаше — чтобы она не слишком жалела о его командировочных расходах.

В магазине было так красиво, что восхищенный Славик, почувствовавший себя как в музее, не сразу среагировал на русскую речь. В принципе, на Сан-Марко было достаточно много русских туристов, но этот неповторимый кавказский акцент прозвучал здесь явным диссонансом:

— Канэшно, дарагая, о чем разговор!

Славик повернул голову и насторожился. В трех шагах от него, возле витрины с самыми дорогими образцами антиквариата, стояла немолодая пара — крупный, лысоватый кавказец, одетый в роскошный костюм цвета кофе с молоком, и невысокая полная русоволосая женщина с простым, хотя и густо накрашенным русским лицом — во виду, типичная «теща».

По сравнению с ней, кавказец был гораздо более колоритной фигурой, однако именно женщина привлекла внимание папарацци. С ней было связано какое-то неуловимое, но совсем недавнее воспоминание, но какое, черт подери, какое...

Кавказец говорил громко, никого не смущаясь, да и вообще, вел себя так, словно пришел сюда покупать весь магазин.

— Тэбе нравится эта лампа? Давай купим!

— Что ты, Рустам, — притворно смущалась женщина, — смотри, она такая дорогая.

— Вах, Лидия Александровна, это не она, это ты дарагая! — Кавказец полез за бумажником.

Лидия Александровна? Славик мгновенно вспомнил, где он мог видеть эту женщину, вспомнил — и похолодел от волнения. Неужели это действительно она? И в компании столь явного мафиози? Да подобная сенсация может всколыхнуть весь политический бомонд! Он так разволновался, что едва не выронил фотоаппарат, который болтался на ремешке, обернутом вокруг запястья левой руки.

Пару недель назад Славик купил и прочитал книгу одного видного и довольно молодого политика России, где в качестве иллюстраций имелось множество семейных фотографий, начиная от детских снимков и кончая его изображением в обществе Президента. На некоторых фотографиях Славик и видел эту женщину — она была тещей этого политика, и звали ее именно Лидия Александровна!

Неужели это действительно она? Но кто же тогда чертов Рустам? Кажется, он когда-то слышал это имя, впрочем, сейчас это не так важно...

Славик повернулся боком, зажал фотоаппарат в ладони и несколько раз нажал пальцем на кнопку.

Все получилось как нельзя лучше — ему удалось застать момент, когда кавказец расплачивался за лампу, делая это с помощью столь толстой пачки банкнот евро, что даже вышколенные продавцы не могли сдержать изумления. Женщина смущенно благодарила, а кавказец «благородно» успокаивал:

— О чем говоришь, слюшай, это такие пустяки!

Пока кавказец оставлял продавцам визитную карточку отеля, куда должны были доставить лампу, папарацци взглянул на часы. Пора торопиться на пристань, иначе он мог упустить банкира и Антонину. Однако стоило ли это делать, когда ему в руки сама собой шла такая сногшибательная сенсация! Впрочем, до пристани не более пяти минут ходьбы, так что он еще успеет...

К счастью, кавказец тоже посмотрел на часы и, взяв свою спутницу под локоть, повел ее к выходу. Славик дал им немного отойти, а затем устремился следом. На выходе из магазина он вспомнил, что так и не купил подарок Любаше, но тут же махнул на это рукой. Снимки, которые он ей привезет, будут стоить дороже сотни самых прекрасных венецианских ваз!

Осторожно следуя за кавказцем и его спутницей, папарацци продолжал незаметно их фотографировать, делая это с помощью тонкого шнура, подсоединенного к кнопке спуска и спрятанного в кармане.

А тем временем кавказец продолжал разыгрывать из себя галантного кавалера. Пройдя вдоль площади, он решительно свернул направо и подвел свою даму ко входу в отель «Cavalieto e Doge Orseolo».

Здесь кавказец вежливо простился с ней. Как только она зашла в гостиницу, он повернулся и пошел навстречу Славике. Тот мгновенно придал своей физиономии самое равнодушное выражение, разминутся с кавказцем, а затем, действуя все так же лениво-равнодушно, повернулся и пошел следом.

Вторая сенсация не замедлила последовать за первой.

Когда бронзовые мавры на Торре дель Оролоджи принялись отбивать шесть часов вечера, папарацци, прячась за спинами молодой английской пары, запечатлел еще одну историческую встречу — кавказец горячо пожимал руку Володину и жадно оглядывал Антонину.

После того, как с первыми приветствиями было покончено, Славик увидел, что банкир достал бумажник и передал своей спутнице несколько купюр. Затем они с кавказцем вошли в ресторан, а Антонина, мельком оглянувшись на Славика, медленно пошла в сторону Большого канала.

Дав ей войти под колонные своды здания Новой прокуратуры, Славик догнал Антонину и обнял за талию.

— Прогуливаетесь, синьорина? Что же эти негодяи не взяли вас с собой в ресторан?

— Привет, — улыбнулась она. — Ну, как дела?

— Хоть стой — хоть падай! — обрадованно выдохнул папарацци. — Вернемся в Россию, и я устрою грандиозный скандал.

— Благодаря тому, что сфотографировал их вместе?

— Кого?

— Ну, моего Володина и этого кавказца, Рустама.

— А, нет... впрочем, это тоже может пригодиться, хотя и во вторую очередь. Кстати, а ты знаешь Рустама?

— Нет, не знаю.

— Интересно бы выяснить, что это за горный орел... Впрочем, по его уголовной роже и так все ясно. Стой! — спохватился Славик. — А теперь самое главное — на сколько они тебя отпустили? Мы успеем добежать до моего пансионата?

— А зачем? — лукаво улыбнулась Антонина.

— То есть?

— Я имею в виду — зачем торопиться? Володин сказал, что после встречи ему почти наверняка уже завтра понадобится вернуться в Москву.

— Ага! — пробормотал Славик. — Ну, а ты?

— А я стала капризничать и заявила, что мне хочется еще несколько дней отдохнуть.

— Ну, и он согласился?

— А почему бы и нет?

— Это здорово, — тут же откликнулся Славик, но через мгновение вновь призадумался. Неугомонная душа папарацци рвалась в Москву — имея на фотоленке такие «взрывные» кадры, грех было прохлаждаться в Венеции. Но, в конце концов, двумя днями раньше, двумя позже... Не исчезнет же за это время с политического небосклона человек, чья теща принимает подарки от столь подозрительной личности!

— Ты что замолчал?

— А? Да нет, все в порядке.

— Значит, ты рад, что я остаюсь?

— Еще бы! Мы будем танцевать под вальсы Штрауса на Сан-Марко, а потом долго гулять по ночной Венеции и читать друг другу стихи. И, клянусь тебе, это будут самые упоительные дни нашей жизни...

Глава 10. Стреляный вор

Поздний вечер, автострада «Шереметьево-Москва», и непрерывный поток машин — как правило, низко посаженных, вкрадчиво шелестящих шинами иномарок, за тонированными стеклами которых ведутся негромкие переговоры и трезвонят сотовые телефоны. Слегка влажный после небольшого дождя асфальт, мерный рокот и освещенные рекламные щиты на обочине.

За одним из таких щитов начинались придорожные кусты, незаметно переходившие в небольшой березовый лесок. Щит находился на выезде с длинного моста, под которым проходило еще одно, не менее оживленное шоссе, где громыхали чадящие выхлопными трубами грузовики да тархтели ведомые усталыми дачниками старые «Москвичи» и «Запорожцы», в багажниках которых тряслась молодая картошка, а в салонах благоухал свежий укроп.

В кустах, сбоку от щита, мелькнула неяркая вспышка — и одна из иномарок, находившаяся как раз посреди моста, тут же дернулась, вильнула и врезалась в металлическую ограду. Проломив ее, машина на какой-то миг застыла на краю моста, а затем медленно качнулась и, переворачиваясь в воздухе, полетела вниз.

Высота была небольшой, и иномарка, едва не придавив собой красную облезлую «Таврию», упала ей на крышу, издав при этом громкий звук сминаемой консервной банки. Обитатели нижнего шоссе принялись пронзительно сигналить и тормозить, старательно объезжая лежавшую посреди их шоссе «иностранку» и сворачивая к обочине.

Тем временем из кустов вышел неприметный человек в пятнистой военной куртке, сдвинул на затылок наушники и глянул с обрыва. Вид иномарки, похожей на подстреленную лошадь, вызвал у него негромкое восклицание с явным оттенком удовлетворения. Он не стал задерживаться и тут же нырнул обратно в кусты.

«Ну вот, наконец-то, дело сделано! — Константин проворно разбирал винтовку, укладывая ее в чемоданчик. — Если этот чертов Рустам уцелеет после такого падения, то в следующий раз мне придется стрелять в него в упор из гранатомета!»

Захлопнув чемоданчик, он встал и, пригибаясь за кустами, быстро направился в сторону леса, уже через минуту оказавшись среди тонких молодых берез. Только здесь он ощутил на своем затылке наушники. Не сбавляя пружинящего, размашистого шага, киллер снял их и спрятал в карман.

Недруги Рустама торопили Кедрина с выполнением заказа, поэтому ему пришлось воспользоваться предоставленной ими «технической помощью», что, кстати, должно было сказаться на конечной сумме гонорара. За машиной азербайджанца ехал человек, который «вел» его от самого аэропорта, сообщая Константину по радио все подробности приближения клиента.

В сущности, киллеру ничего не оставалось делать, как дожидаться команды и спустить курок. Все прошло как нельзя лучше, и теперь Константина беспокоило только одно — судьба собственной машины, оставленной на небольшой стоянке возле придорожного кафе. Он ускорил шаг, стараясь поскорее пройти лесок и выбраться на шоссе. Найдя свой главный ориентир — небольшую тропинку, Константин побежал легкой рысью.

Вскоре он услышал гул моторов, а еще через десять минут выскочил на опушку и увидел перед собой шоссе. Слева, в трехстах метрах от него, сияло огнями кафе. На стоянке перед ним находилось несколько машин, но с такого расстояния Константин еще не видел — есть среди них его «Жигули»? Разумеется, ему хотелось побыстрее это узнать, однако выработанное многолетним опытом чувство осторожности подсказывало, что именно сейчас торопиться не следует.

Он не спеша приблизился к автостоянке и, проходя мимо открытой двери кафе, мельком заглянул внутрь. Так, кто-то ужинает, кто-то смотрит телевизор, кто-то подает. Милицейских фуражек не видно — ну и чудненько.

Он спокойно открыл дверцу, кинул на заднее сиденье чемоданчик и сел в машину. Заведя мотор и попутно включив магнитолу — не пропустить бы последние новости! — Константин плавно выехал со стоянки и покатил по шоссе. На душе его было спокойно и пусто.

— А, черт! Ну куда тебя несет? — выругался он вслух, когда его лихо обогнала белая «тойота». Издевательски просигналив и вильнув вздернутым задом, иномарка помчалась дальше — туда, где слева от шоссе виднелись огни какого-то поселка.

Что произошло минут через пять после обгона, он так и не увидел — впрочем, догадаться было несложно. Фары его «Жигулей» осветили автобусную остановку, отчаянно визжащую девицу не старше семнадцати лет, чье-то неподвижное тело, валяющееся на обочине. Впереди были видны габаритные огни одной-единственной машины — это быстро удирала все та же «тойота».

На подобные ситуации надо было реагировать моментально — но почему он резко свернул к остановке и затормозил, Константин и сам потом не мог себе объяснить. Не стоило, ну никак не стоило останавливаться, особенно имея в машине снайперскую винтовку! Но, видимо, злость на жлоба в иномарке невольно проявилась в виде сочувствия к его жертве...

Кедрин, даже не закрыв дверцу, поспешно выскочил из машины и бросился к лежащему человеку. Чем он мог испугать единственную свидетельницу произошедшего, Константин так и не понял. Но девица — короткая юбка, босоножки на высоких каблуках, красная кофта — вдруг смолкла и, не сводя с него полубезумных глаз, начала пятиться.

— Эй, ты куда? Подожди...

Она замотала головой, забормотала что-то невнятное, а затем повернулась и побежала на другую сторону шоссе, как-то нелепо и некрасиво взбрыкивая длинными ногами.

— Стой, дура! Куда? — яростно заорал Константин и дернулся было догнать ее, но тут же спохватился — только этого еще не хватало!

Осмотр лежащего на обочине русоволосого парнишки не занял у Кедрина много времени. Несмотря на мертвенную неподвижность и залитую кровью голову,

парень был еще жив, и это обстоятельство — будь оно проклято! — создавало новую проблему.

Взести его в больницу, «светиться» там в качестве свидетеля, идти на риск долгой и подробной беседы с ментами — до чего все это некстати! А если его самого заподозрят в совершении наезда и вздумают осмотреть машину?

Константин чертыхался, проклинал себя за то, что остановился, но при этом уже взваливал на плечи парня и тащил его к своей машине.

Кое-как свалив его на заднее сиденье — чемоданчик с винтовкой пришлось бросить под ноги, — Кедрин поспешно сел за руль, захлопнул дверцу и тут же вздрогнул от неожиданного стога:

— Ммм... Катя, где Катя?

Он оглянулся назад — парень с трудом приподнял голову и теперь поводил заливыми кровью глазами.

— Да сбежала твоя Катя, — с досадой и злобой ответил Кедрин, резко трогая с места. — Бросила тебя на дороге и сбежала! Эй, ты меня слышишь?

Он вновь оглянулся назад, но парень уже отключился, и теперь его голова бесильно болталась на изголовнике.

Когда Константин подъехал к приемному отделению химкинской больницы, была уже глубокая ночь. Остановившись напротив освещенного входа, он несколько раз посигналил, а затем вылез из машины и пошел к дверям. Навстречу ему уже спешила медсестра — стройная женщина лет сорока.

— Что у вас случилось?

— Давайте скорее носилки и санитаров. И, врача, главное — врача, может потребоваться срочная операция! — отрывисто и как-то по-военному скомандовал Константин.

— Да что случилось-то?

— Тяжелая травма головы, шок, многочисленные ушибы и, возможно, переломы.

— У вас? — изумилась женщина, пристально всматриваясь в его лицо.

— У парня, который лежит в моей машине! Давайте же, наконец, действовать! Где санитары с носилками?

— Каталка здесь, за дверью, а санитаров нет — был один, да и тот нажрался и где-то спит.

— Везите каталку и зовите врача!

Однако женщина прежде всего дошла до машины, заглянула в окно и, лишь увидев окровавленное лицо парня, охнула и поспешно побежала обратно. Через пару минут откуда-то из глубины здания действительно загромычала каталка. На этот раз вместе с медсестрой вышел дежурный врач — худой, молодой, бледный, в больших роговых очках и, что несколько удивило Константина, задумчивый.

— Что с ним? — коротко спросил он, когда они вдвоем вытаскивали парня из машины.

— Наезд, — коротко буркнул Кедрин.

— Давно?

— Минут тридцать назад.

— Надеюсь, не вы...

— Не я. Белая «тойота», номер С 59-50 МТ. Я шел сзади и подобрал его возле останков. Если не верите, можете взглянуть на мою машину.

— Я верю, — коротко ответил врач и склонился над парнем.

Минута ушла на прощупывание пульса и осмотр глазных яблок из-под поднятых век. Заключение, которого с нетерпением ждали медсестра и Константин, было неутешительным.

— Да, плохи его дела! Но ничего, мы еще поборемся. Марина Васильевна, бегите в операционную и быстро готовьте стол. Да, и еще скажите кому-нибудь, чтобы позволили и вызвали Гуревича — он будет мне ассистировать. А парня мы сами довезем.

То, что Кедрин поначалу принял за задумчивость, оказалось невозмутимой решительностью — и это ему понравилось больше всего. Несмотря на молодость, врач производил впечатление настоящего профессионала. Именно поэтому Константин охотно продолжал ему помогать.

Когда они ввели каталку в операционную, там уже ожидали две медсестры. Вчетвером они осторожно переложили парня на операционный стол. Константин вымыл окровавленные руки и даже помог поставить капельницу.

После этого он почувствовал, что его миссия закончена, и пора уходить.

— Я уберу каталку, — негромко проговорил он.

Врач, склонившийся над пострадавшим, не отозвался, зато одна из медсестер кивнула. Константин проворно вывез каталку в коридор, поставил ее у стены и быстро пошел к выходу.

Но не успел он приблизиться к двери, как на улице раздался шум подъезжающей машины, хлопанье дверей и громкие, требовательные сигналы клаксона.

Кедрин насторожился — и не зря. Навстречу ему шел возбужденный громила.

— Эй, мужик, где тут лепилы? — грубо окликнул он Константина.

Тот молча пожал плечами.

— Ты че, не понимаешь, что ли? Врачи где? А, вот и она! — Громила заметил каталку и тут же схватил ее своей могучей лапой. — Стой! — Другую лапу он положил на плечо Кедрина. — Вывези ее во двор, а я пока лепил пойду искать — нам шефа спасать надо!

Константин стиснул зубы, но сдержался. Подхватив каталку, он покатил ее к выходу, в то время как бандит пошел по коридору, громко матерясь и вызывая врача.

Во дворе больницы стоял «БМВ», возле которого суетились еще двое бандитов.

— Давай, мужик, давай скорее! — зорал один из них, едва увидев Кедрина.

Тот уже хотел молча подтолкнуть каталку в их сторону, как вдруг какое-то странное, показавшееся в первую секунду невероятным, подозрение заставило его изменить свое решение. С проворством профессионального санитаря Константин быстро подкатил каталку к задней дверце «БМВ» и дружелюбно предложил:

— Укладывайте, ребята, а я ее подержу.

Бандиты полезли на заднее сиденье, откуда раздавался глухой, тяжелый, надрывный стон. Они вытаскивали стонавшего вперед головой, поэтому Кедрин с первого же взгляда узнал Рустама. Проклятье, ну до чего же живуч, сволочь! И, как назло, у него с собой нет пистолета!

Уложив шефа на каталку, один из бандитов грубо отстранил Кедрина, взялся за ручки и бегом покатил ее в приемное отделение. Второй последовал за ним. Константин остался во дворе один. Столь неожиданная ситуация требовала немедленно-го решения — но какого?

Пока Кедрин раздумывал, из приемного покоя послышались женские крики. Так и не решив, что делать, Константин быстро направился обратно в больницу и застал там поразительную сцену. Два бандита уже вытаскивали из операционной каталку, на которой лежал доставленный им парень. Медсестры кричали и цеплялись за каталку, пытаясь им помешать, а растерянный врач срывающимся голосом что-то втолковывал третьему из бандитов.

— ...Он же сейчас умрет! — услышал Константин, подходя ближе.

— Плевать! Займись шефом, иначе умрешь и ты, и твои бабы! Ну, живо! Хватит орать, дуры! Если шеф умрет, всех прикончим!

В результате последней угрозы женщины замолчали. Врача буквально затолкали обратно в операционную. Испуганные медсестры безропотно последовали за ним, а каталка, которую небрежно оттолкнул один из бандитов, медленно покатила в сторону Кедрина. Когда она остановилась, он заглянул в лицо парня — судя по синеве, судорогам и хрипам, тот уже агонизировал.

— Ну, а тебе чего? — поинтересовался первый громила. Двое других ухмыльнулись. — Это твой родственник?

— Нет, — с трудом разжав стиснутые зубы, ответил Константин. — Подобрал на дороге.

— Ну так вали отсюда!

Кедрин кивнул, повернулся и медленно, ощущая спиной взгляды бандитов, пошел к выходу.

У самой двери приемного покоя находился небольшой, полутемный закуток, откуда начинались ступени, ведущие вниз, в подвал. Здание больницы типовое, поэтому Кедрин почти наверняка знал, что находится за подвальной дверью. Долгожданное решение было найдено — он мгновенно нырнул в этот закуток и легко проник в слабо освещенный подвал. Найти распределительный щиток было несложно — тот висел на стене слева от входа. Сама панель была заперта, но замок оказался столь слабым, что поддался на одно только яростное усилие. В течение нескольких секунд Кедрин осматривал ряд рубильников, а затем начал решительно выключать их один за другим. Он остановился лишь тогда, когда погасла даже подвальная лампочка.

Сверху послышались вопли, а затем и топот ног. Бесшумно двигаясь в полной темноте, Кедрин успел укрыться за металлической дверью, когда на лестнице, ведущей в подвал, раздалось чье-то неуверенное, но злобное матюганье.

Холодная злость придавала всем движениям киллера невероятную четкость и уверенность. Стоило спустившемуся в подвал бандиту повернуться к нему спиной — Константин это даже не столько увидел, сколько почувствовал, — как он стремительно провел два удара. Если первый из них угодил куда-то посередине спины и вызвал изумленное «ох!», то второй пришелся точно в основание шеи. Шуршание кожаной куртки, стук головы о каменный пол, а Кедрин уже поспешно склоняется над упавшим и, разжимая пальцы правой руки, достает пистолет.

— Колян, ты где? Колян, ты чего? — Второй бандит стоял наверху, но не отважился спускаться за корешем в полную темноту.

Константин выстрелил снизу только один раз и тут же, двумя гигантскими прыжками, преодолел лестницу и оказался в коридоре. Здесь царил полнейшая темнота. В отдаленных концах здания раздавались чьи-то крики. Второй из бандитов то ли затаился где-то в темноте, то ли был убит, но у дверей операционной оставался еще и третий!

В который уже раз за сегодняшний вечер решение нужно было принимать мгновенно, на уровне подсознания и интуиции. Нет, несмотря на все желание немедленно покончить с Рустамом, всадив ему контрольную пулю в голову, риск был слишком велик!

Не прошло и пяти минут, как Кедрин, принявший решение отступить, дважды убедился в правоте своей интуиции. Первый раз это произошло тогда, когда он выскочил на улицу, а откуда-то из темноты коридора вслед ему прозвучали два выстрела. Второй раз — когда он уже выезжал с территории больницы и, сворачивая в ближайший переулок, увидел быстро приближающийся милицейский «газик», яростно сверкавший всеми своими мигалками.

Впрочем, невезению с Рустамом, как, кстати, и самому Рустаму, все же пришел конец! С каким же облегчением Кедрин выслушал утренний выпуск новостей:

«Сегодня ночью в больнице города Химки от ран, полученных в результате автомобильной аварии, скончался азербайджанский вор в законе по кличке Рустам. Как сообщили в милиции, этой ночью Рустам прилетел из Италии. В сопровождении своих охранников он ехал в Москву, когда...»

О несчастном молодом парне, сбитом в ту же ночь «тойотой», не было сказано ни единого слова.

Глава 11. Порочная мать и невинная дочь

— Ишь ты, какой загорелый котик, — усмехнулась Любовь Сергеевна, с удовольствием разглядывая веселого Славика, который устраивался в кресле напротив нее. — Сразу видно, насколько хорошо ты провел время. Ну, давай, хвастайся, я же вижу, как тебя распирает.

Но Славик не торопился. Прикурив сигарету и сделав первую затяжку, он торжественно улыбнулся.

— Да, мать, то, что я тебе привез на этот раз, потянет на такой скандал, что вся наша политическая верхушка на уши встанет!

— Неужели? И что же такого невероятного учудил наш славный банкир в Италии?

— Банкир? — искренне изумился папарацци. — Какой... Ах, да, ты про Володина. Честно сказать, я про него и забыл!

— Как — забыл? А для чего я тебя посылала?

— Понимаешь, Любаша, банкир — это такая мелочь по сравнению с той дичью, которая совершенно случайно попала на мушку моего объектива...

— Да погоди ты со своей дичью, — с веселой досадой прищелкнула пальцами редакторша. — Ты что — так и не сделал снимков Володина и его любовницы?

— Сделал, конечно же, сделал, — отмахнулся папарацци. — Но когда я тебе покажу кое-какие другие снимки, ты тоже забудешь про банкира!

— Ну, так показывай, не тяни!

— Я не тяну, а проникаюсь торжественностью момента и хочу, чтобы ты сделала то же самое, — пробормотал Славик, доставая конверт. — Не каждый день бедному папарацци удается заснять то, что ты сейчас увидишь... Возможно, это является вершиной моей карьеры... Смотри!

Любовь Сергеевна выхватила из его рук несколько крупных цветных фотографий и тут же впилась в них цепким взором. Славик курил, блаженствовал и искоса поглядывал на нее. Однако прошла минута, вторая, а ожидаемого эффекта «разорвавшейся бомбы» так и не последовало. Более того, Любаша, которая в начале их разговора была весела и оживлена не менее его, вдруг начала мрачнеть и суроветь прямо на глазах.

— Ты не знаешь эту пару? — поспешно спросил Славик, изрядно озадаченный тем, как изменилось выражение лица его собеседницы.

— Ну и кто это? — замороженным тоном поинтересовалась женщина, глядя куда-то в сторону и морща лоб.

— Кавказец — это Рустам, азербайджанский вор в законе, который снимает роскошный офис в центре Москвы, и за которым тянется вот та-а-а-кой шлейф всяких уголовных дел. Об этом я узнал через своих знакомых журналист, у них на него целое досье. А женщину ты могла видеть в автобиографической книге Чумакова, которая стоит на полке за твоей спиной. Это его любимая теща — Лидия Александровна Стрихнина. Как видишь, на одном из снимков Рустам покупает ей старинную лампу венецианского стекла стоимостью в пять тысяч евро. Ну как, впечатляет?

— Ты уверен, что это она?

— Абсолютно уверен, — твердо заявил Славик, спокойно выдерживая прямой и тяжелый взор редакторши. — А в чем дело, что ты на меня так смотришь? Если есть какие-то сомнения, то можем провести экспертизу...

— Никакой экспертизы мы проводить не будем.

— Ну и правильно, чего время терять.

— А ты знаешь, что три дня назад Рустам погиб в автомобильной катастрофе, хотя милиция предполагает, что это было заказное убийство?

— Нет, я этого не знал... Я же вернулся только вчера. Впрочем, какое все это имеет значение? Эти снимки — компромат не на Рустама, а на господина Чумакова, которого нам пророчат чуть ли не в премьер-министры! Да какого черта я тебе рассказываю, словно ты сама этого не понимаешь! — в конце концов разозлился папарацци.

— Я не буду этого печатать, — вдруг твердо заявила Новоженова, однако не стала возвращать ему фотографии, а аккуратно положила их перед собой на стол.

— Не понял?

— Что же тут непонятного?

— Абсолютно все непонятно! Я приношу тебе сенсацию, случайно попавшую мне в руки... Более того, не просто сенсацию, а снимки, которые могут повлиять на политическую судьбу человека, способного стать главой правительства.

— Ну, это ты хватил... Кого в России сейчас удивить компроматом!

— Дело не в этом. Пусть он даже сумеет выпутаться, но ты ведешь себя как-то странно. Ты же — главный редактор скандального таблоида и отказываешься от снимков, которые обязательно вызовут скандал, да еще какой!

— А ты не подумал о том, что я вовсе не хочу этого скандала?

Славик с иронией покачал головой.

— Скандалисты не хотят скандалов! Ну, в таком случае, пьяницы начнут отказываться от выпивки, а сексуальные маньяки пойдут в монахи-отшельники. Да что все это значит? Мир перевернулся, или ты решила сменить ориентацию и издавать журнал для домохозяйек?

— Я бы не хотела вдаваться в подробности своего отказа, — сухо заметила Любовь Сергеевна.

— Ну, тогда я пойду в другое издание, — так же сухо заявил Славик. — Верни мне снимки, пожалуйста...

— Нет, ты этого не сделаешь!

— Что?!

— Я убедительно прошу тебя этого не делать.

Славик прикурил новую сигарету и ошалело покачал головой.

— Вот теперь я вообще ничего не понимаю! Какое тебе дело до этого Чумакова? Он что — твой новый любовник? Или он настолько нравится тебе как мужчина, что ты совершенно потеряла голову?

— Да, он мне действительно нравится и как мужчина, и как политик, — спокойно заявила Новоженова, — и я бы не хотела портить его карьеру.

— И это единственная причина твоего отказа?

— Не единственная, но главная. Я вообще не верю в наличие кристально чистых людей. Человек по своей природе зол, порочен, завистлив, поэтому, когда встает какой-то выбор, то, в сущности, этот выбор всегда одинаков — приходится выбирать между отъявленным негодяем и не очень отъявленным.

— Ничего себе философия! — усмехнулся папарацци. — Интересно, ты и жениха для дочери будешь выбирать по тому же принципу?

— Моя дочь здесь ни при чем! — сурово отчеканила Любовь Сергеевна.

— Да ладно, это я к слову.

— Значит, ты со мной согласен?

— В чем? В том, что не надо мешать Чумакову делать политическую карьеру?

— Ну, хотя бы в этом.

— Не знаю, — покачал головой папарацци. — Это сложный, можно даже сказать, философский вопрос...

— А за эти снимки я заплачу тебе по высшему разряду, если в придачу к ним ты передашь мне негативы.

Это замечание заставило Славика мгновенно насторожиться. Он уже готов был поверить Любаше в том, что она не хочет мешать карьере нравящегося ей политика, но последняя фраза прозвучала как самый откровенный подкуп. Нет, что-то здесь не то! А, может, она сама хочет шантажировать Чумакова?

— Над чем задумался?

— Над твоим предложением.

— Это не просто предложение. Если вздумаешь напечатать их где-нибудь еще, то, во-первых, нашему дальнейшему сотрудничеству придет конец...

— А во-вторых?

— Тебе придется очень и очень пожалеть, если вообще хоть что-нибудь придется...

— Ну, мать, ты уже до угроз опускаешься! — громко возмутился неприятно пораженный Славик. — Нет, в таком тоне я с тобой разговаривать не буду. В принципе, я мог бы отказаться от публикации снимков, но для этого мне нужно знать — почему ты боишься их печатать?

— Все, что тебе нужно было знать, я уже сказала.

— Боюсь, не все.

— Это уже пустой разговор.

— Согласен, а потому ужохо думать. — И Славик действительно поднялся с кресла.

— И долго будет продолжаться этот непривычный для тебя процесс?

— Не знаю, но как только он закончится, я тебе тут же перезвоню.

Славик уже открывал дверь кабинета, когда услышал голос Новоженовой:

— Кстати, а где фотографии банкира?

— Ах, да! — Он хлопнул себя по лбу, вернулся к столу редакторши и кинул на него еще один конверт.

— Можешь зайти в кассу и получить деньги, — даже не раскрыв конверта, заявила Любовь Сергеевна.

— И на том спасибо!

Славик покинул здание редакции, сосредоточенно размышляя о разговоре с Любашей. Что же все-таки означает ее отказ от скандала? Он достаточно хорошо знает эту женщину, чтобы не очень-то ей доверять. Из всего этого следовал вывод — сначала надо узнать, что же так расстроило Новожену, и, уже в зависимости от этого, решать главный вопрос — как быть с фотографиями?

Ну, а от кого лучше всего узнавать о проблемах матери, как не от ее сексуально озабоченной дочери? Усмехнувшись, Славик зашел в телефонную будку и набрал номер домашнего телефона Новоженовой. Если Евгении не было на работе, — а он ее там не видел, — значит, есть шанс, что она сидит дома.

— Привет, детка, это я.

— Славик? Ой, как я рада тебя слышать! Ты откуда — из Италии?

— С Тверской. А ты что дома сидишь — болеешь?

— Да нет, что ты... просто так, надоело работать. А ты чего — хочешь встретиться?

— И немедленно!

— А где?

— Бери тачку и подтягивайся ко мне. Сможешь?

— Конечно. Я сейчас же собираюсь и еду.

— Ну вот и отлично. Пока.

Как все-таки приятно иметь дело с послушными и простодушными девочками! То ли дело их стержовные и загадочные матери!

После бурной встречи и нежных объятий Славик, наконец, решился задать красневшей девушке вопрос, давно вертевшийся у него на языке.

— Кстати, а что происходит с твоей матушкой?

— В каком смысле?

— Виделся я с ней сегодня в редакции, так чуть не поссорились. Сердитая какая-то и вся из себя озабоченная...

— А-а, — протянула Евгения и засмеялась. — Ну, еще бы ей не быть озабоченной — замуж меня хочет выдать.

— А чего торопиться — тебе же еще не только восемнадцати, но и семнадцати нет?

— Так у меня такой крутой жених, что с ним хоть в четырнадцать распишут!

— Это кто ж такой, хвастливая лягушка?

— А за лягушку щас получишь. — Евгения поймала его руку и вцепилась в нее зубами.

— Ай, хватит кусаться! — Славик попытался выдернуть руку. — Лучше про жениха расскажи.

— Да ну его, он такой дурак... Это мой бывший одноклассник. Ботан в натуре, мы его еще Чумой звали.

— А почему Чумой?

— Фамилия у него — Чумаков, его папа — какая-то шишка в политике... Эй, ты чего?

Теперь все стало на свои места, и странное поведение Любаши полностью прояснилось. Так вот, значит, мадам, почему вы так беспокоитесь за судьбу этого господина — хотите породниться с ним домами и стать тещей его сыну? Похвального желание, но при чем тут он, Славик? И должен ли он считаться с желаниями своей честолюбивой редакторши, тем более, что эти желания, судя по всему, отнюдь не совпадают с желаниями ее дочери.

— А сама-то ты хочешь за него замуж? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Да вот еще, на фиг он мне сдался! Я за тебя хочу! — Девушка придвинулась к нему с плутоватым блеском в глазах.

— А он тебя любит?

— А то нет! — удивилась Евгения. — На выпускном вечере даже подрался из-за меня, охранники разнимали. Представляешь, пригласил меня на танец парень из параллельного класса, а тут Игорь подходит к нему и говорит...

Она продолжала вдохновенно рассказывать, но папарацци уже отвлекся. Ай да Любаша, ай да стерва! Но ему-то что теперь делать? Проклятые фотографии буквально жгут руки, а дело все более запутывается...

Глава 12. Бульварный разговор

Константин сидел на Тверском бульваре неподалеку от детской площадки с бронзовым павлином и внимательно читал большую, на весь разворот, статью. Это была распечатка телефонного разговора между видным политическим деятелем Чумако-

вым и банкиром Володиным. Разговор был подслушан и записан неизвестно кем — редакция не объясняла, откуда к ней попала эта пленка, зато давала комментарий к наиболее примечательным местам.

Кедрин заинтересовался статьей в первую очередь потому, что ему случайно попало на глаза имя Рустама. Именно с этого места он начал читать и постепенно ушелся. Первым об азербайджанце заговорил банкир.

«В. : ... Теперь Рустам в курсе и со всем согласен.

Ч. : Честно говоря, мне бы не хотелось иметь каких-либо отношений с подобным типом.

В. : Вам и не придется иметь с ним никаких отношений... я имею в виду, личных контактов. Он, кстати, человек достаточно разумный, солидный, и все прекрасно понимает.

Ч. : Но вы можете гарантировать, что мое имя никогда и ни при каких обстоятельствах не будут упоминать в связи с ним?

В. : Разумеется, за это можете не беспокоиться. Кстати сказать, сам Рустам относится к вам с большим уважением...

Ч. : Плевать мне на его уважение.

В. : Ну, это как вам угодно. Но все прежние договоренности остаются в силе?

Ч. : Само собой. Кто же меняет правила после того, как игра уже началась? Однако меня все же беспокоит кампания в тех СМИ, которые контролируют мои конкуренты. Если вся грязь, которой меня там поливают, дойдет до Президента или премьер-министра, моей карьере придет конец...»

— Ну и как вы относитесь к этому разговору? — раздался чей-то дребезжащий голос.

Константин оторвался от газеты и удивленно оглянулся на человека с тонкой папкой в руках, который присел на скамейку рядом с ним.

Леониду Ивановичу Прижогину, старшему оперуполномоченному московского уголовного розыска, недавно исполнилось сорок три года. На день рождения жена подарила ему красивый итальянский галстук, заявив при этом: «Довольно тебе носить старые советские селедки!» Леонид Иванович слегка поворчал — галстук был очень дорогой, но подарком остался доволен. Однако, несмотря на модный галстук, он по-прежнему походил не столько на сыщика, за плечами у которого было несколько интересных и весьма необычных дел, сколько на рядового бухгалтера.

В данный момент у Прижогина в любимой старенькой папке лежали целых три дела — недавнее убийство крупного федерального чиновника Акакия Михайловича Башмакова, застреленного на собственном приусадебном участке в поселке «Сokol», странное убийство двадцатипятилетнего рецидивиста по кличке Цветастый, который, согласно показаниям очевидцев, был застрелен в тот момент, когда сам пытался убить азербайджанского «авторитета» Рустама, и, наконец, убийство самого Рустама, чья машина, возвращавшаяся из Шереметьева, была обстреляна из придорожных кустов. Неизвестный снайпер пробил правое колесо, машина упала с моста, но сам «авторитет» остался жив. Однако в ближайшей подмосковной больнице, куда охранники, ехавшие во второй машине, доставили Рустама, разыгрались какие-то малопонятные события, в результате которых азербайджанец умер на операционном столе.

Все три случая объединяла феноменально меткая стрельба, которая, по заключению экспертов, велась из одной и той же снайперской винтовки. Теперь оставалось найти этого стрелка, которого Прижогин называл про себя двумя прозвищами — «Меткий Глаз» и «Верная Рука», и который столь успешно отстреливал коррумпированных чиновников и уголовных авторитетов, попутно устраняя и киллеров-конкурентов.

К сожалению, никаких зацепок, кроме марки оружия и уверенности в том, что действует профессионал высокого класса, возможно, бывший спецназовец, у следователя практически не было. На Тверском бульваре Прижогин оказался случайно — он осматривал квартиру-офис покойного Рустама и опрашивал жителей близлежащих домов. Если за «авторитетом» так долго и упорно охотились, то кто-то должен был околачивать здесь. Однако следователю не везло — никто не мог вспомнить ни одной подозрительной личности, в которой можно было бы предположить киллера. Дело осложнялось и тем, что, как выяснилось один из соседей Рустама, «с неподозрительными личностями он и не водился».

Перед возвращением на Петровку Прижогин заехал перекусить в «Макдональдс», а затем решил немного отдохнуть на бульваре, выкурив сигаретку в тени деревьев.

Случайно в руках у молодого человека, сидевшего на той же скамейке, следователь заметил газету со статьей, о которой уже много слышал, но которую еще не успел прочитать. А сделать это было необходимо, поскольку там шла речь и о Рустаме. Газета была вчерашней, купить ее уже нереально, поэтому оставалось надеяться лишь на любезность соседа.

— Ну, и как вы относитесь к этому разговору? — вежливо поинтересовался Прижогин, когда молодой человек закончил читать.

Константин оглянулся на собеседника — бледное, маловыразительное лицо, светло-голубые глаза, кустистые брови. Типичный совковый служащий, интересующийся лишь политикой и футболом, да еще, возможно, коллекционированием марок. Только этого любителя поболтать ему сейчас и не хватало!

— Сажать их всех надо, — чуть улыбнувшись в ответ, заметил Кедрин.

— Так-таки и сажать? — удивился Прижогин. — Вы позволите взглянуть?

Кедрин кивнул и передал ему газету.

— Можете взять себе, я уже прочитал, — добавил он и мельком взглянул на часы. Посредник, который должен был передать ему деньги за выполненный заказ — Рустама, мог подойти в любую минуту.

Если этот хмырь вздумает читать его газету прямо здесь, то, дождавшись посредника, Кедрину придется искать другую скамейку. Получать семьдесят тысяч долларов, пусть даже аккуратно упакованных в неприметный пакет, надо с глазу на глаз, а не перед носом у случайного свидетеля.

— Я вам не мешаю? — словно уловив его настроение, Прижогин поднял голову.

— Нет.

— Н-да, насколько я успел пробежать, любопытная статейка. Но слишком многое здесь остается неясным... Впрочем, так обычно и бывает при прослушивании конфиденциальных разговоров. Собеседники говорят о чем-то своем и вовсе не собираются пояснять «слушачу» тему разговора.

Это замечание заинтересовало Кедрину. «Здорово рассуждает! То ли я ошибся в его профессии, то ли в интеллекте».

— И что же вам показалось неясным? — спросил он.

— Ну, хотя бы, в курсе чего этот чертов Рустам, и с чем он там согласен? А ведь это едва ли не самое важное — какие могут быть дела у преступного авторитета с видным политиком, которого мы чуть ли не каждый день видим по телевизору?

— Да, это любопытно... — вежливо согласился Кедрин и снова взглянул на часы. Посредник то ли запаздывал, то ли затаился где-то неподалеку и не решается подойти. В любом случае, дурацкий бульварный разговор пора заканчивать.

— Сажать их всех надо! — решительно добавил он.

— Я не был бы столь категоричным. Любое обвинение подлежит тщательному расследованию. В конце концов, даже запись этого разговора может оказаться

фальшивкой. Однако извините, что отнял у вас время. — Прижогин поднялся со скамьи. — Так я возьму вашу газету?

— Разумеется.

— Спасибо и до свидания.

— Счастливо.

Кедрин проводил его взглядом и, к своему немалому облегчению, увидел, что навстречу уходившему собеседнику движется долгожданный посредник. Это был человек, средний во всех отношениях — не высокий и не низкий, не молодой и не старый, и даже одетый средне — не хорошо и не плохо. Лицо, впрочем, довольно симпатичное и могло бы располагать к себе, если бы не какая-то странная настороженная жесткость, таившаяся в глубине глаз.

Константину он крайне не нравился, но выбирать не приходилось. Тем временем посредник быстрыми шагами приблизился и сел рядом с ним на скамейку.

— Извините, опоздал. Попал в пробку на Садовом.

— Все в порядке? — сухо поинтересовался киллер.

— Да, конечно.

— Давайте.

Кедрин поставил на скамейку между ними черную кожаную сумку, и посредник, расстегнув дипломат, переложил в нее тугой квадратный сверток.

— Здесь семьдесят?

— Разумеется.

— Прекрасно. А как насчет новых дел?

— Пока ничего... Отдыхайте.

— Я пошел.

— Минуту. Меня просили передать вам одну важную информацию.

— Говорите.

— Вас разыскивают люди Рустама. Они настроены весьма решительно и поклялись отомстить. Лучше всего, если вы уедете из города. Например, недельки на две, на какой-нибудь зарубежный курорт...

— Возможно, я так и сделаю. Теперь все?

— Все.

Кедрин первым поднялся со скамейки и, не оглядываясь, направился в сторону МХАТа. В принципе, он ожидал чего-то подобного — ведь охранники Рустама видели его в больнице.

Это был самый крупный прокол за всю его карьеру, и виной тому целая череда совпадений. Но ведь если бы он не привез в больницу сбитого «тойотой» паренька, то не встретил бы Рустама, и у того был бы шанс выжить!

Куда бы ему теперь уехать? Стоп, а есть ли смысл уезжать? Ведь завтра начинается празднование очередного дня города, и в Москве будет вавилонское столпотворение, затеряться в котором не составит никакого труда...

Глава 13. **Апология беспринципности**

— Нет, ну что за идиотизм! — раздраженно заявил Славик, когда приятели кое-как продрались сквозь толпу на Пушкинской площади и спустились по Тверской до гостиницы «Москва». — Центральная улица завалена грудями мусора, который радостно утаптывает толпа потных людей с бессмысленно-идиотскими улыбками на своих глупых рожах! Все дурдомы Москвы одновременно вышли на прогулку! А эти дикие и абсолютно совковые очереди к пиву и туалетам! Ну, если это и можно назвать

народным весельем, то лишь из окна собственного начальственного кабинета, например, рапортуя в этот момент по телефону: «Да, господин мэр, все в порядке, народ гуляет и веселится!»

Вчера вечером Кедрин позвонил Славику, и приятели договорились «прошвырнуться» по праздничной Москве. Встретившись в метро на станции «Тверская», они поднялись наверх и тут же оказались в плотной толпе, приплясывающей под бодрые звуки какой-то рок-группы.

С самого начала оказавшись стиснутым чьими-то бедрами и плечами, папарацци, который, по его собственному признанию, страдал клаустрофобией, впал в язвительное настроение и теперь непрерывно ругался. Успокоился он лишь тогда, когда приятели купили пиво и сели на скамейку в парке, неподалеку от памятника Героям Плевны.

— Хочешь, расскажу тебе о своей проблеме, которая меня мучает уже три дня? — неожиданно спросил Славик. — Может, что умное посоветуешь...

— Надеюсь, ты ждешь от меня совета не по моей специальности?

Папарацци так удивился, что даже наклонился, чтобы заглянуть в глаза Кедрина. Уловив там нескрываемую насмешку, он искренне обрадовался.

— Наконец-то ты начал оттаивать и даже пытаешься острить.

— Ну, с кем поведешься...

— Ладно, тогда слушай...

Сначала Славик вкратце поведал Кедрину о своих венецианских приключениях и сенсационных снимках. Затем во всех подробностях пересказал разговор с редакторшей, добавив к этому свое неожиданное открытие ее тайных гланов в отношении Евгении и «чумаковского сынка». Особо тщательно папарацци живописал собственные сомнения и колебания в отношении дальнейшей судьбы фотографий.

— Ну, вот, такие дела, — закончил Славик, бросая в урну опустошенную банку. — В принципе, я уже прозондировал почву и нашел издание, где схватятся за мои снимки обеими руками. Осталось решить главный вопрос — стоит ли это делать?

— Сначала скажи — чего ты добиваешься? Насколько я понял, вопрос с деньгами вторичен — редакторша обещала заплатить тебе за одни негативы.

— Да, здесь ты прав, — кивнул Славик. — Деньги в данной ситуации — не главное. Наверное, я бы смог выплывать из Любаши даже больше, чем из любого другого издания. Шантаж, знаешь ли, гораздо доходнее честной работы...

— Но тогда что?

— Так вот над этим я и бьюсь три дня! С одной стороны, хорошо было бы проявить принципиальность и затеять скандал. В конце концов, этот Чумаков быстро скрутится и станет вести себя как типичный российский номенклатурщик. То есть печатать эти снимки надо, хотя бы ради укрепления нашей шаткой демократии, которая, честно сказать, мне очень дорога, поскольку только при ней я могу заниматься чем хочу и получать за это приличные бабки. Да и ты, кстати, тоже. — Славик бросил ироничный взгляд на сосредоточенно слушавшего Константина. — Но, с другой стороны, именно ввиду шаткости этой самой демократии, я могу огрести кучу жутких неприятностей. Тот же Чумаков может подать на меня в суд, и пусть все эксперты будут на моей стороне и однозначно подтвердят, что на снимках Рустам и теща Чумакова, что решат наши неподкупные судьи, одному Богу известно. Да и Любаша, честно сказать, меня несколько встревожила, когда вздумала угрожать. У этой милой дамы такие могучие связи, что в один прекрасный день я могу незаметно исчезнуть, и, как поется в старинной песенке, «никто не узнает, где могилка моя». Короче, передо мной классическая дилемма — с одной стороны, говоря «высоким стилем», профессиональный и гражданский долг, а с другой — элементарная осторожность. Ну, вот, теперь я рассказал тебе все, что хотел, и жду твоего мнения. Что скажешь?

— Надо печатать.
— Вот так сразу? — изумился Славик.
— Да, вот так сразу, — усмехнулся Константин. — Понимаешь, есть вещи, которыми нельзя поступаться, если не хочешь потерять самоуважение...
— Ты имеешь в виду — принципы? — перебил Славик, с иронией взглянув на Кедрина.

— Да, можно сказать и так.
— Ну, и что же это за принципы, которыми, например, ты не можешь поступаться?
— Пожалуй, верность своему слову, обещанию, присяге. Я перестал бы себя уважать, если бы совершил какое-нибудь предательство.

— А еще?
— Еще? — Кедрин нахмурился. — Еще нельзя обижать и унижать детей, поскольку они не могут за себя постоять.

— А почему про стариков забыл?
— Есть такие старики, у которых целая рота охранников...
— Понятно. У тебя прекрасные принципы, — на этот раз безо всякой иронии кивнул Славик. — Ну, а еще?

— Да не знаю я, что еще, — отмахнулся Кедрин. — Я ведь начал говорить не об этом. Дело не в конкретике, а в том, что у любого человека обязательно должны быть хоть какие-то принципы, от которых он никогда не отступится, иначе это уже будет не человек, а животное.

— Короче, ты за принципиальность. — Славик на мгновение остановился, чтобы прикурить. — В таком случае, мы с тобой идейные антиподы, ибо я как раз против. По-моему, принципиальность — это тупейшая безвариантность, которая душит, губит и убивает жизнь, всегда наполненную самыми разнообразными вариантами. Более того, принципиальность делает своих носителей суровыми, засохшими и несчастными. Беспринципность же, напротив, весела, жизнерадостна и бьет ключом. Жизнь — это бесконечный, яростный, неостановимый поток, а принципы — попытка ввести этот поток в какие-то каменные берега, а то и повернуть его вспять. Естественно, что они постоянно друг другу противоречат!

— По твоим словам выходит, что лучше быть беспринципным и плыть по течению?

— А почему бы и нет? Более того, беспринципность наносит гораздо меньше вреда, чем принципиальность, — упорно заявил Славик. — И именно потому, что сама жизнь не знает никаких принципов. Да и что такое принципы? В сущности, это всего лишь доведенные до тупого абсолютизма элементарные законы выживания. Так что, нечего на них молиться.

— Мне трудно с тобой спорить... я не заканчивал университетов.

— Значит, я тебя убедил?

— Подожди, я сказал, что мне трудно спорить, но согласиться еще труднее. Хочешь, я просто расскажу тебе одну ситуацию, когда следование принципам спасло мне жизнь, но зато погубило предателя?

— Разумеется, это очень интересно.

— Дело было давно, еще в Чечне. Мы с напарником — он был из Рязанской области, угодил в плен к боевикам...

— Да? — оживился Славик. — Еще интереснее! Давай во всех подробностях — как вас взяли?

Кедрин поморщился, но продолжил.

— Взяли нас по-глупому, обезоружили, как последних салаг, без единого выстрела, схомутали и уволокли — но речь не об этом. Дело было зимой, перевалы закры-

ты, и трудно сказать, как они вообще надеялись перебраться в Грузию. На третий день всю группу обнаружил наш вертолет. Ну, чечены засуетились, поняли, что их начнут преследовать, и стали совещаться между собой — что делать с нами.

— И что же решили?

— Вовек не догадаешься. Подходит к нам их полевой командир и заявляет: они, дескать, не могут тащить с собой обоих, поэтому дальше возьмут только одного.

— Черт! — изумился Славик. — И почему они выбрали именно тебя?

— Они никого не выбирали, — хладнокровно улыбнулся Константин. — Они предоставили этот выбор нам.

— То есть как?

— Положили на большой камень автомат с одним патроном в патроннике и сказали: кто из вас первый добежит до него и прикончит напарника, того они и возьмут.

— Вот это да! — Папарацци был так потрясен, что изменился в лице. — Ну, и что — в этой ковбойской дуэли ты оказался проворнее?

— Нет, я в ней вообще не участвовал.

— Не понял?

— Если не понял, то слушай дальше. Поставили нас в трех метрах от «калаша» и дали отмаху. Я не двинулся с места, а мой напарник добежал и схватил автомат. Честно сказать, я уж думал, что все — конец. Но ему не дали выстрелить — какой-то чечен просто выбил автомат у него из рук. Потом все дружно загалдели, а тот же командир подходит ко мне и говорит: они, дескать, удивляются, почему ты не побежал? Я отвечаю, что я не падла, чтобы стрелять в своих, и не собираюсь развлекать их тем, как двое русских солдат будут кончать друг друга.

— Ну, ты герой! — не выдержал Славик, с восхищением глядя на Кедрина. — Подумать только — а ведь мы с тобой в одной школе учились! Ну, и что дальше?

— Они посоветовались между собой, а затем один из них подошел к моему напарнику и врзал ему прикладом по черепу. Тот скувырнулся — и в пропасть. А командир объяснил — они, дескать, уважают воинов, а не шакалов, готовых на любое предательство.

— А как же ты убежал из плена?

— Это долгая история, — отмахнулся Кедрин. — Я не убегал, меня обменяли... Как-нибудь потом расскажу. Ну, ты понял, к чему я тебе все это рассказывал?

— Еще бы не понять! Да, все это выглядит чертовски убедительно — ты остался верен своим принципам, и именно это спасло тебе жизнь. Я даже не знаю, что тут возразить, надо пивка хлебнуть для просветления. Ты еще будешь?

Кедрин отрицательно покачал головой.

— Пока воздержусь.

— А потом может и не быть — я все выпью, — честно предупредил Славик, откручивая новую банку. — Так как же насчет моих фотографий? Ты решительно советуешь печатать?

— Да. Во всяком случае, я бы поступил именно так.

— Ну, а я еще подумую. Учти, черт принципиальный, — и захмелевший папарацци вдруг дружески хлопнул Кедрина по плечу. — Ведь без единственного приятеля можешь остаться, дурачина...

Глава 14. **Скандал**

Один из самых видных российских политиков Александр Анатольевич Чумаков пребывал в глубоком раздумье. Он всегда считал себя порядочным человеком и очень гордился тем правилом, которое однажды выдал журналистам в качестве ответа на

вопрос: «Как должен действовать политик, чтобы всегда иметь чистую совесть?» Ответ Чумакова звучал так: «Он не должен врать и воровать».

Странное дело, но, продолжая оставаться в «рамках законности», он все сильнее запутывался в каких-то непонятных и неприятных ситуациях, которые порочили его имя и заметно снижали политический рейтинг. Чумаков по-прежнему следовал своему правилу — не брал взяток и не врал своим будущим избирателям, но неожиданно возникавшие сами по себе мелкие ситуации, заключавшиеся в каких-то незначительных с виду услугах и поблajках, постоянно опутывали его какой-то грязной и липкой паутиной самых непредсказуемых последствий.

И примером тому была история с проклятым Рустамом, от которого он когда-то согласился принять деньги на свою избирательную кампанию по рекомендации знакомого банкира Володина. А потом вдруг оказалось, что этот самый Рустам является преступным авторитетом и «отмывает» свои грязные деньги через «Сигма-банк»! Кто-то из журналистов раскопал факт знакомства Чумакова с Володиным и Рустамом и немедленно обвинил его в покровительстве мафии!

Последним по времени, но самым неприятным и идиотским было обвинение, которое лежало сейчас на его рабочем столе в виде вчерашнего номера «Известий».

Да, разумеется, на этих проклятых фотографиях была изображена его малопочтенная теща — Лидия Александровна Стрихнина — в обществе ныне покойного Рустама. Но при чем здесь он, Чумаков? Откуда же он знал, что эта старая дура где-то познакомится с азербайджанцем, да еще будет принимать от него дорогие подарки?

Забавно, но отношения «видного политического деятеля» со своей тещей ничем не отличались от отношений большинства российских мужчин с матерями своих жен, что находило отражение в великом множестве анекдотов.

Чумаков женился рано, еще будучи провинциальным аспирантом. И если он происходил из самой обычной семьи: отец — инженер оборонного завода, мать — врач, то мать его тогдашней невесты занимала одну из самых влиятельных должностей, которые только существовали в советской социалистической действительности — она была директором крупнейшего в их городе универмага.

Естественно, Лидия Александровна всячески пыталась отговорить свою дочь выходить замуж «за жалкого аспирантишку», считая подобный брак мезальянсом. Более того, когда дочь поступила вопреки ее требованиям, Стрихнина демонстративно отказалась помогать молодым. И будущая звезда политики, как и сотни тысяч других аспирантов, ютился с женой и ребенком в жалкой комнатухе и разгружал вагоны, питаясь одной картошкой и макаронами.

Сразу после рождения сына молодая семья попала в столь критическое положение, что Чумаков, стиснув зубы, вынужден был попросить тещу о небольшой ссуде. И что же он услышал в ответ? Сначала Лидия Александровна долго жаловалась ему на свои собственные расходы — «недавно купила по случаю два прекрасных итальянских костюма и одно французское платье», а потом предложила телефон одной своей старой знакомой, которая уже полгода должна была ей крупную сумму.

«Позвони ей и потребуй возврата, скажи, что это твои деньги, — наставляла она зятя. — Если у тебя все получится, то половину этих денег я тебе, так и быть, одолжу».

Ошарашенный Чумаков наотрез отказался выступить в роли рэкетира и с тех самых пор возненавидел свою тещу лютой ненавистью. Однако ради любимой жены приходилось терпеть все, даже переезд тещи вместе с ними в Москву. И вот дотерпелся — эта старая калаша подставила его самому гнусным образом, и все из-за своей совковой жадности! Вчера он устроил семейный скандал по этому поводу — и что же узнал?

Лидии Александровне, видите ли, позвонила какая-то старая приятельница, которая предложила вместе прокатиться в Италию, где она и познакомила ее со сво-

им солидным другом по имени Рустам... Тьфу! Черт бы подрал этих выживших из ума баб!

Чумаков кипятился и кричал на тещу до тех пор, пока его красавица жена, естественно, вставшая на сторону матери, не начала плакать и угрожать немедленным возвращением на «историческую родину». Жену свою Чумаков обожал даже после семнадцати лет брака, а потому ее слезы действовали на него безотказно.

Вчера же он позвонил и Володину, но тот клялся и божился, что для него самого это не менее неприятная новость. Правда, банкир не исключил того варианта, что коварный Рустам мог задумать какую-то свою игру и с этой целью начал обхаживать тещу Чумакова. Однако сам Володин якобы ничего об этом не знал, а фотографии стали для него такой же неожиданностью, как и для самого политика. Ну, конечно, когда Рустам уже мертв, на него теперь можно валить все!

Александр Анатольевич искренне хотел жить в ладах со своей совестью и ничего не бояться, но все эти проклятые истории, накапливаясь, как снежный ком, лишали его покоя и сна. А ведь он по-прежнему не брал взяток и, в сущности, не делал ничего противозаконного — и вот на тебе! Любой самый паршивый журналист готов видеть в нем чуть ли не главного коррупционера страны!

Чумаков нажал кнопку селектора и, услышав голос секретарши, велел соединить с Новоженовой.

— Любовь Сергеевна?

— Здравствуйте, Александр Анатольевич, — ласково отозвалась редакторша. — Очень рада вас слышать.

— Вы уже видели фотографии в «Известиях»?

— Да, к сожалению, видела.

— Почему же вы так и не смогли выкупить их у этого чертова папарацци?

— Я же вам говорила — он отказался. Не расстраивайтесь, он еще за это ответит!

— Каким образом?

— Сделаю статью в виде воспоминаний одной из его девиц. Пусть она расскажет, что он голубой или извращенец...

— И всего-то?

— А чего бы вы хотели? — с осторожной озадаченностью поинтересовалась Новоженова.

— Не знаю, мне сейчас не до этого проклятого прохвоста. Через два часа у меня пресс-конференция. Еду оправдываться за свою драгоценную тещу. Что-то не везет с родственниками по женской линии...

По тому, как напряженно замолчала его собеседница, Чумаков понял, что его намек попал в цель. Разумеется, он знал, что Новоженова спит и видит, как бы выдать свою дочь за его сына. Впрочем, Евгения ему самому нравилась, и, в принципе, он не имел ничего против...

— Кстати, — после долгой паузы заговорила Новоженова, — а вы еще не видели последний номер моего еженедельника?

— Нет. А что там такое?

— Тот же Садиков во время своей поездки в Венецию снял не только Лидию Александровну, но и встречу Рустама с Владимиром Константиновичем Володиным.

— Что? — мгновенно вскинулся вице-премьер. — Как? Где? Когда?

— Не знаю, когда, но, судя по заднему фону, все это происходило на той же площадке Сан-Марко.

— Ах ты, черт! — Чумаков мгновенно вспомнил вчерашние уверения банкира. Значит, и он в тот момент был в Венеции! Так кто же из них расставлял на него ловушки — Рустам или сам Володин? — Вот старая сволочь!

— Простите? — изумилась Новоженова.

— Извините, Любовь Сергеевна, это я, разумеется, не вам. Обязательно пришлите мне этот номер вашей газеты.

— Конечно, пришлю. Вам еще что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо. До свидания.

— Желаю успеха! — бодро простилась редакторша.

Через два часа, уверенный, подтянутый, и непрерывно улыбающийся, он предстал перед журналистами. И первый же, заданный ему вопрос, прозвучал именно о теще!

— Господин Чумаков, — дождавшись полного внимания зала, заговорил известный журналист Свинкин. — Что вы можете сказать по поводу фотографий, на которых ваша многоуважаемая теща Лидия Александровна Стрихнина изображена в обществе азербайджанского вора в законе Рустама? И еще, судя по этим снимкам, они находятся в венецианском антикварном магазине «Венини», и он покупает ей старинную лампу венецианского стекла. Нельзя ли узнать о стоимости этого произведения искусства и о его нынешнем местонахождении?

— Вы, я вижу, лучше меня осведомлены о покупках моей тещи, — улыбаясь, парировал Чумаков. — Ну, что ж, отвечаю по порядку. Да, действительно, моя теща вместе со своей старой приятельницей недавно побывала в Италии. Как она мне сама рассказывала, в Венеции они совершенно случайно познакомилась с неким азербайджанцем, который вздумал купить им обоим какие-то местные безделушки. Да-да, — заметив негодующий жест Свинкина, поторопился добавить Чумаков, — именно безделушки. Приходите в гости к моей теще — сам я, увы, пригласить вас к себе не могу, — и она покажет вам эту несчастную лампу, которую вы так высокопарно назвали произведением искусства. Уверяю вас, что это обычный венецианский ширпотреб, стоимостью не более пары сотен долларов. Примерно столько же стоят три прогулки на гондоле...

— Вот скотина! — не выдержал Славик, сидевший дома и наблюдавший за этой пресс-конференцией по телевизору. — Какие пару сотен! Да одна доставка этой лампы в Россию обошлась не менее двух тысяч! А еще клялся в свое время не врать и не воровать! Тьфу!

Он бы и дальше продолжал изливать свое торжествующее возмущение, но тут затрещал телефон. Пришлось нехотя оторваться от экрана и поднять трубку.

— Да?

— Это ты, Вячеслав?

— А, Любовь Сергеевна. Чем обязан?

— Смотришь пресс-конференцию Чумакова и радуешься?

— У вас ко мне какое-то дело?

— Дочь мне все рассказала, так что, теперь я знаю и об этой твоей подлости — имей в виду.

Удар был неожиданным, и на какое-то время Славик растерялся. Черт, что у них там произошло, и с какой стати Евгения вздумала откровенничать с матерью? Ну, и что ему теперь делать — оправдываться?

— Что ты молчишь?

— А вы что хотите — чтобы я начал оправдываться?

— Мерзавец! Ты опозорил и развратил мою дочь! Мало того, ты испортил ей будущее, да и мне тоже! Если думаешь, что тебе это все сойдет с рук, то...

От слов редакторши исходила такая неистовая радиация ненависти, что Славик отнял трубку от уха и направил ее в пол. Ну, началось... Не пора ли ему подумать о запасных вариантах? Любаша в такой ярости, что может пойти на что угодно. Выждав еще пару минут, Славик вновь приложил трубку к уху.

-
- ...Ты все хорошо понял?
- Да понял я, понял, только успокойся, — самым примирительным тоном сказал он и тут же вздрогнул от нового взвизга ненависти:
- Нет, это ты у меня скоро успокоишься — и навеки!

Глава 15. Охота на киллера

После некоторых раздумий Константин все же решил на какое-то время покинуть Россию. По совету Славика, влюбленного в Италию, он надумал отправиться именно туда, в страну «высокого искусства» и «романтических грез». Позвонив в солидную туристическую фирму, находившуюся в районе Таганской площади, Кедрин тут же получил приглашение приехать с заграничным паспортом и заключить договор.

Последние пару дней Константин провел вне дома — то есть не в старой московской квартире, в которой прошло его детство, и которая досталась ему в наследство от отца. Хотя, кроме предупреждения посредника, пока еще ничего не говорило о том, что ему могли «сесть на хвост», он сам, повинувшись какому-то профессиональному чутью, решил на время сменить обстановку. Последние полгода Кедрин оплачивал наем однокомнатной квартиры, находившейся в жилом доме по Смирновской улице. По отношению к его собственному дому, это был другой конец Москвы. Квартира располагалась на шестнадцатом этаже, откуда открывалась замечательная панорама города, была полностью обставлена и даже оборудована двойными стальными дверями. Более того, лестничную площадку отделяла от лифта еще одна стальная дверь, ключ от которой имелся только у жильцов шестнадцатого этажа. Из дома можно было выбраться двумя способами — кроме единственного подъезда, выходявшего на улицу, имелся и черный ход, шедший во двор. Как правило, он был заперт, но Константин без труда подобрал ключ, который всегда носил с собой.

Даже наличие местного отделения милиции, находившегося через дорогу, в ста метрах от дома, можно было рассматривать как определенное преимущество — устраивать здесь крупную разборку со стрельбой вряд ли решились бы даже самые «отмороженные».

Давненько он не пребывал в таком чудесном настроении, как в тот момент, когда выходил из квартиры, собираясь съездить за туристической путевкой. В конце концов, не все еще так плохо в этой гнусной жизни!

Недолгая эйфория едва не стоила ему жизни. А ведь он допустил только одну ошибку — захлопнул стальную дверь, ведущую на лестничную площадку, прежде, чем дождался, пока перед ним откроются двери лифта!

Звук захлопываемой двери тут же отозвался другим звуком — это задребезжала стеклянная дверь, которая вела на лестницу. Кедрину хватило ничтожных долей секунды, чтобы оценить ситуацию — из-за двери показался какой-то невзрачный парень в серой «ветровке», державший правую руку подмышкой.

Если бы Кедрин не поторопился захлопнуть дверь или хотя бы дождался лифта, у него бы еще были пути к отступлению, но теперь он оказался зажат на узком пятячке лестничной клетки. В такой ситуации единственным шансом было нападение — и Константин, мгновенно подобравшись, обрушился на соперника, успев нанести ему мощный удар в челюсть, когда тот доставал пистолет.

Несмотря на небольшой рост, противник Кедрина был пружинист, мускулист и здорово накачан. Константин понял это по тому, что его удар даже не свалил киллера с ног, а лишь отбросил к стене. Покушавшийся почти не уступал ему в реакции и

град новых ударов Кедрин принял в боксерской стойке, успев прикрыть голову руками, в одной из которых был зажат пистолет с навинченным на ствол глушителем.

Схватка была предельно жестокой, но при этом практически беззвучной. Кедрин захватил правую кисть соперника и попытался вывернуть ее, чтобы перехватить пистолет, но тут же получил удар головой в лицо. В последний момент он успел дернуть подбородком, и основной удар пришелся в левую щеку.

После этого Константину удалось провести четкую подножку, и оба свалились на пол, причем Кедрин находился сверху и по-прежнему яростно пытался вырвать пистолет.

Победу Кедрину принес умело проведенный душающий прием — он ухитрился отжать локтем подбородок соперника, который тот тщательно прижимал к груди, и, немного привстав, со всей силой навалиться на хрипящее, жилистое горло киллера. Дождавшись, пока тот перестанет елозить кроссовками по полу и закатит глаза, Кедрин наконец-то вытащил пистолет из его обессиленных пальцев, перехватил за дуло и с силой ударил рукояткой в переносицу. Потом перевел дух, вскочил на ноги и прислушался. Со стороны его соседей все было тихо — да это и понятно, ибо стальная дверь заглушала шум борьбы. Лифт катался где-то между нижними этажами. Какое счастье, что этот гад был только один!

Кедрин подхватил противника под мышки и кое-как выволок его на лестницу. Здесь он может пролежать долго — пока лифт не сломается. Оставив неподвижное тело на площадке между шестнадцатым и пятнадцатым этажами, он быстро побежал вниз. Обогнув угол дома, Кедрин оглядел машины, стоявшие на улице, сбоку от главного подъезда.

Так и есть — серый «опель» с тонированными стеклами! Какой-то «бык», сидевший на месте водителя и явно изнемогавший от жары, слегка приоткрыл дверцу, стряхивая пепел сигареты прямо на асфальт.

Константин повернул обратно, быстро миновал двор и, обогнув здание соседнего магазина, прибавил ходу. Через пять минут он уже сидел за рулем своих «Жигулей». Заведя мотор, вырулил со двора, быстро миновал Перовский проезд и оказался на улице Войтовича.

Поездка в туристическую фирму приобретала особый смысл — страну надо было покидать как можно быстрее. Кажется, скорее всего оформляют в Турцию? Ну что ж, тогда он поедет не в Италию, а в Анталию. Он еще не проехал до конца улицы Войтовича, как увидел сзади знакомый «опель».

Проклятье! Как же они так быстро сориентировались? Кедрин стиснул зубы и, резко вывернув руль влево, переехал на другую сторону улицы, прибавив газу. Водитель «опеля», на какое-то мгновение замешкавшись, тут же повторил его маневр. Он упорно не желал отставать, и тогда Кедрину пришлось изменить первоначальное решение. Ехать в сторону Таганки не имело смысла — судя по всему, ребята настроены серьезно и не постесняются начать стрельбу везде, где сочтут нужным. Придется отложить турфирму до другого раза и попробовать оторваться от своего чересчур опасного «хвоста» всеми возможными способами.

Короче, надо выходить на «оперативный простор» и брать курс на окраины города. Он вооружен, и им будет не так-то просто с ним «разобраться».

Приняв такое решение, Кедрин вихрем промчался по улице Талалихина и вскоре свернул на Волгоградский проспект. Ну вот, теперь начинается самое интересное, так что не подведи, старушка, не подведи... Последнюю попытку обзору мысленно обратил к «Жигулям», давая на газ и поминутно поглядывая в зеркало заднего обзора.

Вплоть до станции метро «Волгоградский проспект» «опель» вел себя достаточно скромно — держал дистанцию и даже не пытался обгонять его и отжимать его к

обочине. Но едва метро осталось позади, как преследователи решили перейти к активным действиям. Место для этого было самое подходящее — большой участок открытой с обеих сторон автомагистрали — и так почти до самых «Текстильщиков».

Первый выстрел Константин не услышал, а увидел — пуля насквозь пробила заднее и переднее стекла, улетев куда-то вперед. Ага, пришло время двигаться зигзагами, чтобы затруднить работу хмыря, который, судя по всему, стрелял в него, высунувшись в окно передней дверцы. Как, все-таки, жаль, что он работает без напарника, и некому передать руль!

Вторая пуля прошла так близко от его головы, что Константин чуть дернулся. Да, вот это уже называется «причесали». Пока они пытаются уложить его наповал, интересно, через какое время догадаются стрелять по колесам?

Черт, только бы успеть домчать до «Текстилей»! Прекратят ли они стрельбу возле метро — ведь место там очень оживленное и где-нибудь наверняка торчит патрульная милицейская тачка?

Резко свернув к обочине, Константин затормозил, распахнул дверцу и бросился в сторону метро. Добежав до коммерческих ларьков, изумленные покупатели которых испуганно расступились перед ним, он мельком оглянулся. От «опеля», притормозившего сразу за его тачкой, к нему бежали двое.

Ну что ж, ребята, покатались, теперь побегаем! С этого момента все зависит от двух вещей — вовремя подошедшего поезда и того, насколько эти «крутые» соображают в подобного рода погонях. Впрочем, нельзя было сбрасывать со счетов и нелепых, но способных стать роковыми обстоятельств, вроде какого-нибудь случайно подвернувшегося мента, скучающего на платформе в ожидании пьяных пассажиров.

Кедрин с силой толкнул сначала первую, а потом и вторую дверь, проник в вестибюль и пробежал мимо дежурной по станции, сунув ей в окошко пятидесятирублевую купюру.

Дежурная настолько опешила, что ее рука, потянувшаяся было к свистку, повисла в воздухе.

Он побежал по самому краю правого перрона, стремясь достичь противоположного выхода, чтобы, в случае чего, успеть выскочить наверх. Поезд нагнал его, когда он, обливаясь потом, притормозил у места остановки головного вагона.

Прячась за колонной и нетерпеливо выжидая момент, когда двери начнут закрываться, Кедрин мельком поглядывал в конец перрона — ну, где там эти чертовы козлы? Ага, наконец-то, засвистела, родная, значит, они уже пробежали мимо!

Дернувшись, он успел вскочить в вагон, прежде чем двери захлопнулись.

Как только поезд остановился и двери вагона снова открылись, Кедрин высунул голову и нетерпеливо глянул в хвост поезда. О, черт, для профессионала непростительно так ошибаться! Один из преследователей, который уже бежал по перрону, увидел Кедрина и махнул рукой своему напарнику, тут же выскочившему из вагона. Проклинаая собственную невыдержанность, Константин на несколько секунд впал в какое-то странное оцепенение. Словно замороженный, он стоял и смотрел на то, как его преследователи, яростно расталкивая пассажиров, пробиваются по перрону к голове поезда.

Что же ему теперь делать? Они знают, что он в первом вагоне, они уже где-то рядом, и теперь им осталось только дожидаться следующей остановки — это будет «Рязанка», вскочить в вагон и пристрелить его на глазах у всех...

Если он выскочит и помчится на эскалатор, то наверняка получит пулю в спину. Пять минут длится этот перекон и, если он не соберется с мыслями, это могут быть последние минуты его жизни...

Едва поезд затормозил, Кедрин стремительно выскочил на перрон и оглянулся. Расстояние между ним и преследователями не превышало пятидесяти метров. Едва

не опрокинув сотрудницу метрополитена — пышнотелую блондинку в кокетливом красном берете и красных туфельках, — Кедрин бросился в сторону двери, ведущей в служебное помещение, но, добежав до огромного зеркала, передумал. В подсобке мог оказаться мент, он мог угодить в тупик, поскольку не знал внутреннего расположения комнат — да мало ли что еще!

Оставался единственный выход — Кедрин, на глазах у изумленного машиниста, спрыгнул с перрона прямо на пути и побежал в тоннель.

Глава 16. Секрет «русской духовности»

Славик уже заканчивал собирать рюкзак, когда зазвонил телефон. Подходить ему не хотелось — вдруг это опять Любаша? Телефон все звонил и звонил, с каким-то надрызным отчаянием. А, ладно, даже если кто-то проверяет, дома ли он, то через минуту его уже здесь не будет.

— Алло?

— Привет, Вячеслав, это я.

— А, Костя, — с облегчением вздохнул папарацци. — Привет. Ты откуда звонишь? Что-то плохо слышно.

— Из телефонной будки, мой мобильник отрубился... Слушай, у меня к тебе большая просьба.

— Давай, говори.

— Мою старую квартиру затопили соседи сверху и теперь придется делать ремонт. Я уже договорился со строителями, но пока они будут возиться, нельзя ли мне пару днейков пожить у тебя?

— У меня? Ты имеешь в виду, у меня дома?

— Ну, дома или где-нибудь еще. Я, вообще-то, человек неприхотливый.

— Понимаешь, я тут собрался ехать в одно место... — Славик призадумался. — То есть сейчас мне надо выйти из дома, а вернусь я поздно. Если хочешь, давай встретимся в метро, где-нибудь в центре, и обо всем договоримся. В принципе, вариант у меня есть, и даже не один. Алло, ты меня слышишь?

— Только лучше не в метро, а где-нибудь на поверхности. Ты куда едешь?

— На Савеловский вокзал.

— Прекрасно, тогда через сорок минут — на улице, у расписания.

— Договорились.

В половине второго папарацци, одетый по-походному — то есть в старые джинсы и кроссовки, с рюкзаком за плечами и бейсбольной кепочкой на голове, топтался у большого табло придорожных электричек Савеловского направления. Кедрина он увидел не сразу — тот стоял в тени, у заднего входа в здание вокзала. Поймав на себе взгляд Славика, Кедрин слегка кивнул головой, и папарацци, удивленно пожав плечами, направился к приятелю.

— Привет.

— Здравствуй.

Они обменялись быстрым и крепким рукопожатием.

— Ты не очень торопишься? — первым делом спросил Кедрин. — Я вижу, за год собрался?

— Да, понимаешь, пригласила тут в гости одна подруга, вот я и подумал — зачем в такую жару торчать в городе? Если тебе на несколько дней нужна моя квартира, то пожалуйста.

— Нужна, — кивнул Константин.

— Тогда держи ключи, только я тебя должен предупредить... Есть одна маленькая проблема, — уже достав ключи и поигрывая брелком в виде открывалки, Славик замялся.

— Что за проблема?

— Если честно, я не просто так уезжаю за город... Ты, наверное, уже знаешь о скандале, который начался после публикации моих фотографий — ну, тех самых...

— Нет, не знаю. А ты их все-таки опубликовал?

— Ну, разумеется, причем не где-нибудь, а в «Известиях». Короче, теперь моя бывшая редакторша — ну, Любаша, я тебе про нее рассказывал, — рвет и мечет, и угрожает самыми страшными карами. Звонки тут какие-то дурацкие начались... Я не то чтобы очень испугался, но, знаешь, почему бы и не уехать, пока все не устаканится?

— Я понял.

— Так вот, — облегченно вздохнул папарацци, — квартиры, как ты сам понимаешь, мне не жаль, но мало ли кто туда будет звонить и кто там может появиться? Да кому я это объясняю — тебе ли не знать таких вещей?

— А куда сам едешь?

— Ага, вот это как раз второй вариант, который я хотел тебе предложить. У одной моей знакомой в двадцати километрах по этой дороге есть заброшенная дача. Там никто не живет, участок не возделывают, ну и вообще бардак. Но жить, как она меня уверяла, вполне можно. Там и поселок неподалеку, так что с питанием и выпивкой проблем не будет. Что скажешь об интеллигентном отдыхе двух джентльменов, лежащих в гамаках и философствующих под теплым звездным небом?

— Скажу, что это лучшее из всего, на что я мог рассчитывать, — улыбаясь, ответил Константин.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Славик. — Тогда пошли за билетами, а то ближайшая электричка — через десять минут. Продуктами и пивом затаримся на месте...

До станции назначения доехали быстро и весело, так же весело накупили консервов и выпивки в местном магазине, но по дороге на дачный участок, которая вела через небольшой лесок, Константин вдруг начал хмуриться.

— Ты чего это? — удивился папарацци. — Неужели передумал или что-то забыл?

— Честно сказать, Славик, я тебя тоже обманул, — со вздохом признался Кедрин. — И теперь вот думаю — не слишком ли это большая подлость с моей стороны — не сказать тебе всей правды...

— Так скажи — и облегчи душу!

— Дело в том, что мое общество может оказаться для тебя очень опасным. Начет ремонта я соврал — все гораздо хуже...

И Константин, глядя себе под ноги и продолжая хмуриться, коротко рассказал приятелю о событиях минувшего утра.

— Значит, это ты замочил Рустама? — восхитился папарацци. — Воистину, как тесен мир и как часто пересекаются наши пути! А что ж ты не сказал об этом еще тогда, когда мы гуляли на празднике города?

— Не счел нужным.

— Ну, хорошо, но ты еще не договорил до конца. Что было дальше, после того, как ты спрыгнул в тоннель? Черт, как жаль что у нас не будет телевизора — сегодня об этом заговорят во всех новостях! Ведь ты же наверняка застопорил движение по этой линии! Ну, рассказывай, рассказывай!

— А что рассказывать? Побежал вперед, они спрыгнули на рельсы и бросились за мной...

Он не знал, сколько времени бежал по тоннелю. Сзади него поездов не было — дежурная по станции вовремя перекрыла движение, но мимо, по соседнему пути,

промчались навстречу две электрички. Когда Кедрин, наконец, выбежал на открытое место, то увидел и третью — увидел и тут же перебежал рельсы под носом у потрясенного машиниста. Этим он лишний раз подстраховался — если его преследователь выскочит из тоннеля сразу за ним, то будет отрезан от него проходящей электричкой, а за это время Кедрин успеет перемахнуть через бетонный забор ограждения и оказаться на шоссе.

Так все и вышло — он проворно перелез через забор на глазах у прильнувших к окнам пассажиров и, уже не оглядываясь назад, побежал к шоссе. Подняв руку и остановив машину, Кедрин, не торгуясь, попросил довести его до Таганской площади. Через полчаса, спокойный, но настороженный, он уже входил в офис туристической фирмы. Оформление путевки не заняло много времени.

— Через три дня вы уже будете в Анталии, — улыбнулась ему сотрудница. — За билетом можете зайти послезавтра. Желаю хорошо отдохнуть!

Кедрин поблагодарил, взял путевку и, выйдя на улицу, тут же направился к ближайшему телефону — звонить по собственному мобильнику он теперь опасался.

— Ну и жизнь у тебя! — восхитился папарацци, дослушав до конца. — Я, правда, тоже не могу пожаловаться на недостаток приключений, но, по сравнению с тобой, все они выглядят детскими шалостями!

— Честно говоря, я бы предпочел шалости, — буркнул Константин.

Выйдя из леса, они оказались прямо перед воротами — дачные участки ограждал невысокий забор из металлической сетки. Найти нужный дом оказалось несложно — у двухэтажного деревянного особняка, когда-то выкрашенного в зеленый цвет, а ныне, благодаря дождям и непогоде, ставшего грязно-болотным, окна были заколочены досками, калитка валялась рядом с забором, а по всему участку росли лишь чахлые яблони да густой бурьян.

— Ну, Антонина, ну довела свою фазенду! — возмущался Славик, пробираясь к покосившемуся крыльцу, возле которого ржавела пустая железная бочка. — Во что превратила свое наследство — да лучше бы продала!

— Это дача твоей знакомой?

— Да, своей-то дачи у меня нет и никогда не было. Кстати, Антонина тоже была в Венеции в тот момент, когда мне удалось сделать те злополучные снимки.

— А, так это она живет на содержании банкира?

— Я тебе о ней рассказывал? Ну да, это она.

С трудом отперев огромный амбарный замок, приятели проникли в дом и осмотрелись. Две комнаты были обставлены старой, но добротной мебелью, в третьей, находившейся на втором этаже, был свален всякий хлам. Электропроводка действовала, чего нельзя было сказать о старом советском «Рекорде». К огорчению папарацци, телевизор был неисправен, зато холодильник при включении в сеть радостно загудел.

Кроме того, в небольшом закутке, выполнявшем роль кухни, имелась электроплитка.

— Хотя с этим порядок, — вздохнул Славик. — Холодное пиво и горячая яичница обеспечены. Ну что, три дивана, два кресла, стол, посуда — что еще нужно для скромной холостяцкой жизни? Располагайся, и давай сообразим чего-нибудь пожрать...

Тем же вечером, вытащив кресла на участок и поставив их так, чтобы можно было без помех любоваться яркой луной, приятели пили сухое вино и вели неспешную философскую беседу. От комаров их спасали сигареты Славика, которые папарацци курил одну за другой.

— Главной отрадой в моей жизни являются отнюдь не женщины и алкоголь, как ты мог подумать... — откровенничал захмелевший папарацци, который пил вдвое

больше своего собеседника. — Кстати, а почему ты так мало пьешь? Неужели при твоём образе жизни тебе не требуется расслабление?

— Требуется, но много пить я просто не могу, — охотно объяснил Константин. — Когда я пьян, у меня возникает мания преследования — все время кажется, что за мной кто-то следит.

— Да, это плохо... Но еще хуже будет, если тебе и в трезвом виде начнет так казаться! Здесь уже и свихнуться недолго!

— Так что ты там говорил о своей главной отраде? — напомнил Кедрин.

— Моя первая любовь — философия. Тебе, единственному, могу похвастаться и открыть страшную тайну — на днях я закончил философский трактат. Возможно, я был рожден на этот свет вовсе не для того, чтобы фотографировать всяких сволочей, а именно для создания этого трактата! Только не удивляйся и не думай, что я настолько пьян — как же, папарацци и философский трактат!

— Я не вижу в этом ничего странного, — успокоил его Константин. — А о чем он?

— О том, что смерть нашего «Я» — это плата за свободу размышлять о собственной смерти! Те, кому эта плата кажется чрезмерной, отказываются от свободы во имя иллюзии бессмертия и становятся «рабами Божьими». Однако я ни при каких условиях не хочу отказываться от свободы!

— Дай руку.

Славик протянул ему руку, и Кедрин с большим чувством ее пожал.

— Ты великий человек, Вячеслав!

После этого заявления приятели несколько минут провели в молчании, вслушиваясь в ночную тишину да наблюдая огни самолета, пролетавшего высоко над ними.

— Ну, а что ты вообще дальше собираешься делать? — первым заговорил Славик. — Я имею в виду по жизни, а не после Анталии? Завязывать не думаешь?

— Не знаю. На будущее я еще ничего не решил, но одно знаю точно — в тюрьму ни за что не сяду.

— Да уж, наши тюрьмы — это ад, — согласился папарацци.

Разглагольствование папарацци прервало тонкое и противное пиканье. Сначала он даже не понял, в чем дело, и лишь когда Кедрин пошевелился и высветил экран пейджера, Славик удивленно хмыкнул.

— Надо же, как мы близко от Москвы — сигнал все-таки дошел, — заметил он. — А я не знал, что у тебя пейджер. Где ты его все это время прятал?

— Что?

— Где пейджер таскаешь?

— А... В сумке, на поясе.

— Ну и что там интересного?

Кедрин негромко выругался:

— ...Лучше не спрашивай! Придется завтра прокатиться обратно в город.

— Вот те на! Ты же хотел спрятаться на три дня, до отъезда в Турцию?

— Есть такие вещи, от которых не спрячешься. Ладно, пойдём спать.

Глава 17. Предательство

Давненько уже следователю Прижогину не было так просто и легко допрашивать арестованного. Этот детина с боксерской стрижкой, перебитым носом и бородавкой на правой щеке был задержан на открытом перегоне между станциями метро «Рязанский проспект» и «Выхино» после того, как вместе со своим напарником устроил по-

гоню и перестрелку. Напарник был тяжело ранен и в данный момент находился в реанимации, зато человек, за которым они гнались, благополучно скрылся.

Согласно показаниям свидетелей, убежавший был сравнительно молод — не старше тридцати лет, одет в спортивном стиле — джинсы, куртка, голубая рубашка, и имел самую невыразительную внешность, хотя одна из девиц, ехавшая с ним в одном вагоне, заявила, что он был похож на «Роберта Де Ниро в молодости», только без его памятной родинки.

Этот «де Ниро» лихо спрыгнул в тоннель перед самым поездом, оба преследователя погнались за ним, и вскоре из тоннеля послышались гулкие звуки выстрелов. Дежурная по станции сработала оперативно — она остановила движение поездов и вызвала наряд милиции. Сначала милиционеры обнаружили раненого, который лежал прямо на рельсах, а затем, когда выбежали на открытое место, схватили и его напарника, который в тот момент пытался перелезть через бетонный забор. Остановили его только предупредительные выстрелы в воздух.

Задержанного звали Сергей Иванович Потехин, и, согласно оперативным данным, он являлся боевиком одной из преступных группировок, которая работала «под Рустамом». При первом же допросе Потехин не только не стал ничего скрывать, но, напротив, выразил самое горячее желание содействовать ходу следствия.

— Этот мужик убил моего шефа, — объяснил он Прижогину. — Поэтому мы его все равно достанем. Даже если вы его найдете раньше нас — ему все равно не жить, в какую бы одиночку вы его ни посадили.

Столь откровенная наглость заставила следователя нахмуриться.

— Как его зовут?

Потехин покачал головой.

— Я знаю только кликуху — Костя Бешеный.

— А откуда вы за ним гнались?

— Да от самого дома. Записывайте, гражданин следователь, он живет по двум адресам — одна его хаза находится на Смирновской, вторая — на Пресне...

Прижогин записал оба адреса, немедленно вызвал дежурного и тут же дал указание направить по обоим адресам оперативников.

— Это бесполезно, — тут же прокомментировал его действия боевик. — Он теперь ляжет на дно и будет искать другие схроны.

— Сам знаю, — буркнул Прижогин. — Ты за него не беспокойся, ты за себя беспокойся.

— А чего мне беспокоиться? — хмыкнул Потехин. — Что вы мне пришлете? Ментам я не сопротивлялся, так что, незаконное хранение оружия — максимум. Да по этой статье и под залог отпускают!

— Ну, мы еще проверим, какие за тобой дела числятся, — пообещал следователь. — Рассказывай, как вы вышли на его квартиру...

Обычная схема получения нового задания выглядела таким образом: Кедрину посылалось сообщение на пейджер, в котором приводился номер телефона и говорилось, когда и во сколько он должен позвонить. В указанное время Константин звонил из уличного автомата и сам назначал место встречи, причем она должна была состояться не позднее, чем через час после его звонка.

На встречу, как правило, приезжал знакомый ему посредник, который передавал Кедрину задаток, фотографии или видеокассету, а также распорядок жизни его нового клиента. Все остальные проблемы киллер решал сам. Выполнив задание, он посылал сообщение на пейджер не известного ему абонента — «перезвоните мне в течение ближайшего часа». После этого он получал сообщение на собственный

пейджер, и дальнейшее действие разворачивалось по той же схеме — он снова встречался с посредником и получал основную часть гонорара.

Поначалу и на этот раз все шло по отработанному плану. Когда Кедрин получил сообщение, то колебался всего несколько секунд. Да, ему не хотелось сейчас брать новый заказ, да, он собрался на отдых в Турцию, но, прежде всего, он — профессионал, исполнительный и безотказный. Именно эти качества позволяли ему требовать со своих заказчиков самые высокие гонорары. Стоит один раз отказаться — и все, с трудом завоеванную репутацию придется восстанавливать заново. В конце концов, любые вопросы всегда лучше улаживать при личной встрече.

В одиннадцать утра Кедрин сошел с электрички на Савеловском вокзале и тут же отправился звонить посреднику. Через сорок минут он уже был на «Смоленской», выбрав местом встречи крошечный сквер, находившийся по Карманицкому переулку.

На этот раз посредник прибыл на место даже раньше него. Кедрин, направляясь в сквер, собирался переходить улицу, когда увидел посредника, стоявшего рядом с темно-зеленым «ситроеном».

— Садитесь.

Это была первая странность — обычно посредник всегда парковал машину в не-приметном месте, а на встрече приходил пешком. Константин приблизился к машине, открыл дверцу и, убедившись, что посредник приехал один, сел на заднее сиденье.

— Не удивляйтесь, — сказал посредник, садясь за руль и захлопывая дверцу. — Сегодня вам придется проехать в одно место, чтобы лично побеседовать с заказчиком.

— Это не в моих правилах, — недовольно заметил Константин.

— Я знаю. Но дело в том, что вас ждет довольно необычное задание. Нет-нет, сам я не знаю никаких подробностей, вам все расскажут при личной встрече. Ну, что, едем?

— Мне это не нравится.

— Вы напрасно беспокоитесь, — заметил посредник, поворачиваясь к нему. — Заказчик, точнее, заказчица, дама вполне надежная, и Трофим за нее ручается. Кстати, именно он и порекомендовал ей обратиться к вам.

— Женщина? — брезгливо переспросил Кедрин.

— Да, женщина, но какая!

— Мне плевать, какая... Я терпеть не могу заказов от баб!

— Да, Трофим это знает и даже поручил мне передать вам эту записку.

Трофимом был тот самый, знакомый еще по Чечне офицер, который и сделал из Константина профессионального киллера. Он был едва ли не единственным человеком, которому Кедрин доверял если не на все сто, то на девяносто процентов. Записка была очень короткой: «Я все гарантирую».

Это меняло дело — подводить Трофима Кедрин не мог. Разорвав записку на мелкие клочки, он кивнул посреднику:

— Едем.

Тот обрадованно кивнул и завел мотор. Ехать пришлось недолго — через пятнадцать минут «ситроен» притормозил у старинного особняка, находившегося в районе Полянки.

— Еще одно, — заглушив мотор, смущенно произнес посредник. — Она, все-таки, женщина и опасается встречаться с вами наедине...

— Бойтся, что я ее изнасилую? — съязвил удивленный Кедрин.

— Нет, конечно, — усмехнулся посредник. — Просто она бы хотела, чтобы при вас не было оружия. Разумеется, что после вашей беседы я вам его верну... — поторопился добавить он, но Кедрин уже отрицательно качал головой.

— Нет, никаких условий. В конце концов, я ей нужен или она мне?

— Ну, как хотите, — вздохнул посредник и взялся за сотовый телефон. — Тогда я сейчас ей позвоню и скажу, что мы уже приехали.

— Э, нет, — Кедрин поспешно нагнулся вперед и выхватил у него телефон, — это тоже не годится. Вы могли предупредить ее заранее, так что, она должна ждать. Выходите из машины и проводите меня к ней.

Его уже так насторожили все эти дурацкие разговоры, что он ожидал отказа, заранее решив, что в этом случае немедленно выскочит из машины и скроется в ближайшем переулке. Однако посредник пожал плечами и кивнул.

— Ну, хорошо, идемте.

Они вылезли из «ситроена», и, пока посредник запирал машину, Кедрин бегло осмотрел особняк и близлежащие улицы. Ничего подозрительного, хотя, в принципе, засаду можно было спрятать где угодно. Если бы они имели дело с дилетантом, то припарковали бы где-нибудь закрытый пикап, но на улице стояли только легковые машины.

Посредник вошел в подъезд, набрал цифровой код и, когда услышал ответ — голос был женский, — произнес только два слова:

— Мы приехали.

После этого раздался щелчок открываемого замка. Они вошли в дом и стали пешком подниматься на третий этаж.

— Не удивляйтесь этому обшарпанному виду, — негромко говорил посредник, идя впереди. — Здание подлежит реставрации, так что все фирмы, которые здесь находятся, готовятся к переезду.

Кедрин кивнул, словно бы удовлетворившись этим объяснением, хотя оно, напротив, его крайне насторожило. Во-первых, ему явно не доверяют, если привезли в такое место, по адресу которого вскоре никого не останется, а, во-вторых, где еще устраивать засады, как не в подобного рода опустевших зданиях? Впрочем, здание еще не совсем опустело — где-то хлопали двери, откуда-то сверху доносился стук молотка и даже играла музыка. Нет, Трофим не мог предать Кедрину, ведь они знают друг друга уже около семи лет! Кроме того, если бы на него готовили засаду, то сделали бы это более грамотно и не стали бы впутывать в дело баб, зная, как он к ним относится. Значит, здесь что-то другое...

Тем временем они поднялись на площадку третьего этажа, посредник толкнул дверь с табличкой «Фирма «Креатон», и они оказались в помещении офиса. Да, здесь явно готовились к переезду — повсюду стояли какие-то коробки, а двое рабочих, сопровождаемые молодой секретаршей, тащили к выходу компьютер.

— Мы к шефине, — кивнул ей посредник, и секретарша указала на открытую дверь.

— Входите, она вас ждет.

Они вошли в предбанник, и посредник, оглянувшись на Кедрину, постучал в дверь кабинета.

— Войдите, — раздался женский голос.

— Я буду ждать здесь, — сказал посредник, и Константин, пройдя мимо него, переступил дверь кабинета.

В нем тоже царил явный бардак — мебель была сдвинута, а на полу валялись какие-то бумаги. За большим столом, спиной к окну, сидела эффектная дама лет сорока, в больших темных очках.

— Присаживайтесь, — кивнула она Кедрину. — Если хотите, можете курить.

— Я не курю.

— Да? Я, впрочем, тоже. Мне вас рекомендовал Трофим Петрович.

— Я уже знаю.

— Он сказал, что вы — профессионал высокого класса и никогда не задаете лишних вопросов.

Кедрин промолчал. Как же он не любил этой бабской манеры ходить вокруг да около!

— Мне известно, что это вы убили Рустама, и теперь его люди охотятся за вами.

Проклятье! По лицу Кедрина пробежала легкая судорога. Неужели Трофим опустился до того, что вздумал похваляться его былыми подвигами? Все это уже начинается походить на шантаж. Но если эта дура надеется таким образом сбить цену, то зря старается!

— Более того, я даже знаю, где и с кем вы провели эту ночь.

— К сожалению, я не могу похвастаться тем же, — холодно заметил Константин.

— Мне необходимо, чтобы вы утихомирили одного чересчур назойливого фотографа.

— Вас зовут Любовь Сергеевна Новоженова? — с ненавистью чеканя слова, спросил Кедрин.

— Да, меня зовут именно так, — на удивление спокойно согласилась женщина и даже сняла свои темные очки. — И речь, как вы уже поняли, идет о нашем общем знакомом.

— Вам придется поискать другого. — Кедрин начал подниматься со стула, но в этот момент входная дверь резко распахнулась, и в комнату ворвались два человека в камуфляже, черных шерстяных масках и с короткими автоматами наперевес.

В глубине души Константин ожидал чего-то подобного — ведь те, кто затеял весь этот спектакль, не могли не понимать его возможной реакции, однако нападавшие действовали предельно четко и профессионально, не оставив ему ни малейшего шанса. Через секунду он уже лежал на полу, чувствуя, как в его шею вдавливается холодное дуло автомата, а чьи-то проворные руки обшаривают его туловище и извлекают пистолет. Еще через минуту он снова сидел на стуле, но уже со скованными позади руками.

Любовь Сергеевна торжествующе улыбалась, царственным жестом отпустив обоих камуфляжников, которые, злобно оглядываясь на Константина, нехотя покинули кабинет.

— Я бы могла найти кого-то другого, — заявила она Кедрину, — но это займет определенное время, а вы можете сделать все прямо сегодня.

— Я не буду этого делать.

— Вы еще не выслушали до конца моего предложения...

— Я не выполняю заказов, когда меня к этому принуждают силой!

— Минуту, дослушайте меня до конца. Мой заказ вам придется выполнить. Ребята, которые заковали вас в наручники, не бандиты, как вы могли подумать, а самые настоящие омоновцы, которых любезно предоставил в мое распоряжение один мой знакомый генерал МВД. Если мы с вами ни до чего не договоримся, они вызовут машину и немедленно отправят вас в следственный изолятор как подозреваемого в убийстве Рустама. Вы сами понимаете, чем это вам может грозить.

Кедрин молчал.

— Если же, напротив, вы согласитесь выполнить мой заказ, то вас отпустят на свободу и, разумеется, хорошо заплатят. Более того, я даже могу сказать вам по секрету — узнала от своего знакомого генерала, — что против группировки Рустама сейчас готовится крупная операция, так что, в ближайшее время его людям будет уже не до вас. Кстати, оба ваших преследователя, от которых вы убегали по тоннелю метро, арестованы.

Кедрину изменило обычное хладнокровие — он молчал, краснел прямо на глазах и, свирепея от собственного бессилия, тяжело дышал, периодически покусывая губы.

— Что скажете на этот раз? — торжествующим тоном поинтересовалась Новоженова.

— За что? — с трудом выдавил он.

— Вы хотите знать, что я имею против Вячеслава Садикова? Этот негодяй обесчестил мою дочь и нанес большую обиду мне лично. Такой ответ вас устраивает?

— Когда?

— Я уже сказала — сегодня вечером. Ребята сами отвезут вас обратно на дачу, проконтролируют ваши действия, затем отпустят. Деньги получите обычным путем.

— Гарантии?

— Пожалуйста. — Новоженова сняла телефонную трубку и набрала номер. Затем, дождавшись ответа, она произнесла только два слова: — Это я, — после чего подошла к себе Кедрина.

Он подошел к столу, и она сама приложила трубку к его уху.

— Да.

— Это Трофим. Не беспокойся, все под контролем, и мои гарантии остаются в силе. Ты меня слышишь?

— Да.

— Тогда действуй.

Любовь Сергеевна положила трубку и вопросительно посмотрела на Кедрина.

— Ну, что?

Она вызвала у него такое невероятное отвращение, что он, стиснув зубы, лишь молча кивнул головой.

— Вот и прекрасно. До вечера вам придется посидеть в моем кабинете, а как только стемнеет, за вами зайдут те же ребята, которые будут находиться в соседней комнате, и отвезут вас на место.

— Наручники.

— Хорошо, я им скажу.

Новоженова скрылась за дверью, и через минуту в комнату вернулись оба омовца. Один из них держал Кедрина под прицелом, пока второй освобождал от наручников. Однако освободив его руки сзади, он тут же сковал их спереди.

— Ничего, посидишь и так.

Затем оба вышли, заперев за собой дверь, и Кедрин остался один.

Первым делом он подошел к зарешеченному окну и глянул вниз. «Ситроена» посредника уже не было.

Сволочи! Все-таки продали его, как быдло! Оказывается, даже Трофиму нельзя было доверять! Впрочем, он мог и не знать об омовцах, но да от этого не легче...

Шесть часов Кедрин провел в кабинете — и это были едва ли не самые тяжелые часы его жизни. Всю жизнь он ненавидел баб — и вот теперь именно из-за бабы должен будет убить своего единственного друга. Эта мысль сводила его с ума. Какая невероятная подлость — заставлять это делать именно его! Но как было отказываться — ведь он, несмотря на весь свой хваленый профессионализм, проиграл, и теперь у него не было выбора. Эта стерва говорила, что знает, где он провел эту ночь. Значит, за Славиком уже следили, и теперь он все равно обречен.

Ну, не согласился бы он — и что? Вместо него на дачу послали бы кого-то другого, зато сам Кедрин немедленно бы оказался в следственном изоляторе Лефортова... Единственное, чем он может помочь своему другу, — это гарантировать ему легкую и неожиданную смерть. Один выстрел в сердце — стрелять в голову у него рука не поднимется — и все...

Главное, не вступать ни в какие разговоры, иначе у него могут не выдержать нервы, и тогда они погибнут оба!

Впрочем, нервы у него уже и так не выдерживали — впервые за долгое время Кедрин ощутил предательскую влагу на глазах. Как прекрасно они вчера сидели и беседовали, и как чудовищно все должно закончиться, через какие-то несколько часов...

Но что делать, что делать, что делать, если он сам, доверившись проклятому Трофиму, залез в ловушку? Отказаться — и оказаться на нарах? Нет, только не это! Попытаться сбежать по дороге, а потом каким-либо образом предупредить Славика? Но те, кто разыграл перед ним весь этот спектакль, наверняка учли и этот вариант...

А, в конце концов, пропади оно все пропадом! Через пару дней он уже будет в Турции, и, будь он проклят, если потом вернется назад, в эту прогневшую и продажную страну...

Глава 18. **Конец папарацци**

Когда Константин уезжал в Москву, он нечаянно разбудил своего приятеля.

— О, черт, — пробормотал Славик, поднимая похмельно-заспанную голову. — Не мог потише!

— Извини, старик, нечаянно споткнулся о ведро, — виновато пробормотал Кедрин.

— Когда вернешься-то?

— Не знаю, но, скорее всего, к вечеру.

— Ну и счастливо!

Константин ушел, а Славик еще долго ворочался на диване, ища наиболее удобную позу. Заснуть не удавалось, и он, взглянув на часы, с тоской отметил, что еще нет и десяти. В такое время, да еще за городом, да еще скрываясь ото всех дел, только спать да спать! Но, увы, сон не шел. Славик перекатывался по дивану, пытался сам себя укачивать, считал баранов и ослов — но все напрасно, заснуть не удавалось. Тогда он предпринял последнюю попытку — поднялся и подошел к холодильнику, где, по его расчетам, должны были оставаться две бутылки пива. Бутылка оказалась только одна, но в его состоянии привередничать не приходилось. Славик в два приема высосал ее до дна и, добредя до постели, тут же ощутил блаженную истому сна.

Спал он не более часа. Его разбудил веселый женский голос:

— Ау-у! Есть тут кто-нибудь?

«Антонина! — сразу сообразил Славик. — Ух, как вовремя приехала, старушка!»

Он томно потянулся и закрыл глаза, с улыбкой прислушиваясь к стуку женских каблучков по деревянным ступенькам крыльца. Когда он приподнял ресницы, то сразу увидел Антонину — веселую, красивую и загорелую.

— Дрыхнешь, лентяй?

— Ты мне только что снилась, — солгал Славик, оглядывая молодую женщину сладострастным взором.

— Врешь, развратник! Вставай и пойдем завтракать.

Через двадцать минут Славик уже сидел на веранде и облизывался над пустой тарелкой, с вожделением лова носом запахи, доносившиеся со стороны кухни.

— Музик, готов ли гусик? — капризно пародировал он. — Ну, мать, ты меня уморишь!

— Успокойся, обжора, — заявила Антонина, появляясь с шипящей сковородкой в руках. — Все готово.

— Кстати, — заговорил Славик с набитым ртом, — ты, пока сюда ехала, никого не видела?

— В смысле? — поинтересовалась Антонина, аккуратно цепляя на вилку кусок свежего помидора. Овощи она привезла с собой из Москвы.

— Хвоста не привела?

— Да кому ты нужен!

— А тебе?

— Остынь.

— Кстати, я тут живу не один, а с другом.

— Да? И где же он?

— Уехал в Москву, но к вечеру обещал вернуться. Ты сегодня ночевать-то останешься?

— Да, останусь, но завтра утром уеду.

— Дела?

— Банкир.

— Тыфу, черт, все удовольствие испортила.

— А нечего спрашивать, если и сам все знаешь.

Пока Антонина готовила обед, Славик успел сходить в поселковый магазин и вернуться обратно, весело позвякивая содержимым хозяйственной сумки. Бутылка шампанского лежала в окружении полдюжины пива, словно хавронья среди собственных поросят.

После обеда с шампанским Антонина разобрала постель. Разморенные жарой, они долго, томно и лениво ласкали друг друга, потом незаметно уснули.

Поздно вечером, уже после ужина, для Славика повторилась вчерашняя сцена, только на этот раз вместо Кедрина — где он, кстати, пропадает? — его собеседницей была Антонина.

На соседних дачах уже давно погасли огни, уличный фонарь, как и луна, находились по другую сторону дома, так что здесь, в этой плотной и теплой темноте, было тихо и даже как-то уютно.

— Пивка еще принеси, — попросил Славик.

— Хорошо, — ответила Антонина и пошла в дом.

Но папарацци не суждено было выпить последнюю в его жизни бутылку пива. Дожидаясь Антонину, он привычным жестом воткнул в губы сигарету, включил зажигалку и вдруг удивился — в густых кустах черноплодной рябины, которые росли в пяти метрах от него, мелькнула яркая вспышка. Хлопка он уже не услышал, поскольку тут же уронил голову на простреленную грудь, выронив и сигарету, и зажигалку.

Кусты зашевелились, и из них медленно выбрался Кедрин. Он старался не смотреть на убитого друга, но ничего не мог с собой поделать. Хорошо еще, что в этой темноте ему не было видно его опущенного лица. Теперь, когда он выполнил заказ, можно было уйти незамеченным, но снедавшая его весь этот день ненависть к «проклятому бабью» требовала немедленного выхода. Славик убит, а одна из этих тварей зачем-то останется жить? Нет, он обязательно прикончит эту стерву. Но убивать он ее будет иначе — ему обязательно надо увидеть ее обезумевшие от ужаса глаза!

Нисколько не таясь, Кедрин поднялся на крыльцо, толкнул дверь и вошел в дом. Женщина стояла спиной к нему, придерживая правой рукой открытую дверцу холодильника.

— Ты чего пришел? — не оглядываясь, спросила она.

— Убить, — холодным, каким-то неживым голосом ответил Константин.

Она резко оглянулась и оцепенела. Вот-вот, именно тот самый взгляд, которого он так ждал и которым мечтал насладиться! Кедрин медленно поднял пистолет, на-

целив дуло в переносицу, между объятами смертельным ужасом глазами, и, стиснув зубы, так же медленно нажал курок. Женщина молча рухнула на пол. Константин аккуратно погасил свет и вышел из дома, прикрыв за собой дверь.

Спустившись с крыльца, он свернул направо, чтобы лишний раз не проходить мимо застывшего в кресле папарацци. Миновав участок и выйдя на дорогу, Кедрин побрел к тому месту, где должна была стоять машина с омовцами. Его охватила какая-то странная апатия — ему вдруг стала безразлична его собственная судьба!

Убив друга ради спасения собственной жизни, он внезапно осознал, насколько эта самая жизнь стала ему омерзительна! Но нет, сам он не застрелится, а вот перестрелять сволочей, которые вынудили его убить Славика, еще способен. Убьют? Так это и будет желанным, хотя и запоздалым облегчением!

Придя к такой мысли, Кедрин поневоле ускорил шаг, продолжая держать в опущенной руке пистолет. Ну, где этот чертов микрофургон, в котором его привезли сюда? Они высадили его за два дома отсюда и должны были стоять под деревом, на перекрестке!

Это был еще один, и самый жестокий удар — машина исчезла. Значит, его заказчики были настолько уверены в его исполнительности, что даже не позаботились о контроле! А он еще боялся, что его ликвидируют сразу после выполнения заказа! Да разве можно убивать такого преданного и подлого раба? Да существует ли на свете более гнусная тварь, чем он, Константин Кедрин?

Глава 19. Безутешная вдова

— Леонид Иванович, докладывает дежурный, лейтенант Смирнов. К вам тут просится одна девушка.

— Ко мне? — машинально переспросил Прижогин. — А кто она?

— Не знаю, но говорит, что ей срочно надо увидеть следователя, который ведет дело об убийстве Рустама. У нее якобы есть для вас что-то важное.

— Интересно. А как она выглядит?

— Молоденькая совсем и заплаканная.

— Я не о том.

— Ее фамилия Новоженова.

— Ладно, выпиши пропуск и объясни, как подняться в мой кабинет.

Прижогин положил трубку и принялся задумчиво барабанить пальцами по крышке стола. Любопытно, кто бы это мог быть... Впрочем, в поисках киллера, которого сам Прижогин по привычке продолжал называть «Меткий Глаз», хотя, как он теперь знал, у него имелась кличка «Костя Бешеный», нельзя было пренебрегать ни единой зацепкой. Где теперь бродит этот «Бешеный» и кого ловит в прицел своей стреляющей без промаха винтовки — неизвестно...

— Войдите, — громко откликнулся он в ответ на робкий стук в дверь.

— Здравστε.

Девушка действительно была очень юной — не старше шестнадцати лет, хотя и относилась к породе акселераток. Свежая розовая мордашка с глупыми глазами, пышный бюст, плотно обтянутый черной кофтой. Джинсы — черные, туфли — черные, сумка — черная — это что, мода такая, или знак траура? Вообще-то, моду на черное в двадцатипятиградусную московскую жару иначе как добровольным безумием не назовешь, хотя у молодых свои причуды...

— Присаживайтесь и рассказывайте, что там у вас. Но сначала представьтесь.

— Евгения Новоженова. — Девушка аккуратно присела на стул и немедленно принялась рыться в своей сумочке.

— Курить здесь нельзя, — неправильно истолковав ее действия, сухо заметил Прижогин. Еще не хватало, чтобы эта соглячка изображала тут светскую львицу.

— Нет, я не курить, — замотала она головой. — Где же он... а, вот! Возьмите.

Прижогин взял в руки протянутый конверт и с любопытством посмотрел на адрес. Собственно говоря, это был не адрес, а довольно странное обращение: «В случае моей смерти передать следователям МУРа, которые ведут дела об убийстве Акакия Михайловича Башмакова, Виктора Ивановича Лепехина и азербайджанского авторитета Рустама».

— Кто это писал? — спросил Леонид Иванович.

— Славик, — и девица вдруг жалобно захныкала. — Славик Садилов, мой лучший друг. Его вчера убили на подмосковной даче вместе с какой-то телкой. Вы разве не слышали сообщения в новостях?

— В том учреждении, где вы сейчас находитесь, милая барышня, — внушительно произнес следователь, — об убийствах узнают не из новостей. И давно он вам это передал?

— Давно? — Девица явно удивилась вопросу и принялась морщить лоб. — Не, кажется, недавно... или давно? Месяц назад, что ли... Ой нет, неделя или две. Да я не помню, вы лучше прочтите, там все должно быть написано.

— Так это вы в память о нем надели все черное? — не удержался Прижогин, вскрывая письмо.

— Да, а чего?

— Безутешную вдову изображаете?

— А что — нельзя?

Ответа она не получила — следователь буквально впился глазами в две фотографии, которые выпали из конверта. Вот этого Прижогин никак не ожидал! На одном из снимков был изображен человек с пистолетом в руке, стоявший боком к снимавшей его камере, на втором — лежащий на постели убитый Лепехин. Задняя часть стены и подушка были забрызганы кровью.

А ведь лицо убийцы ему явно знакомо! Да, здесь он снят в профиль, но ведь и Прижогин видел его с такого же ракурса... Черт, недавний разговор на Тверском бульваре! И он еще позаимствовал у него газету с распечаткой телефонного разговора Чумакова. Бывают же такие совпадения!

Измученный следователь отложил фотографии и взялся за сопроводительное письмо.

«Господа следователи! К вам обращается ныне покойный Вячеслав Андреевич Садилов, профессиональный фотограф или, попросту говоря, папарацци. Поскольку к тому моменту, когда вы получите это послание, я уже буду находиться в лучшем из миров, постольку буду с вами предельно откровенен.

Снимки, которые прилагаются к этому письму, были сделаны скрытой фотокамерой, вмонтированной в часы, сделанные в виде Бабы-Яги с избушкой. (Сами часы вы можете найти у меня дома, когда придете туда с обыском.) Эти часы были установлены мной в петербургской гостинице «Москва». Номер — 671, постоялец — председатель думского комитета по морали и этике Виктор Иванович Лепехин. Скажу честно, я установил эти часы лишь для того, чтобы запечатлеть постельные утехи Лепехина, а потом опубликовать фотографии в еженедельнике «Сенсации, скандалы, разоблачения», внештатным сотрудником которого я и являюсь... то есть являлся, пока еще был жив...»

— Может, я, все-таки, покурю?

Прижогин удивленно вскинул голову и, когда до него дошел смысл вопроса, кивнул и снова углубился в чтение.

«... Я послал в номер Лепехина одну из местных гостиничных проституток по имени Татьяна, но она тут же спустилась вниз — я ждал ее в баре — и сказала, что клиент убит. Как видите, первый из снимков был сделан в тот момент, когда киллер только вошел в номер, второй — когда Лепехин уже был мертв.

А теперь самое главное. Спустя некоторое время я познакомился с этим человеком. Точнее, не познакомился, а возобновил знакомство, поскольку киллером оказался Константин Кедрин (отчества не знаю), мой бывший одноклассник. Где он живет, мне не известно — видимо, где-то в районе Красной Пресни, телефона он мне тоже не давал. Впрочем, если вы поднимете школьный архив — мы закончили школу номер 345, то сами это узнаете.

В школе мы почти не общались, но теперь вдруг сблизились и даже подружились. Почему же я решил написать это письмо и, так сказать, посмертно сдать своего друга? Тому есть две причины. Во-первых, такие люди, как Константин, опасны для любого общества. Да, пока он убивает только коррумпированных чиновников и уголовных авторитетов, но мало ли кого ему могут заказать в будущем? Сам он считает себя крутейшим профессионалом, к политике относится равнодушно, поэтому может взяться за абсолютно любой заказ.

Причина вторая — несмотря на нашу дружескую близость, я все же продолжаю его опасаться. В конце концов, я — единственный человек, с которым он откровенен и который знает обо всех его последних делах. Кстати, он сам признался мне в убийстве Башмакова, Лепехина и Рустама. Сколько человек он убил до них, я не знаю, но, судя по всему, немало. Когда-нибудь ему может придти в голову, что я стал для него слишком опасен, и что его собственная жизнь дороже нашей дружбы. В принципе, я его даже понимаю — на такой «работе», как у него, приходится постоянно быть настороже, а в итоге — нервное истощение и мания преследования обеспечены.

Короче говоря, если он вдруг решит, что настало время меня убрать, я надеюсь отговорить его от этого опрометчивого поступка, сославшись на данное письмо. Ну, а если вы его все же получили, значит, наш разговор не состоялся. Не хочется об этом думать, но подстраховаться не помешает...

Вот, собственно, и все. Надеюсь, что Евгения ничего не перепутала, и мое письмо дошло по назначению. Передайте ей, что я благословляю ее на новые сексуальные похождения. Пусть резвится, пока молода, а я буду утешаться на небесах тем, что именно мне довелось наставить ее на путь истинный...

Привет с того света!»

— Можно, я тоже прочитаю?

Прижогин отрицательно покачал головой и задумчиво погрозил девушке пальцем.

— Ну вот, — обиделась она. — А кто вам его принес? Ну, хоть фотки покажите — там порнуха, да?

— Фото покажу, — неожиданно согласился Прижогин и сунул ей под нос снимок с Кедриним. — Ты когда-нибудь видела этого человека?

— Не-а. А это чего, киллер, да?

— Киллер, киллер.

— Это он убил Славика?

— Не знаю, но — вероятно.

— Значит, я не зря принесла вам это письмо?

— Не только не зря, — Прижогин поднялся с места, — но я, старший следователь по особо важным делам Московского уголовного розыска Леонид Иванович Прижогин, объявляю вам, Евгения, огромную благодарность. — И он торжественно пожал ей руку.

— Ну, что вы, — слегка смутилась девушка. — Мне так Славика жалко!

— Вы его любили?

— Еще как!

Прижогину показалось, что она собирается заплакать, поэтому он поспешно добавил:

— Я вам обещаю, что мы обязательно найдем убийцу. Кстати, оставьте мне свои координаты, возможно, я вам еще позвоню. Вы работаете, учитесь?

— Работая. Моя мама — редактор газеты «Скандалы, сенсации, разоблачения». Может, слышали? — с нескрываемой гордостью спросила Евгения.

— Да, конечно. Давайте ваш телефон и адрес.

Склонившись над письменным столом, Прижогин записал данные на листе бумаги, после чего подписал пропуск и вручил его девушке.

— Еще раз большое спасибо.

— Не за что. До свидания, Леонид Иванович.

— Желаю счастья в личной жизни, — не удержался следователь.

Девушка ушла, а Прижогин снова уселся за стол и взял в руки фотографии. Дело принимало крайне интересный оборот.

Убитый на подмосковной даче Садиков являлся автором сенсационных снимков, касающихся тещи господина Чумакова. Судя по тому, что Прижогину уже известно, и папарацци, и некая Антонина Ширманова, убитая на той же даче, стали жертвами профессионала — возможно, именно Кости Бешеного. Но что за этим кроется — политическая месть? Выяснить это удастся, лишь взяв киллера живым...

Так, что же теперь делать? Пожалуй, стоит объявить всероссийский розыск и, ввиду особой опасности преступника, договориться с газетами и телевидением о распространении его фотографии. Пусть покажут ее в ближайших выпусках новостей. Кстати, завтра суббота? Прекрасно, тогда еще можно успеть отдать снимок в «Московский комсомолец», пусть напечатают в «Хронике происшествий».

Тем временем Евгения покинула здание МУРа, не спеша прошлась по Петровке и остановилась напротив Столешникова переулка. Возвращаться в редакцию ей не хотелось — мать непременно усадит за работу. Лучше она подольше погуляет по центру, пройдетя по магазинам и пообедаст в «Макдональдсе». А матери скажет, что все это время была у следователя на Петровке. А захочет проверить — пусть звонит Леониду Ивановичу!

В принципе, Славик оставил ей еще одно поручение, но для того, чтобы его выполнить, надо было заехать домой. Жалко его, конечно, но тащиться по такой жаре... Евгения наморщила нос, пытаясь разобраться в своих чувствах, как вдруг рядом затарахтел мотоцикл.

— Привет, подруга, куда топаем?

Она удивленно вскинула голову — это еще что за чудо? У парня, сидевшего на мотоцикле, половину лица скрывал шлем, зато «упакован» он был круто — кожаная куртка с заклепками, голубые джинсы, красивые ковбойские сапоги.

— Не твое дело, — буркнула она, однако не торопилась уходить, делая вид, что изучает рекламный щит с каким-то шампунем.

— А чего, может, подвезти?

— Сама дойду.

— Да охота тебе таскаться по такой жаре? А так домчим с ветерком.

— Отвали, я сказала!

Но тон ее голоса не отличался решительностью, и собеседник прекрасно это почувствовал.

— Тебя как зовут?

— Не твое дело.

— А чего в черном-то?

— Друга у меня убили.

— Да? — Тут парень расстегнул и снял шлем. — Ну, не расстраивайся, старуха, все там будем.

Евгения искоса взглянул на него, и сердце у нее ёкнуло. Кареглазый шатен, похожий на Ричарда Гира! На вид лет двадцать, не больше. Клевый кадр, ничего не скажешь!

— Ну, поехали? — выжидательно улыбнулся парень, внимательно следя за выражением ее лица. — А то стремно стоять напротив главной ментуры!

— А я как раз оттуда, — вспомнив свою роль убитой горем вдовы, проговорила Евгения.

— Ну, тем более, — неизвестно к чему прокомментировал парень. — Бери второй шлем и погнали!

А, ладно! Славика, конечно, жаль, но не носить же по нему целый год траур!

— Ладно, поехали, — милостиво согласилась Евгения, беря шлем и усаживаясь на мотоцикл позади кареглазого рокера.

Глава 20. Последний бой киллера

В день убийства, вернувшись поздно вечером на Савеловский вокзал, Кедрин взял такси и поехал на Ленинградское шоссе. Возле одной из коммерческих палаток, где имела пара уличных столов под зонтами, царило веселое оживление, отличавшееся непередаваемо циничным колоритом. Небольшая толпа из примерно двадцати проституток слонялась на пятачке под присмотром трех сутенеров, расположившихся за одним из столов. Несколько девиц «заправлялись» водкой, другие предпочитали баночные коктейли из джина с тоником.

Стоило какой-либо из машин притормозить напротив, как к ней сразу же кидались пять-семь девиц. Следовали недолгие переговоры, избранная путана садилась в салон и уезжала, а остальные возвращались на тротуар.

Минут через пять к Кедрину приблизилась какая-то невысокая невзрачная женщина с бегающими глазами и поинтересовалась: не нужна ли девочка на ночь?

— Нужна, — кивнул Кедрин. — Но только, чтобы у нее была своя квартира. Я — приезжий.

— Нет проблем, — оживилась женщина. — Расценки знаете? Двести долларов за ночь.

Кедрин кивнул.

— Вам какую девушку — брюнетку, блондинку?

— Блондинку.

Ему было абсолютно все равно, но выдавать своего безразличия не следовало.

— Ну, тогда Аня вам вполне подойдет. Сейчас, обождите минутку.

Она отошла к девицам, о чем-то переговорила с одной из них — высокой, худощавой блондинкой в коротком темно-бордовом платье и черном, блестящем, распахнутом на груди летнем плаще.

— Нравится девушка?

Кедрин равнодушно посмотрел на блондинку, которая ответила ему не менее равнодушным взглядом, кивнул и сунул руку в карман куртки.

— Спасибо, — поблагодарила сутенерша, получив от него деньги, и еще успела добавить: — Останетесь довольны.

Константин даже не обернулся. Они подошли к такси, припаркованному неподалеку.

— Куда едем? — весело поинтересовался водитель.

— На «Войковскую», — ответила блондинка.

Всю дорогу Кедрин сосредоточенно молчал, молчала и его спутница. Возле метро машина остановилась.

— Здесь уже недалеко, — сказала девушка, обращаясь к Константину, — только перейти на другую сторону и чуть-чуть пройти.

Он кивнул и расплатился с таксистом.

— А ты чего такой мрачный? — заговорила блондинка, когда они уже прошли метров сто в полном молчании.

— Неважно.

— А как тебя зовут?

— Константин.

— А меня — Аня. Нам сюда, направо.

Они вошли в полутемный подъезд, и Анна зазвенела ключами, доставая их из кармана плаща.

— Смотри, только на моего котенка не наступи, — улыбнувшись, предупредила она.

— Ты живешь на первом этаже?

— Да, а что?

— Ничего.

Разумеется, об этом стоило узнать заранее! Последний этаж был бы гораздо предпочтительнее, но да что теперь об этом говорить. Переступив порог и не обращая внимания на маленького серого котенка, радостно теревшегося о руки присевшей на корточки хозяйки, Кедрин прошелся по квартире. Одна комната и кухня, окна зарешечены, выходят на другую сторону дома, во двор, заросший кустами. Не квартира, а готовая ловушка! Любой, даже самый тупой опер, прежде чем звонить в дверь, обязательно спрячет в кустах под окнами дюжину «серых шапочек».

Впрочем, чего он опасается? Ну, кто может знать, что он здесь? А ему и надо-то отсидеться всего один день и две ночи...

— Ну как, тебе у меня нравится? — оставив котенка в покое и сняв плащ, спросила Анна.

— Я в Москве проездом, — заговорил Кедрин, поворачиваясь к ней и доставая из кармана деньги. — Тысяча баксов — и я до послезавтра живу у тебя?

— Хорошо, — обрадованно кивнула блондинка, проворно принимая из его рук десять стодолларовых купюр. — А ты очень даже милый, хотя и немного мрачный. Ну что, приготовить тебе что-нибудь поесть?

— Готовь.

Она ушла на кухню, а Кедрин опустился в кресло и, тяжело вздохнув, вытянул ноги. Вскоре Анна вернулась, неся тарелки с закусками. Они выпили шампанского и немного поговорили — точнее, говорила только она, а он отделялся односложными фразами. Константин выпил всего один бокал, а остальное пришлось на долю Анны.

— Давай ложиться, — вздохнула девушка, когда бутылка опустела. — Может, ты такой мрачный потому, что устал, а завтра будешь поразговорчивее?

Константин слабо усмехнулся и пожал плечами.

Пока она убирала со стола и гремела посудой на кухне, он разделся, погасил свет, лег на спину, заложив руки за голову, и моментально заснул.

Разбудил его звук телевизора. Было уже утро, и Анна, проснувшись, первым делом включила его.

— Выключи немедленно! — резко приказал Константин.

— А что такое? — удивилась она.

— Ничего, просто не люблю телевизор, — чуть спокойнее ответил он и вновь взорвался: — Выключи, тебе говорят!

На экране в тот момент пошла заставка новостей, и он вдруг испугался, что снова увидит безжизненное тело приятеля.

— Да, пожалуйста. — Анна щелкнула выключателем. — Но ты все же странный. Ладно, я пойду готовить завтрак, а ты пока можешь сходить в душ.

Завтрак прошел в молчании — Константин напряженно раздумывал, а Анна, словно устав от попыток наладить с ним дружеские отношения, вела себя сдержанно и сухо.

— Ты не могла бы выполнить одну мою просьбу? — прервав долгое молчание, наконец, заговорил он. — Я заплачу еще двести баксов.

— Ну, за двести баксов, наверное, смогла бы. А что за просьба?

— Надо съездить в туристическую фирму на Таганке и взять мой авиабилет. Я завтра улетаю.

— И все?

— Еще хорошо было бы заехать в магазин и купить мне приличный костюм.

— Как, без примерки?

— У меня стандартный размер.

— Как скажешь. А сам что будешь делать?

— Отсыпаться, я плохо спал ночью, — солгал Кедрин.

— Неужели я так храпела? — с притворным ужасом спросила она.

— Есть немного. Собирайся, а я пока позвоню в фирму, предупрежу.

Анна пошла в ванную одеваться и краситься, а Кедрин пересел за письменный стол и снял телефонную трубку.

— Туристическая фирма «Альянс», добрый день.

— Я купил у вас путевку в Турцию и сегодня должен заехать за билетом, завтра вылет.

— Простите, а на чью фамилию?

— Куликов. — Один из его паспортов был на эту фамилию.

— Да, есть такой. Приезжайте, мы вас ждем.

— Я сам не смогу, очень занят. Заедет моя... секретарша. Это возможно?

— Минутку, — замялся вежливый женский голос. — Я сейчас узнаю... Алло, вы меня слышите?

— Слышу.

— Пусть приезжает. Только пусть возьмет свой паспорт, чтобы не было никаких недоразумений. Как ее фамилия?

— Секунду, сейчас уточню.

Кедрин положил трубку и постучал в дверь ванной.

— Как твоя фамилия?

— Васнецова, а что?

— Паспорт не забудь.

Он вернулся к телефону.

— Ее фамилия Васнецова.

— Хорошо, мы будем ее ждать.

...Выйдя на Ленинградское шоссе, Анна остановила машину и поехала на Таганскую площадь. Несмотря на мрачность, неразговорчивость и все странности ее клиента, он ей нравился. В нем ощущалась настоящая, неподдельная мужественность. В сочетании с загадочностью и сдержанностью, это производило сильное впечатление. А судя по тому, как легко он «отстегивал» ей все новые и новые сотни долларов, клиент был просто набит деньгами.

Доехав до Таганки, Анна расплатилась с шофером и пошла искать туристическую фирму «Альянс». Благодаря точному и подробному описанию Константина, она почти сразу же нашла нужный подъезд.

Поднявшись на второй этаж, Анна толкнула дверь с табличкой фирмы, прошла по коридору, увешанному красивыми плакатами с видами европейских столиц, и, свернув направо, оказалась в приемной, где сидела симпатичная секретарша.

— Здравствуйте. Моя фамилия Васнецова, я приехала за авиабилетом. Вам час назад звонили...

— Да-да, я помню, — сразу откликнулась секретарша, вперив в нее чересчур любопытный, как показалось Анне, взгляд. — Билет заказан на фамилию Куликов?

— Да.

— Пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату, там уже все приготовлено.

Анна пожалала плечами, повернулась и, негромко постучав, открыла дверь. При виде двух милицейских мундиров у нее сразу же упало сердце. Они ее ждут? Но откуда они узнали, что она живет без прописки?

— Добрый день, проходите, пожалуйста, — вежливо пригласил ее какой-то мужик в штатском. — Моя фамилия Прижогин, Леонид Иванович. Могу я взглянуть на ваши документы?

«Начинается!»

— Я... я, кажется, забыла паспорт дома, — краснея и трепеща, пролепетала она, роясь в своей сумочке и боясь поднять глаза. — А... а что случилось?

— Вы не волнуйтесь, присаживайтесь, мне надо задать вам несколько вопросов. Не нашли паспорт?

Она без сил опустилась на стул, подставленный милицейским лейтенантом, оставшимся стоять за ее спиной, и отрицательно покачала головой.

— Ничего страшного, — заметил следователь, — проедем к вам домой, и там вы нам его покажете... Давно вы знакомы с Куликовым?

— Недавно, — облизнув пересохшие губы и откашлявшись, ответила Анна. — А что?

— Когда и где вы познакомились?

— Познакомились вчера вечером, когда я гуляла в парке у метро «Войковская».

— Вы там живете?

Анна кивнула.

— И что было дальше?

— Я пригласила его к себе, — с легкой запинкой выговорила девушка.

— И он остался у вас на всю ночь? — уточнил следователь.

— Да.

— А где он сейчас находится?

— У меня.

— И как вы с ним договорились?

— Ну как... Я беру билеты и привожу ему... А как еще?

— Значит, он будет ждать у вас дома?

— Ну да, да, а в чем дело?

— У нас имеется серьезное подозрение, что под фамилией Куликов скрывается чрезвычайно опасный преступник... Внимательно взгляните вот на эту фотографию. Узнаете в этом человеке Куликова?

— Да, это он.

— Не ошибаетесь?

— Нет.

— А как он вам представился?

— Константин.

— Да он это, Леонид Иванович! — не выдержал лейтенант. — Вызываем опергруппу?

Прижогин кивнул и снова обратился к испуганной Анне.

— Скажите, а вы вчера вечером или сегодня утром не смотрели телевизор? Фотографию этого человека неоднократно показывали в новостях. Его опознали сотрудники туристической фирмы, в помещении которой мы с вами находимся.

— Нет, не смотрела. Кстати, — обрадованно воскликнула Анна, — я утром включила телевизор, но он приказал мне его выключить!

— Понятно. Значит, он уже знает, что находится в розыске, и не хотел вас пугать раньше времени. Ну, что ж... Вам придется проехать с нами. Но сначала продиктуйте ваш точный адрес...

Проводив Анну, Константин прилег на диван и, чтобы убить время, стал возиться с котенком. Занятие оказалось весьма увлекательным, тем более что котенок, которому было от силы три месяца, проявлял странную для такого возраста солидность и флегматичность. Каждый раз, когда Константин опрокидывал его на спину, котенок нехотя поднимался и пытался соскочить с дивана.

Сначала Кедрин улыбался, но затем, по мере того, как стал перебирать в памяти сегодняшний разговор с фирмой, постепенно начал все больше мрачнеть. Наконец, он оставил котенка в покое и несколько раз прошелся по комнате.

Что же ему не понравилось в этом разговоре? Возможно, всему виной его напряженные нервы, когда малейшая запинка или интонация тут же становятся источником подозрений.

«Подумаю хорошенько, — уговаривал он сам себя, — ведь если бы там была засада, то они бы сказали, что выдадут билет только мне лично».

Впрочем, менты нынче пошли хитрые, да и что может быть проще, чем определить его местонахождение по телефону, с которого он звонил? Неужели он опять совершил непростительную небрежность, поленившись выйти на улицу и позвонить из автомата? В таком случае, зачем ему сейчас сидеть дома, тем более что эта квартира еще вчера показалась ему готовой ловушкой? Стоит подстраховаться и погулять по окрестностям. Найдя удобную точку, он наблюдает за домом со стороны и дожидается Анну. Да, это, пожалуй, лучший выход. Но сколько прошло с момента ее отъезда? Сорок пять минут? Ага, ну тогда ничего страшного, сейчас она еще только ходит по Таганке и ищет фирму.

Константин стремительно собрался, вышел из квартиры и, засунув руки в карманы куртки, пошел по двору. Дойдя до конца дома, он повернул налево, чтобы пройти мимо окон оставленной им квартиры.

Впереди, метров за пятьдесят до него, из-за трансформаторной будки вышли два молодых мужика, причем каждый из них держал в руке по открытой бутылке пива. Они шли навстречу Константину медленно, делая вид, что целиком увлечены разговором, но ему ли покупаться на подобную дешевку? Тем более что острое зрение Кедрина позволило заметить — бутылки были хотя и открыты, но подозрительно полны.

Теперь все его дальнейшие действия должны были строиться на двух началах — невозмутимости и мгновенной реакции. С самым скучающим видом он взглянул на часы, пожал плечами и, повернувшись к переодетым ментам спиной, медленно, вразвалку, двинулся в обратную сторону.

Кедрин даже спиной почувствовал, как менты ускорили шаг.

— Молодой человек, можно вас на минутку?

— Можно, — сквозь зубы пробормотал он, резко высвободив руки из карманов куртки, перепрыгнул через металлическую ограду, огораживавшую пешеходную дорожку, стремительно произведя два выстрела.

Ему удалось опередить только первого из ментов, но второй выстрелил одновременно с Кедриным. Итог этой мгновенной дуэли, которая происходила на расстоянии не более десяти метров, оказался на удивление удачным — из четырех пуль три попали в цель. Первый мент ничком рухнул на асфальт, второй зашатался, держась за простреленное предплечье, но и Константин был задет — сквозь дыру в джинсах, плотно обтягивающих правое бедро, быстро сочилась кровь.

Они еще успели обменяться ненавидящими взглядами, прежде чем повторно нажали на спусковые крючки — и вновь два выстрела прозвучали почти одновременно. Мент, глухо вскрикнув, тяжело рухнул на бок, а Кедрин застонал от резкой боли в левой стороне живота.

Вдалеке, выехав откуда-то из ближайших дворов, показались три милицейские машины. У раненого Константина оставался единственный выход — скрипя зубами и припадая на правую ногу, он бросился в кусты, стремясь поскорее обогнуть дом и вернуться обратно в квартиру. Проклятая шлюха, она его все-таки продала!

Прежде чем скрыться в подъезде, он произвел еще три выстрела навскидку, в ответ на что получил короткую автоматную очередь, просвистевшую над его головой.

Оказавшись у двери и взяв за замок, он обернулся и выстрелил четвертый раз. Ввалившись в квартиру и едва не наступив на котенка, радостно бросившегося ему навстречу, Кедрин захлопнул дверь, заложил цепочку и, привалившись спиной к простенку между кухней и комнатой, со стоном сполз на пол.

— Сдавайся, Кедрин, всякое сопротивление бесполезно! — немедленно заорал мегафон под окнами квартиры. — Товарищи жильцы, просьба не высовываться из окон и отойти от них подальше. Сдавайся, Кедрин, ты окружен.

— Ага, сейчас. — Он приподнялся и выстрелил в окно.

И тут же в квартиру словно влетел стальной ураган — омоновцы яростно палили из автоматов сразу по обоим окнам. Билась посуда, пули щелкали по стенам, с глухим стуком пробивая мебель, а насмерть перепуганный котенок забился куда-то под диван.

Константин ответил еще тремя выстрелами, после чего перезарядил пистолет. Это была последняя обойма, и ее следовало растянуть подольше — ведь это уже не пули, а минуты его жизни. Живым он не дастся, да они и не хотят его брать живым, иначе бы не устраивали такую дикую пальбу в тихом московском дворе в самый разгар дня. Эх, жаль, у него нет гранат, он бы навел здесь шороху!

Самое главное — не потерять сознание от потери крови. Очнуться в тюремной больнице и увидеть над собой торжествующие ментовские рожи — нет, только не это! А кровь все текла и текла, насквозь пропитав и джинсы, и рубашку. Странно, почему она не останавливается — неужели раны так глубоки? Но ведь он сейчас почти не чувствует боли — только сильное жжение...

Услышав в подъезде какой-то грохот, Кедрин прилег на пол и уже из этого положения выстрелил в дверь. Теперь надо считать каждый выстрел, чтобы не ошибиться с последней пулей. Раз.

Так, а теперь громыхнула решетка — кажется, они пытаются зацепить ее чем-то снаружи, чтобы вырвать. Цепляйте, ребята, цепляйте, а это чтобы вам было веселее — два, три.

Еще три выстрела — и все. Впрочем, он уже так устал и ослаб, что вряд ли есть смысл затягивать финал. Теперь он уже держался только усилием воли — это его последний бой, и торопиться ему некуда. Ага, за дверью снова громыхнуло — молотом выбивают замок? Ловите четвертую пулю, ребята.

Снова начали стрелять в окна и что-то орать в мегафон. О, Боже, как же вы мне надоели! Пять. Предпоследней, шестой пулей, посланной дрожащей рукой, Кедрин еще успел свалить омовца, пытавшегося вскочить в окно. После этого бессильно уронил голову на пол, закрыл глаза и вдавил в висок горячее дуло пистолета...

ЭПИЛОГ

— Вам кого, девушка?

Бледный худощавый мужчина со впалой грудью и редкой черной бородой, похожей на кустики омель, удивленно поднял голову из-за компьютера.

— Это... как его, — пробормотала девица, — вы — философ?

— Да, у меня есть философское образование, — подтвердил мужчина. — А что вас интересует?

Юная особа никак не производила впечатления интеллектуалки, взволнованной глобальными проблемами мироздания или смысла жизни.

— А вы — издательство?

— Да, я являюсь главным редактором издательства «Пролегомены».

— Ну, тогда это... меня просили передать. — И она небрежно водрузила на его стол пакет, в котором находилась синяя папка.

— А что это?

— Трак-тор... тьфу, блин, трак-так!

— Тракта? — с усмешкой поправил ее мужчина.

— Ну, да, он самый.

— А о чем?

— А я знаю?

— Ну, а кто автор?

— Один мой друг.

— А почему он сам не пришел?

— Его убили.

На этот раз Евгения даже не пыталась изображать скорбь, поскольку ей хотелось поскорее покончить с последним поручением Славика и выбраться из этого дурацкого издательства на волю, где ее нетерпеливо ждал новый «кадр». Сегодня они собираются махнуть на крутой сейшн, где можно будет славно оттянуться.

— Ну че, я пошла?

— Подождите, а что он вам сказал?

— Че сказал? Ну это... «Когда меня грохнут, отвези эту папку в философское издательство».

— А он кем был — рэкетиром?

— Не, фотографом.

— Да? Ну, ладно. — Мужчина явно не привык иметь дело с подобными способами поступления рукописей, а потому несколько растерялся. — Мы почитаем и решим, как с ней быть. Пакет возьмите.

— А на фига? До свидания! — Круто развернувшись на каблуках, Евгения обрадованно бросилась к двери.

Редактор пожал плечами и аккуратно развязал папку. Сначала он просмотрел оглавление, затем пролистнул несколько страниц и, наконец, заинтересовавшись, углубился в чтение:

«Страх смерти — это ужас познающего бытия перед непознанным, из которого оно вышло и в которое должно неминуемо возвратиться, растворив свое личное бытие в безличном...» □

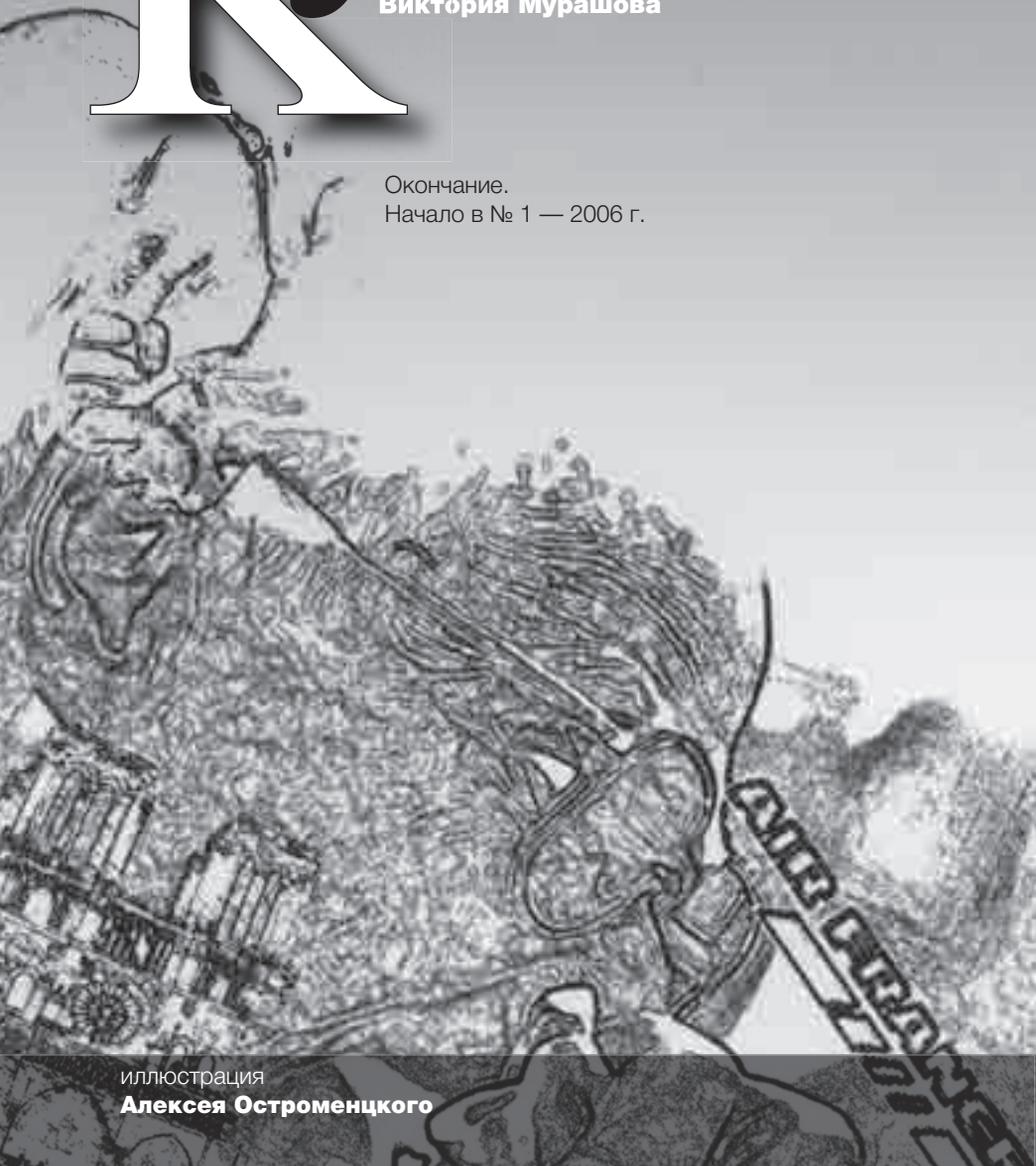
ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ ФАРФОРОВАЯ

Жушла

Виктория Мурашова

Окончание.
Начало в № 1 — 2006 г.

иллюстрация
Алексея Остроменцкого

Просыпаться не хотелось отчаянно. Она боялась, что все это опять окажется только сном — ее встреча с Андреем, их страстное примирение, тихое утро, когда она спит, а он смотрит на нее и думает... О чем он думает?

Скорее всего, о том, что никуда строптивая девчонка не делась: помыкалась-помыкалась в институте, возможно, даже на вечернем отделении, поменяла пару-тройку богатеньких любовников, и один из них привел ее на парадный прием «к самому Лодзиевскому». Тем более что Ады Николаевны вот уже год, оказывается, нет в живых.

Если бы только Жанна знала об этом! Она сумела бы обставить встречу с Андреем совсем по-другому. Да, собственно говоря, она и планировала ее как встречу двух старинных знакомых, почти деловую встречу с легким налетом романтизма от общих воспоминаний. Но грозной Ады уже нет, а противостоять обаянию Андрея она, разумеется, не смогла.

Или — не захотела?

Тогда она была влюблена в него, как кошка. Отдать ему невинность было для нее не подвигом, не хорошо рассчитанным поступком и даже не жертвой, а естественным желанием слиться со своим кумиром в единое целое. Она и подумать не могла о том, что на следующее утро пойдет разговор о свадьбе. Какая свадьба? Кто он и кто она? Таких сказок в жизни не бывает, просто потому, что это все-таки сказка.

По-видимому, Андрей действительно влюбился в нее по уши. Будь ей уже восемнадцать, они бы в то же утро пошли подавать заявление. Но дня рождения ждать нужно было еще три месяца. Или получить у мамы письменное согласие на брак. А она, конечно, немедленно схватится за сердце: как можно выходить замуж на следующий день после знакомства?! Не говоря уже о том, что ложиться в постель через несколько часов после оного... н-да. Мама точно не переживет подобного легкомыслия, не так она единственную дочку воспитывала.

Единственным светлым пятном в новом доме Жанны была Алевтина — то ли домработница, то ли няня, то ли домоправительница. Она девчонку, кажется, жалела и всячески подготавливала к встрече с будущей свекровью, возвращения которой из санатория Жанна боялась просто панически.

— Да не съест она тебя, — смеялся Андрей. — Ну, напустит на себя ледяной вид, помолчит для приличия с недельку, а потом все наладится, вот увидишь. Она еще будет тебя на свадьбу одевать, уверен. В принципе, она добрая, только зашнуровала сама себя в какой-то воображаемый корсет. Аристократка...

— Она дворянка? — робко спросила Жанна.

— Поднимай выше. Она — Лодзиевская! Все остальные аристократы не достойны даже рядом с ней стоять. Правда, это она после папиной смерти чудить начала, при нем вела себя очень тихо. Ну, да у папеньки не забалуешь. Любил он ее — да, безмерно, но порядок в доме установил железный: раз и навсегда. Завтрак — в столовой с накрахмаленными салфетками, ужин — при свечах. И никаких шлепанцев и халатов, он их на дух не переносил. Кроме парадного, конечно: шелковый, с простроченными лацканами, с витым поясом. Смотрела фильм «Монте-Кристо» с Жаном Маре? Точь-в-точь такой.

Жанна только головой кивала. Фильм она не смотрела, знаменитый роман Дюма прочитать как-то не успела, у ее поколения были другие интересы и другие кумиры, а у нее, ко всему прочему, — страсть к рисованию и легке, и вообще, ко всяким рукоделиям. За пару часов она могла из нескольких никчемных тряпокшить пару красивых прихваток для кухни в комплекте с фартуком, а за пару дней — модное платье для Алевтины, которая и сама неплохо шила, но за Жанной угнаться не могла.

Те две недели промчались, как волшебный сон. Андрей все-таки познакомился с ее матерью, быстро очаровал и ее, убедив, что они с Жанной поженятся сразу после ее совершеннолетия, да и сейчас фактически — муж и жена, так что все прекрасно. Без конца покупал Жанне какие-то подарки: модные джинсы, курточки, колечки, водил по ресторанам, показал свое святая святых — мастерскую.

— Сейчас у меня очень кстати небольшое затишье в делах, — сказал он Жанне. — Но учти, иногда я неделями домой прихожу только сорочку сменить. Если заказ интересный, а клиент дает полную свободу действий... Но пока я весь твой, нам просто здорово повезло в этой жизни.

На следующий же день везение кончилось. Андрею позвонили с утра пораньше — и он умчался на встречу с заказчиком. Жанна же оказалась предоставленной сама себе — и очень кстати. У нее из головы вылетело, что вот-вот начнется летняя сессия, и нужно готовиться к нескольким экзаменам, в том числе и по не слишком любимым ею предметам.

Она напрасно волновалась. Добрые вести, как и злые, не лежат на месте, и о том, что неприметная первокурсница стала возлюбленной самого Андрея Андреевича Лодзиевского, очень скоро знал весь институт. В близкую свадьбу не очень-то верили, но любовница или невеста — принципиальной разницы никто не видел. Преподаватели отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы портить отношения с влиятельным в своей области человеком из-за какой-то девчонки. Так что, экзамены, фактически, превратились в чистую формальность. А гадкий утенок, который на самом деле никогда гадким и не был, за несколько дней превратился в прекрасного лебедя.

Такие вещи женским коллективом обычно не прощаются. Тем более что новую Жанну нельзя было опекать, дарить ей початую помаду и надоевшую сумку, а также небрежно платить за ее чашку кофе в студенческой столовой. Подруги, даже близкие, к любованию бывшей Золушкой обычно как-то не очень склонны.

Немного поддерживала Алевтина, но было видно, что она не совсем уверена в конечном результате этой авантюры. Да и по части хороших манер вряд ли могла быть особенно полезна: у нее самой была многолетняя повадка отлично вышколенной прислуги. На свою беду, Жанна кое-что из этого переняла, потом, конечно, раскаялась, но уже поздно.

Хотя комната Андрея была в полном ее распоряжении, уютно себя Жанна не чувствовала. Эти хоромы не были ее домом, а милые пустячки странно смотрелись в интерьере рафинированной холостяцкой спальни. Если бы Жанна осмелилась, она бы сменила темно-серые плотные гардины на прозрачный тюль, благо напротив никаких строений с окнами не было, а солнце появлялось в комнате только на закате.

Вместо тусклого старинного ковра ручной работы положила бы ковровое покрытие более веселого тона, например, бежево-золотистое, а широкую тахту украсила бы не классическим шотландским пледом, а гладким, тоже золотистым или бежевым, и беспорядочно разбросала бы по этому полю множество разноцветных подушек.

Она хотела было вытащить из кладовки старинный туалетный столик розового дерева со слегка потускневшим зеркалом в серебряной оправе, и даже подбила на эту авантюру Алевтину, но ей самой мгновенно стало понятно: изысканная принадлежность дамского будуара «не срастается». Это чудо в небольшую комнатку бы с обоями под шелк, с креслицами и пуфиками, тоже обитыми шелком, с пушистым ковром светлых тонов...

Но такой комнаты в огромной квартире не было. Был строго-мужской кабинет покойного Андрея Анатольевича со старинной мебелью красного дерева и необъятным письменным столом, крытым зеленым сукном. Была спальня Ады Николаевны, выдержанная в перламутрово-матовых тонах и отличающаяся той простотой, для создания которой требовались немалые деньги и хороший вкус.

Но... Это могла бы быть спальня Снежной Королевы или Ледяной Девы. Яркий ковер на полу спасал положение лишь частично, как и сидевшая в небольшом кресле возле окна кукла. Яркая брюнетка в изумрудном платье эпохи Наполеона, с золотым шарфиком и в золотых туфельках-котурнах на миниатюрных ножках. Ручки по локоть затынаты в крохотные перчатки из настоящей лайки. А фарфоровое личико — смуглое, с матовым, чуть заметным румянцем, освещали необыкновенной красоты зеленые глаза: точно два изумруда в оторочке длинных ресниц.

— Какая красавица! — ахнула Жанна, увидев это произведение искусства в первый раз. — Просто маленькая дама.

— Этой маленькой даме, — ворчливо заметила следовавшая за ней по пятам Алевтина, — лет двести, а то и с хвостиком. Старина необычайная. Ада Николаевна держит ее за семейный талисман и бережет пуще глаза. Упаси Бог, к ней притронуться.

— Это кукла ее бабушки?

— Это — кукла прабабушки Андрея Андреевича, — фыркнула Алевтина. — Их сиятельство собственную родословную так в мужнее происхождение закопали, что сами забыть изволили, кто есть кто. Впрочем, сама увидишь, скоро пожалует. Пошли пока отсюда, от греха-то подальше.

— А за той дверью что? — поинтересовалась Жанна, указывая в противоположный от входной двери угол.

— Туда нельзя. Там — мастерская Ады Николаевны, даже меня не допускает, а ключ всегда с собой возит. Уж что там за тайны — не знаю, врать не буду, но хранит она их... Может, конечно, Андрей знает, но и то — вряд ли. Вот тут, за стеной, — ее туалетная комната, дверь потайная, со стеной сливается. Так туда можно войти совершенно спокойно, только без хозяйки. Там я уборку делаю, горничную не допускают.

— Эскуриал какой-то, — пробормотала Жанна. — Видели бы вы, как мы живем...

— Догадываюсь, — усмехнулась Алевтина. — Как все нормальные люди, в однокомнатной квартире. Мама — на кушетке, тебе на кресле раскладывают. Правильно?

— Откуда вы знаете? — растерялась Жанна.

— Андрей рассказал, откуда же еще? Он таких квартир, как у тебя, давненько не видел... Ну все, пошли отсюда, не люблю я тут долго находиться. Мне еще нужно серебро достать, распорядиться, чтобы вычистили, да хрусталь перемыть и перетереть. Через два дня мадам возвращается, а через три — очередной прием. Крутись тут, как хочешь, главное, чтобы ее драгоценные традиции соблюдались.

Андрей же, казалось, напрочь забыл о том, что от приезда его мамочки очень многое зависит. Он приходил из мастерской серый от усталости, наскоро проглатывал ужин и падал в постель. Жанна не обижалась: работа есть работа, к тому же, он ее предупредил. Но чем ближе был «день X», тем страшнее ей становилось, внутри все дрожало противной мелкой дрожью.

Последний экзамен она сдала буквально в полубреду и, вместо того, чтобы отправить-ся домой, поехала к Андрею в мастерскую. Там ей сообщили, что маэстро отбыл встречать свою матушку в аэропорт уже часа два назад, и сейчас они либо уже дома, либо по дороге к нему. Жанна посидела в уличном кафе, выпила три или четыре чашки кофе, даже купила пачку сигарет и весьма неумело закурила.

Но она прекрасно понимала, что тянуть время до бесконечности нельзя: экзамен рано или поздно должен закончиться, и Андрей ждет ее дома. Туда она и побрела, еле переставляя ноги и стараясь не думать о том, что произойдет в самом ближайшем будущем.

Своих ключей у нее пока еще не было: дверь ей открыла Алевтина. Жанна сразу заметила в прихожей два элегантных чемодана светлой кожи и большую черную шляпу с широкими полями на подзеркальнике. Да и выражение лица Алевтины было достаточно красноречивым. В это время в прихожую вышел Андрей.

— Как экзамен? — спросил он, целуя ее.

— Нормально, — вымученно улыбнулась она. — Теперь я второкурсница.

— Замечательно! Ты поешь пока что-нибудь, мама отдыхает после дороги. Познакомитесь за ужином.

Жанну точно холодной водой окатили.

— Но я думала...

— Мама никогда не меняет своих привычек. Но я о тебе еще не рассказывал, хочу сделать ей сюрприз по полной программе.

— Ты уверен?..

— Абсолютно! Не трусь, малыш, она детей не ест. Просто будь сама собой, вот и все. Она же прекрасно понимает, что рано или поздно я бы женился, даже сама меня пыталась знакомить. Но я ждал тебя...

Эти слова подействовали на Жанну волшебным образом. Действительно, всем женщинам рано или поздно приходится встречаться с будущей свекровью. И если ей выпало на долю стать невесткой знаменитой Ады Николаевны Лодзиевской, то надо благодарить судьбу, а не трястись от страха.

Ужин был накрыт в столовой. Когда Андрей с Жанной вошли туда, Жанна на секунду даже зажмурилась от нестерпимого блеска серебра и хрусталя, освещаемых двумя большими канделябрами с горящими свечами. За столом на месте хозяйки сидела молодая черноволосая женщина с гладко причесанной головой, пронзительными темными глазами и великолепным цветом лица. Одета она была в черное бархатное платье, как потом узнала Жанна — парадно-домашнее.

— Мама, — сказал Андрей, — познакомься, пожалуйста. Это моя невеста, то есть фактически уже жена. Ее зовут Жанна.

Женщина не шелохнулась, только пристально рассматривала Жанну, медленно переводя глаза с распущенных по плечам черных волос до джинсов и сандалет на босу ногу. Особой приязни в ее взгляде Жанна не ощутила и поняла, что сделала большую ошибку, когда послушалась совета Андрея и осталась «сама собой».

— Здравствуйте... Ада Николаевна, — пролепетала она, заглупевшая этим немигающим взглядом.

Женщина чуть наклонила голову, но осмотр не прекратила, лишь спустя целую вечность, как показалось Жанне, разжала полные яркие губы и сказала, обращаясь к Андрею:

— Как это понимать, друг мой? — Голос был холоден и негромок, но в нем отчетливо позвякивали льдинки.

— Я же сказал, мама. Это — Жанна, моя невеста. Когда ей исполнится восемнадцать, мы зарегистрируемся.

Жанна машинально отметила, что слов «фактическая жена» он уже не произносил.

— И она живет в моем доме?

— В нашем, с твоего позволения, — начал было заводиться Андрей, но его тут же осадили, причем довольно резко.

— Вот именно, с моего позволения. Что-то я не припомню, чтобы позволяла тебе приводить в наш дом уличных девиц.

— Мама!

— Девушка, которая соглашается жить с мужчиной до брака... Или я ошибаюсь, у вас чисто платонические отношения? Тогда я готова извиниться...

— Ты не ошиблась, мама. Но я прошу тебя всего лишь познакомиться с моей невестой. Я выбрал ее, я ее люблю, остальное — не важно.

— Сколько времени вы знакомы?

— Через сколько дней после знакомства ты вышла за папу?

— Тогда были другие времена, — поднимаясь из-за стола, произнесла Ада Николаевна. — Или сейчас — другие. Хорошо, оставим это. Меня зовут Ада... Аделаида Николаевна, милочка.

— Я — Жанна, — пролепетала та, робко прикасаясь к протянутой ей холодной руке. — Очень приятно.

— Садитесь. Не будем ломать традиции, принятые в этом доме. Андрей, приступай к своим обязанностям. Говорить можно и за трапезой.

Ада Николаевна снова уселась на свое место, а Андрей нажал кнопку звонка и коротко приказал появившейся горничной:

— Начинайте подавать.

Этот ужин Жанна впоследствии вспоминала, как кошмарный сон. Говорила почти исключительно Ада Николаевна, рассказывала о том, как провела месяц на знаменитом курорте Спа. Вскользь упоминала имена знаменитостей, с которыми там общалась, мимохо-

дом сообщала о некоторых покупках. Но Жанна все время чувствовала на себе пристальный взгляд, отчего то и дело роняла то вилку, то нож, то делала какой-то промах в застольном этикете. В общем, экзамен на хорошее воспитание она, судя по всему, провалила.

А когда встали из-за стола и перешли к камину, начался второй экзамен: на происхождение. Это оказалось еще тягостнее, чем застольные конфузы.

— Чем занимаются ваши родители, милочка? — осведомилась Ада Николаевна.

— Мама работает в гостинице. Дежурной...

Брови ее собеседницы изумленно приподнялись.

— А отец?

— Я не знаю... — пролепетала Жанна.

— Ваши родители в разводе?

— Я не помню своего отца. Никогда его не видела.

— Он так рано умер?

Только изощренный слух Андрея мог подметить в этой реплике ядовитый сарказм.

— Ты ведь тоже не помнишь своего отца, мама, — попытался он вмешаться.

— Мой отец пропал без вести, — отчеканила та.

Понимай — на фронте. При том, что выглядит она ничуть не старше собственного сына, фраза довольно двусмысленная. А если знать, сколько ей лет на самом деле, — какой фронт? Но задавать уточняющие вопросы при этом мог только бестактный хам, а таких в доме не водилось, таких не принимали.

— Мои родители не были женаты, — тихо сказала Жанна.

— Понятно, — милостиво кивнула Ада Николаевна. — В последнее время это модно, любовь без брака. Жаль только, что дети страдают.

— Мама, ты...

— Я только хотела выразить надежду, что вы не будете торопиться с детьми. Жанне для начала надо получить образование...

— Жанна перешла на второй курс института! Архитектурного, между прочим.

В глазах Ады Николаевны на мгновение мелькнула искорка неподдельного интереса. Жанна поняла, что это пока единственный ее плюс в глазах будущей свекрови. Даже не плюс, а намек на кро-о-хотный плюсики. Что ж, лиха беда начало.

— Надеюсь, ты не ее преподаватель? — поинтересовалась Ада Николаевна.

— Я читал на их курсе несколько лекций всему потоку.

— А где вы познакомились?

— В институте, — пожал плечами Андрей. — Ты не заметила, что внешне Жанна очень на тебя похожа?

— Что-о?

Жанна поняла: одной этой фразой Андрей испортил все, что, казалось, только-только начинало достигаться. Чтобы ее, Аделаиду Николаевну Лодзиевскую, признанную, голубых кровей, красавицу московского бомонда сравнили с какой-то безродной девчонкой? Да это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

— Я хотел сказать, что мне всегда нравились смуглые брюнетки с темными глазами, — поторопился исправить свою оплошность Андрей. — И ничего больше.

— Ах, ну, если в этом смысле... — Ада Николаевна была слишком светской дамой, чтобы устраивать крупные разборки полетов в первый же вечер.

Расстались мирно, правда, потом Жанна долго рыдала на плече у Андрея и причитала, что не понравилась его матери, что она ни за что не позволит им пожениться, и вообще, ей страшно. Андрей ее точку зрения разделял лишь частично.

— Конечно, она с большими странностями, — тихо говорил он, поглаживая Жанну по плечам и спутанным волосам, — но постарайся ее понять. Давно овдовела, единственный сын, никаких любовников...

— Ты уверен? — на секунду перестала всхлипать Жанна.

— Не только я. Мама в этом плане безупречна. И вдруг мы с тобой, как снег на голову: здравствуй, мамочка, мы женимся! Она, естественно, нервничает...

Жанна покачала головой с огромным сомнением. Меньше всего Ада Николаевна производила впечатление нервной особы, скорее, поражала безупречной, почти ледяной выдержкой. И еще производила впечатление женщины, абсолютно не способной на любовь: ни материнскую, ни какую-нибудь еще.

— Она меня возненавидела, — снова зарыдала Жанна.

— Не преувеличивай. И потом, не в характере мамы нежничать и сюсюкать. Я бы край-не удивился, если бы она бросилась тебе на шею с воплем: «Доченька! Наконец-то!» И внуков нянчить она никогда не мечтала. Не дозрела еще до этого возраста.

— А сколько ей лет на самом деле? — спросила Жанна.

— Только тебе скажу: ровно на девятнадцать больше, чем мне.

— Ей что — сорок семь?!

— Ну да. Только не болтай об этом на каждом углу, хотя, в принципе, сложить два числа и получить нужную сумму не так уж и сложно.

— Но она выглядит не старше тебя!

— А это ее хобби: быть вечно молодой и прекрасной. Вот и поучись у нее, поспрашивай рецептики всякие, подлизись немного. Она любит рассуждать о том, что нужно по утрам обтираться льдом с ног до головы, и тому подобное.

— Льдом? — с ужасом переспросила Жанна. — Да я бы умерла в первую же секунду.

— Как видишь, от этого не умирают. Ну, у нее еще диета какая-то, точно не знаю, мы с ней об этом мало разговариваем.

— К внукам она точно не готова, — мрачно проговорила Жанна. — И никогда не будет готова, если не произойдет какое-нибудь чудо.

Она, наконец, заснула, а Андрей тихонько вышел и отправился в свой кабинет. Ему позарез нужно было выпить чего-нибудь покрепче, чтобы согреться после «теплого» приема мамули.

Он зажгет настольную лампу, достал из мини-бара в стенке бутылку кем-то подаренного бренди, налил себе большую рюмку и... поперхнулся первым же глотком. С дивана, стоявшего в дальнем конце комнаты, раздался негромкий голос:

— Ты уже выпиваешь в одиночку? Поздравляю.

Матушка в каком-то немислимо-элегантном шелковом халате графитово-черного цвета с серебряными проблесками сидела очень прямо, положив ногу на ногу, и рассматривала Андрея с каким-то удивлением, точно незнакомого человека.

— Я так и думала, что ты сюда придешь, — продолжила она, не обращая внимания на реакцию сына. — Все-таки мы очень давно знакомы...

— Почему ты не спишь, мама? — осведомился Андрей, ощущая знакомую с детства робость. — Что-нибудь не так? Болит что-то?

— У меня ничего и никогда не болит, — отрезала Ада Николаевна. — Во-первых, я поспала в самолете, а во-вторых... Ты считаешь, что все так? По-твоему, именно так должно было произойти мое знакомство с твоей будущей женой? Твой бедный отец наверняка перевернулся в гробу...

— К сожалению, не могу взять с него пример. В смысле, ему не пришлось знакомить тебя со своей матерью. Иначе я бы знал, как это делается в аристократических домах.

— Во всяком случае, не так, как это сделал ты. Твой отец сначала отвел меня в загс, а потом уже привел в свою спальню. И мы с ним познакомились не на улице. Впрочем, возможно, у твоей девушки это в обычае — так ловить кавалеров...

— Мама! Я — первый мужчина у Жанны...

— Это еще не дает гарантии, что будешь последним и единственным. Девушка, которая в первый же вечер знакомства ложится с мужчиной в постель... Впрочем, возможно, это твой идеал — уличная потаскушка. Жаль, мы с отцом стремились привить тебе несколько иные вкусы.

— Мама, как только ей исполнится восемнадцать, мы поженимся. Мы можем даже раньше, ее мама готова дать письменное согласие...

— Что за пожар? Она беременна?

— Мама, мы знакомы две недели. О какой беременности может идти речь?! Тем более, она была девушкой, я же тебе говорил...

— Как раз девушки быстрее всего беременеют. Я понесла тебя в первые же дни после замужества.

— Вот видишь...

— Что я должна видеть? Что тебя подцепила смазливая сопливая девчонка, как ты утверждаешь, похожая на меня. Да, согласна, тип тот же, и мне даже несколько льстит твой вкус. Но...

— Но — что?

— Но спать вместе — это одно, а стать членом нашей семьи — совершенно другое. Ты подумал о том, как будешь знакомить ее с нашими друзьями? Да у нее манеры приютского ребенка.

— Манеры — дело наживное, — тихо произнес Андрей, уже понявший, что «малой кровью» дело не обойдется. — Если бы ты взяла на себя труд...

— Стать гувернанткой, — ехидно закончила мать. — И не мечтай, своих дел по горло. Но, возможно, она освоит их сама. Возможно, продолжит обучение в институте. Тогда можно говорить о браке.

Уже легче! Хоть не поставила перед выбором: или она, или я, чего Андрей больше всего боялся.

— Прошу только, не торопитесь с детьми. Иначе, на ее образовании можно будет поставить крест, и ты получишь жену-домохозяйку с куриным интеллектом. Уж поверь моему жизненному опыту. И к гостям я ее пока не выпущу, не взыщи. Не хватало мне еще на старости лет краснеть за выбор моего сына...

— Мама, — рассмеялся Андрей, — о какой старости речь? После отдыха ты стала еще моложе и красивее. Женихи замучают...

Легкая самодовольная улыбка мелькнула на губах Ады Николаевны. Дифирамбы ее красоте и молодости — вот единственная тема, которая ее всегда по-настоящему занимала и на которую она могла беседовать часами. Плюс, конечно, ее творчество, то есть ее талантливость и самобытность. Остальное Аду Николаевну практически не интересовало.

По большому счету, ей было наплевать, на ком женится Андрей и женится ли вообще. Она панически боялась последствий этого брака — появления детей. Или даже одного ребенка. Ведь ей предсказали, что она умрет через восемь лет после рождения своего первого внука. И приближать эту дату ей ни в коем случае не хотелось.

Более того, знакомя сына с той или иной «подходящей» девушкой, она прежде всего дотошно выясняла, способна ли та выносить и родить ребенка. Если ответ медиков был отрицательным — она приглашала девушку в гости. Конечно, чудеса бывают всякие, риск оставался, но его необходимо было свести к минимуму.

— Спокойной ночи, сын, — величественно, как всегда, произнесла Ада Николаевна. — И помни, что брак — это на всю жизнь. Разводы в нашей семье не приняты.

Жанна никогда не узнала об этом разговоре. Андрею показалось оскорбительным говорить своей любимой девушке, что у нее не те манеры, которые могут понравиться его матери, и что с детьми придется повременить. Возможно, совет был мудрым, но несколько запоздалым: две прошедшие недели они оба меньше всего думали об осторожности. Точнее, Андрей забыл обо всем на свете, а Жанна, в общем-то, понятия ни о чем таком не имела.

А потом... Андрею предложили на три месяца уехать в Америку, читать лекции в престижном университете. Отказаться он не мог, как не мог и взять с собой Жанну — она не была его законной женой, а в Америке взгляды на некоторые вещи были весьма пуританскими. В принципе, он не мог и оставить ее с матерью, потому что одному Богу было известно, чем все это может закончиться. Но Жанна проявила неожиданную смелость и упрямство и пылко заверяла своего жениха, что к его приезду все образуется, и Ада Николаевна, наконец, смирится с фактом ее существования.

Андрей уехал с тяжелым сердцем, но он слишком любил свою работу, чтобы отказаться от столь заманчивого предложения. А через две недели после его отъезда Ада Николаевна решила на самую настоящую авантюру, чтобы избавиться от «подкидыша». Она хранила все письма, полученные от сына на протяжении всей его сознательной жизни, и были в этой «коллекции» весьма интересные экземпляры, один из которых мог сейчас оказаться очень кстати.

Риск был велик, но в случае удачи победа — стопроцентная. На помощь был призван верный Иван Иванович, которого поставили перед недвусмысленным выбором: либо он помогает в задуманном деле, либо на продолжение дружбы с Адой может не рассчитывать. Фактически, выбора у него и не было...

Когда Андрей вернулся в Москву, Жанны он там не застал, а мать ледяным тоном сказала, что девушка, по-видимому, вошла во вкус вольной жизни, поскольку даже ночевать не всегда являлась, а недавно и вовсе исчезла, прихватив вместе со своими вещами кое-что «на память». Ерунда, три тысячи долларов. Но осадок, естественно, остался.

Уязвленный и оскорбленный, Андрей еще пару месяцев пытался забыть Жанну, даже старался как можно реже появляться в здании института архитектуры. Но потом не выдержал, позвонил. Ему хотелось ясности, и он ее получил. Незнакомый женский голос ответил ему:

— Она давно здесь не живет.

Жанна исчезла из жизни Андрея так же внезапно и стремительно, как ворвалась в нее. И это, пожалуй, было самым болезненным.

Глава пятая. Кукольница

Зачем она вернулась? Ностальгия замучила? Вряд ли. Для своих неполных тридцати лет Жанна была на новой родине заметной фигурой. Любовь к Андрею? Первая любовь редко бывает единственной и последней, и от отсутствия мужского внимания Жанна не страдала. Но и не слишком им увлеклась. Так — легкий флирт, приятное времяпрепровождение. Хотела показать, кем стала бывшая замарашка? Пожалуй...

Только вот главный зритель не дождался последнего акта — ушел из зала и из жизни. Черт побери, но ведь она была еще если не слишком молодой, то еще очень нестарой. Время, казалось, вообще не имело власти над Аделаидой Николаевной. И вот уже год, как ее нет...

Кому и что теперь доказывать?

Правда, оставалось выяснить, почему Андрей тогда так трусливо и не по-мужски поступил с ней. Почему предпочел объясняться через посредника, не дождался, когда сам вернется из Америки. И почему потом не искал ее? Слишком долго она ломала себе голову над этими вопросами, чтобы отказаться от единственного шанса получить на них ответ.

Накануне, увидев ошеломленно-счастливое лицо Андрея, поняв, что он ее не забыл и по-прежнему любит, она подалась первому порыву и буквально упала в его объятия. Все окружающие точно исчезли, во всяком случае, их присутствие или отсутствие не имело ни малейшего значения. Даже Иван Иванович, к которому у нее тоже были кое-какие вопросы, отошел на задний план.

Она видела перед собой синие глаза Андрея, она снова наслаждалась его близостью, и ей снова было почти восемнадцать. Но эта волшебная ночь закончилась, нужно возвращаться к будням. И чем скорее они все разъяснят, тем легче и спокойнее ей будет жить дальше... Пора просыпаться.

Андрей смотрел, как дрогнули ресницы, приподнялись, потом глаза распахнулись во всю ширь. Жанна... Вот теперь он обязательно спросит ее, почему она так внезапно и даже подло оставила его, что значили мамыны намеки на какие-то прихваченные сувениры, и вообще, решит эту многолетнюю загадку. В свое время она то ли околдовала его, то ли опоила волшебным зельем, он так и не понял. Но пришло время расколдовываться и избавиться от этого прекрасного наваждения.

— А кофе в этом доме дают? — с легкой насмешкой спросила Жанна.

— Сейчас я принесу нам завтрак. И... Жанна...

— Что?

— Нет, ничего. Я — мигом.

Он действительно обернулся очень быстро, но Жанна за это время успела умыться, подобрать волосы и снова устроиться в постели, прикрыв колени и грудь одеялом.

Кофе, горячие тосты с сыром... будто и не было всех этих лет. Как будто сейчас Жанна начнет собираться на очередной экзамен, а Андрей — в мастерскую.

— Где ты была все это время? — внезапно нарушил молчание Андрей.

— Во Франции, — последовал безмятежный ответ. — В Версале.

— Что ты там делала?

— Сначала училась. Потом стажировалась. Теперь у меня свое маленькое дело. Магазин игрушек «Ретро». Перерываю блошинные рынки, езжу по провинциям, скупаю старые игры и игрушки, реставрирую их. А эксклюзивных кукол делаю сама.

— Эксклюзивных?

— Ну да, из особого фарфора, с гибким туловищем и настоящими нарядами. В основном, конечно, придворных и военных разных эпох. Туристы — в восторге.

— Процветаешь?

— Можно сказать и так. Не бедствую. Решила вот посмотреть, нельзя ли договориться о сотрудничестве с какой-нибудь фирмой в Москве.

— Замужем?

— А ты женат?

— Нет.

— Мне показалось, что сегодня я заняла место какой-то сногшибательной красавицы...

— Тебе показалось, — сухо произнес Андрей. — Довольно смазливая девица, не более того. И своего места у нее в этом доме нет.

— Извини.

— Жанна! Почему ты меня бросила? Я до сих пор не могу понять, чем оказался виноват перед тобой.

Вот так — головой в омут. Иначе они будут вести светскую беседу до бесконечности.

— Я? Это ты вынудил меня уйти. Специально уехал в Америку...

— Что значит — специально?

— Через месяц после твоего отъезда этот самый, как его, Иван Иванович, сказал, что Аделаида Николаевна просила его со мной поговорить. Сама она не решилась. Она тогда получила от тебя письмо... В общем, ходила сама не своя. И попросила...

— Какое письмо?

— То, в котором ты уговорил ее извинить тебя от моего присутствия в доме. И сообщал, что не вернешься, пока «эта девица» в нем находится. Что ты совершил ошибку, глупость, у тебя не хватило воли оборвать все сразу, а теперь ты не желаешь сам влезать в объяснения, потому что ненавидишь их...

— Я ничего не понимаю! Я не писал матери такого письма! Я вообще ей тогда не писал — только звонил.

— Но я видела письмо своими глазами! Когда я его прочитала, Иван Иванович сказал, что теперь я все должна решать сама, выбор — за мной, и если я решу уйти, то получу три тысячи долларов и смогу взять все, что захочу. Но я взяла только свои вещи и в тот же вечер сбежала к маме. Даже с Алевтиной не попрощалась. Андрей, что с тобой?

— Тебя обманули, Жанна. Это письмо было написано лет за пять до встречи с тобой. Мать подыскала мне какую-то девицу и решила, что мы должны обязательно зарегистрировать брак. А я ее просто возненавидел с первого взгляда. Но мама поселила ее у нас в доме, и тогда я... сбежал. К друзьям в Питер. Оттуда и прислал это письмо.

— Но почему ты даже не попытался меня вернуть?

— Потому что мне сказали, что ты тайком сбежала, прихватив три тысячи долларов и кое-что по мелочи.

— И ты поверил?!

— Поверила же ты, что я мог написать то письмо. Разве там не было даты?

— Не было. Только твой росчерк.

— Мать все предусмотрела, — пробормотал Андрей. — Она дергала нас с тобой за ниточки, как марионеток, а мы подчинялись. О, она хорошо знала, как управлять людьми! Держуха пари, что дяде Ване она пригрозила отлучением от дома, если он не поможет. А он всю жизнь был в нее по уши влюблен, по пять раз в год руку и сердце предлагал.

— О Боже! — прошептала Жанна. — Как же твоя мать меня ненавидела! Что плохого я ей сделала?

— Ничего. Она испугалась молодой красивой соперницы в доме. Не она тебя выбирала. И...

— И панически боялась стать бабушкой, — завершила Жанна. — Ну, в чем-то она была права, царствие ей небесное.

— Я когда вернулся и узнал... В общем, несколько месяцев была страшная обида. А потом понял, что все равно не могу без тебя, что должен хотя бы знать, почему ты так поступила. Но ты как в воду канула...

— Видишь ли, когда я примчалась домой, мама была не одна. Накануне в Россию приехал мой отец...

— Твой — кто?

— Мой отец. Он — француз, приезжал девятнадцать лет тому назад в Москву на какой-то международный семинар. А мама работала горничной в гостинице, убирала его номер. Ей было чуть больше восемнадцати...

— И он не знал, что у него в Москве ребенок?

— Нет. Он вообще был женат, но у его жены детей не было. А когда он овдовел, его мать заставила его выяснить, что случилось с той русской девушкой, горничной из отеля. Бабушка Марина утверждала, что сердцем чувствует — это обязательно нужно сделать.

— Марина? Это не французское имя.

— А она русская, то есть украинка. Попала в начале войны с новорожденным сыном сначала в Румынию, а потом каким-то чудом — во Францию. Сначала бедствовала, но однажды встретила адвоката, сумевшего помочь ей получить деньги, которые держали в одном из банков родственники ее мужа, уже покойные. Муж остался в Москве.

— То есть твой отец — тоже русский?

— Можно сказать и так. Но гражданство у него французское, образование он получил в Сорбонне, первая жена была француженка. По-русски он, конечно, говорит, но с очень смешным акцентом. Знаешь, когда я его увидела — у меня сердце зашло. Вы с ним очень похожи, только он пожилой уже и не такой красивый. И зовут его Андре.

— Он тебя удочерил?

— Конечно! Он женился на маме и удочерил меня. Получилась нормальная семья с ребенком. Правда, интересно?

— Необычайно, — не без иронии отозвался Андрей. — И как же тебя теперь зовут?

— Жанна Дарси.

— Красиво.

— Нормально, — пожала плечами Жанна. — Но во Франции — это уже что-то. На моих кукол уже делают предварительные заказы.

— Что ты изучала?

— Историю искусств, в основном. И немецкий язык. Немцы написали о фарфоре столько — уму непостижимо.

— Насколько мне известно, во Франции есть свой, севрский.

— Да, есть, и глину я беру такую же, какая нужна для него. Но технология у меня своя. Я ночами не спала, пока, наконец, не нашла единственный подходящий способ. А потом еще пришлось изучать анатомию, потому что мои модели — «движущиеся». Они могут принимать любую позу, а не просто сидеть или стоять.

— Я смотрю, ты настоящим академиком стала. Кукольных дел мастерица. А одежду откуда берешь?

— Сначала мы с мамой и бабушкой Мариной шили. Ездили на блошинный рынок, покупали там лоскуты старинные, чуть ли не лохмотья. Или старые платья из панбархата или гипюра. Теперь у меня две помощницы, все делаем сами: и чулочки, и туфельки, и шляпки, и перчатки. Только парички отдельно заказываем, иначе слишком хлопотно получается, и цена оказывается непомерной.

— И что, кукла целиком фарфоровая?

— Нет, туловище из папье-маше, руки и ноги сгибаются на шарнирах... Господи, да что я тебе на пальцах объясняю! Кукла, которая сидит в спальне у твоей мамы, наверняка именно так и сделана.

— Вижу, что она произвела на тебя неизгладимое впечатление, — усмехнулся Андрей. — Ты даже фасон платья в деталях запомнила.

— У бабушки Марины есть точно такая же, — негромко сказала Жанна. — Только без ожерелья из стразов, оно потерялось...

— Где?!

— Бог его знает! Бабушка не слишком охотно рассказывает об отце своего сына. К тому же, он давно умер. Кстати, мой отец пошел в него — тоже архитектор и довольно известный. Он мне и помогает доставать ингредиенты для фарфора. И мастерскую помог организовать. В общем, я ему всем обязана.

Андрей отвернулся к окну и замолчал, причем надолго. Что-то будоражило его в рассказе Жанны, вызывало какие-то странные ассоциации, но он не мог понять — какие именно. Он вспоминал, как часто перелистывал в отсутствие матери отчего-то запретную для всех старинную книгу о фарфоре на французском языке, которую Аделаида Николаевна хранила в особом тайнике. Только теперь он сопоставил прочитанное отрывками с самими произведениями матери: именно оттуда шли ее «оригинальность» и «самобытность».

Особое предпочтение в определенный исторический период отдавалось цветным глазурям, образующим на изделии оригинальные по цвету и рисунку декоративные сочетания. Вначале стремились получить глазури одного цвета, равномерно покрывающие поверхность. Наибольшей известностью среди них пользовались изделия, покрытые темно-красной глазурью, получаемой из меди и известной в Европе под названием «sang de boeuf» («бычья кровь»).

Особенностью новой подглазурной росписи, обусловленной составом красителей и их изменением при обжиге, стали холодные, блеклые тона, некоторая акварельная размытость, вполне отвечавшие вкусам нового стиля.

«И вот разгадка всей шарады... Штучные изделия, которые просто технически невозможно «поставить на поток». Тяга самой мамы ко всему вычурному и в то же время холодному. Тайна, которой она окутала свои производственные секреты. И все это появилось из сундука бабушки Юзефы и было надежно перепрятано. Думаю, даже отец не догадывался об истинном источнике ее вдохновения. Но талантлива она была бесспорно, только изобретатель — никакой...»

— О чем ты задумался, Андрюша? — услышал он за спиной голос Жанны. — Я тебе наскучила своими кукольными историями? Тогда давай попрощаемся...

— То есть как попрощаемся? — стремительно обернулся к ней Андрей. — Ты думаешь, что я позволю тебе исчезнуть во второй раз? Даже не мечтай.

— А что ты предлагаешь? — холодно поинтересовалась Жанна. — Если тебе интересно — я замужем.

— Как?

— В общем-то, фиктивно, но развода мне никто не даст. Отец выдал меня замуж за друга своей матери, того самого адвоката, который помог ей наладить жизнь. Очаровательный старик, относится ко мне, как к дочери. И я не считаюсь матерью-одиночкой...

— Что?!

— Месяц назад Андре исполнилось девять лет.

Девять лет! Вереница дат мгновенно пронеслась в голове Андрея. Десять лет назад, точнее чуть меньше десяти, они познакомились с Жанной. Сейчас март, значит, ребенок родился в феврале. А это может значить только одно...

— Ты была беременна, когда ушла от меня? — почти грубо спросил он.

— Я и сама еще толком не знала. Все выяснилось окончательно уже во Франции, и ни о каком аборте речи быть не могло. Бабушка Марина придумала комбинацию с моим браком. И из мадемуазель Лозье я превратилась в мадам Дарси. Приличия были соблюдены, к тому же, я — единственная наследница своего супруга, а мой сын имеет все права на французские капиталы и собственность семьи Лозье.

— Тоже благодаря твоему замужеству?

— Нет. Благодаря тому, что Андре — твой сын. А мой отец — твой единокровный брат, то есть одновременно приходится дядей собственному внуку.

Андрей буквально упал в кресло и ошарашенно уставился на Жанну. Он никак не мог понять, что за хитрая паутина судеб сплелась в их семье, какие потрясающие парадоксы преподносит жизнь мирным обывателям. Оказывается, у него был старший брат. Оказывается, отец уже был женат однажды, но почему-то скрыл это ото всех, даже от мамы. И его первая жена почему-то оказалась во Франции.

— Ничего не понимаю, — проростал он. — Объясни все толком, иначе какая-то бразильская мыльная опера получится.

— Объясню. Только давай все-таки оденемся и выйдем в гостиную. А еще лучше — в твой кабинет.

— Мы пойдем в комнату моей матери, — неожиданно для самого себя заявил Андрей. — Я не был там после ее смерти. А в мастерской взял только то, что предназначалось для вчерашней выставки. Кстати, нужно будет узнать, все ли продано.

— Насколько я заметила, почти все. Что ж, пойдем в чертог Снежной Королевы. Надеюсь, чары давно развеялись.

— Ты до сих пор ненавидишь ее? — грустно спросил Андрей.

— Сейчас уже нет. Давно — нет. Мне ее... жалко. Она ведь прожила от начала до конца выдуманную жизнь. И, слава Богу, так и не узнала, что никогда не была по-настоящему законной женой твоего отца, не могла гордиться тем, что она — Лодзиевская...

Андрей открыл белую лакированную дверь, и Жанна увидела комнату, которая иногда виделась ей в кошмарах. Тот же холодный отблеск перламутра, те же приглушенные тона, тот же полусвет, полумрак.

— Давай зажжем камин, — вдруг предложила она. — Я люблю живой огонь.

— Хочешь изгнать ее призрак? — усмехнулся Андрей. — Подожди, я прикажу принести еще кофе.

Он нажал кнопку звонка, и через несколько минут появилась горничная. Выслушала приказание и бесшумно удалилась.

— А где Алевтина? — спросила Жанна.

Андрей помрачнел.

— Через три года после твоего отъезда у нее случился тяжелый инсульт. Маме удалось устроить ее в прекрасную больницу, но...

— Но она не захотела выздоравливать, — закончила его фразу Жанна. — Бедная Аля! Неужели Аделаида Николаевна не могла нанять сиделку и оставить старуху дома?

— Мама не выносила больных людей, — пробормотал Андрей. — Она говорила, что они отнимают у нее жизненную энергию.

— А как же твой отец? Он никогда не болел?

— Ему было некогда. Он умер скоропостижно от инфаркта. Прямо в своей мастерской.

— Повезло, — сухо прокомментировала Жанна. — Иначе не миновать бы и ему больницы. А, вот и кофе. Ну, что ж, слушай, история интересная, хотя и немного запутанная. Так что, будь готов к неожиданностям.

— Я уже понял, что никакой я не Лодзиевский, а внебрачный ублюдок...

— Ты ничего не понял, Андрюша, — мягко начала Жанна, слегка прикасаясь к его руке. — Впрочем, ты совершенно не знаешь бабушку Марину. Она никогда не причинила бы зла ни твоему отцу, ни твоей матери, ни тебе. Просто сохранилось ее свидетельство о браке с твоим отцом, и благодаря господину Дарси ей с папой не пришлось умирать с голоду. Во Францию ее с новорожденным сыном привез из Крыма капитан какого-то итальянского корабля — за ее единственную и последнюю драгоценность: бриллиантовые серьги, свадебный подарок твоего отца. Рожать она приехала в Киев, к родителям, а пришлось всем вместе бежать в Крым. Родители погибли по дороге. Бабушке повезло: она выжила, добралась до Ялты, попала на корабль. В пеленках моего отца был спрятан ее единственный документ — свидетельство о браке с твоим отцом. Архивы в Киеве сгорели, так что, других доказательств этого брака не было.

— Почему же она после войны не вернулась в Россию к мужу?

— Нам с тобой трудно представить себе те времена. Твой отец был очень знаменит и обласкан властями, но если бы узнали, что его законная жена несколько лет прожила во Франции, да еще добилась наследства семьи Лодзиевских... Они оба погибли бы в лагерях, а мой отец попал бы в детский дом — совсем под другой фамилией. Нет, она боялась даже написать ему с верной оказией. А потом узнала, что он снова женился и у него родился сын. Ты, Андрюша. И для тебя ничего не изменилось: ты по-прежнему знаменитый архитектор, сын знаменитого отца. А за родственников за границей теперь не преследуют. Впрочем, ты формально и не родственник, твой сын носит совсем другую фамилию.

— Вот это-то меня и бесит, пойми! — закричал Андрей, вскакивая на ноги. — Нас разлучили обманом, и меня, и тебя обогнали и унизили в глазах друг друга...

— Заметь, — негромко сказала Жанна, — мы оба этому поверили. И даже не попытались встретиться или написать письмо, чтобы прояснить ситуацию. Смертный грех гордыни...

— Что же нам делать? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

— Жить, наверное, — пожалла плечами Жанна. — Работать, творить, любить...

Она осеклась. Напрасно было сказано последнее слово, Андрей может понять его неправильно. Какой бы он ни был, она до сих пор любила его, теперь она это четко понимает.

— У тебя кто-то есть... там?

— Конечно. Мать, отец, бабушка, ее друг, он же мой муж, мой сын.

— Я не об этом.

— А-а-а... Андрюша, я, как выяснилось, однолюб. Но тебя это ни к чему не обязывает, это мои личные трудности. Впрочем, если бы у меня не было нашего сына... возможно... кто знает? Уж фиктивного-то брака точно бы не было.

— А был бы настоящий?

— Андрей, ты неподражаем. Если бы мы не столкнулись тогда, в институтском дворе, то наверняка я бы встретила кого-то еще, полюбила бы, вышла замуж. Но случилось так, как случилось. И потом, я ведь не спрашиваю тебя, как ты прожил эти годы.

— Ну и выдам же я Ивану свет Ивановичу, — с внезапной злостью произнес он. — Лучший друг семьи называется! Так испоганил мне жизнь, да и тебе чуть не сломал...

— Не вини его, — отозвалась Жанна. — Он без памяти любил твою мать и до конца надеялся, что она все-таки выйдет за него замуж. Он был просто орудием в ее руках. Слепым от безумной любви орудием... — Тут она подняла глаза и увидела над камином поднос с карточной композицией. — Что это? Зачем ты это повесил в своей комнате?

— Это одна из маминых работ, — с удивлением ответил Андрей. — Правда, она почему-то очень ее не любила и никому не показывала, держала чуть ли не в чулане. Это уже после ее смерти я сюда повесил. А что в этом такого страшного?

— Этот расклад называется раскладом польского короля. Здесь пасьянс в той стадии, когда он обязательно должен сойтись. А это значит, что человек перестает отличать реальный мир от выдуманного и целиком уходит в свои иллюзии и фантазии. Иногда безобидные, иногда — не очень.

— Сходит с ума, проще говоря?

— Нет, все не так просто. Становится рабом собственного воображения и не придает никакого значения желаниям и судьбам окружающих его людей. А потом умирает странной смертью — иногда в преклонном возрасте, иногда — очень молодым.

— Откуда ты это взяла?

— Бабушка Марина рассказала. А поднос этот появился очень-очень давно у одной из женщин рода Лодзиевских. До твоей мамы он принадлежал бабушке Юзефе. Наверное, лежал в ее сундуке. Очень тебя прошу, избавься от этого родового проклятия. Иначе у тебя в семье и дальше все пойдет наперекосяк. Особенно у того, кто этот поднос унаследует.

Андрей задумчиво посмотрел на Жанну: морочит она ему голову этой байкой, или действительно во всем этом что-то есть? Юзефа, насколько ему известно, умерла очень молодой, мама жила в каком-то придуманном мире и умерла действительно странно и нелепо...

— А знаешь, я, пожалуй, подарю этот поднос Ивану Ивановичу — в память о маме. Он будет счастлив, а судьба сама решит его будущее. Не убивать же старика, в самом деле?

Андрей подтащил стул к камину и осторожно снял поднос со стены. На обороте обнаружилась надпись, полустертая от времени, но все еще читаемая.

«Ясновельможной пани Марианне Лодзиевской от короля Станислава. 1795 год».

И тут Аделаида Николаевна придумала свою собственную версию происхождения этой вещи. Похоже, Жанна права.

— У меня есть возможность сделать запрос в польских архивах, — сказала Жанна. — И во французских я тоже поищу. Что могло связывать мелкопоместную шляхтенку с королем Польши, и зачем он сделал ей такой подарок? Все, что узнаю, пришлю тебе по электронке.

— Зачем? Не трать напрасно время. Это маме было важно, насколько голубая кровь течет в наших жилах. Ну, окажется, что я — потомок польских королей, и что? Начну добиваться короны и престола? Бред же.

— Возможно, ты и прав. Тем более что формально твой сын... Ладно, проехали. А сейчас мне пора, Андрюша. Днем у меня встреча с будущими компаньонами в Москве, сколько она продлится — не знаю, а рано утром я улетаю в Париж.

— А я?

— Самолеты в Париж летают каждый день, — мягко заметила Жанна.

— Я могу тебя проводить? Хотя бы до гостиницы?

— Это было бы очень мило с твоей стороны. В моем туалете я бы странно смотрелась одна на московских улицах. Так я пойду собираться?

— Да. Я через десять минут буду готов...

Дорога заняла слишком мало времени: Жанна сняла номер в небольшой частной гостинице «Марко Поло» в районе Патриарших прудов. Андрею показалось, что доехали они почти мгновенно.

— Я могу пригласить тебя на ужин после твоих переговоров? — спросил он, останавливаясь у подъезда гостиницы.

— Боюсь, что нет, — мило улыбнулась Жанна. — Переговоры могут затянуться, а две бессонные ночи подряд... В восемь утра мне уже надо быть в Шереметьеве.

— «Эр-Франс»?

— Разумеется. Андрюша, спасибо тебе за этот прекрасный кусочек прошлого. Да и у меня камень с души свалился: я все время корила себя, что ты не знаешь о сыне.

— Теперь знаю.

Он дождался, пока ее изящный силуэт исчез в дверях отеля, развернул машину и от души нажал на газ, плохо представляя себе, куда, собственно, так торопится. В мастерскую? Меньше всего ему хотелось заниматься сейчас работой. В какой-нибудь ресторан или клуб с приятелями? Половина из них еще спит, да и для злых мест рановато. А если честно — ну их совсем, эти злые места. Надоело. Хватит с него вчерашнего приема.

Домой? А что ему там делать? Хотя... Ему нужно снять этот чертов поднос и поехать к дяде Ване, к Ивану Ивановичу. Вручить ему подарок и заодно задать пару вопросов. Старик спит мало, давно уже на ногах.

Точно боясь передумать, Андрей вытащил мобильник, набрал знакомый номер и договорился о том, что через часок заскочит. Нужно кое-что обсудить относительно вчерашнего приема. Да и выяснить заодно, сколько стоит память покойной матушки, если большинство экспонатов действительно раскупили.

Похоже, Иван ничего не заподозрил. Андрей вернулся домой, снял со стены поднос, положил его в первый попавшийся достаточно прочный пакет и поехал на Большую Якиманку, где в доме напротив французского посольства проживал все еще близкий друг семьи.

— Я все выяснил, Андрюша, — встретил его Иван Иванович. — Мероприятие удалось, все Адочкины произведения раскуплены...

— Сколько из них пришлось на вашу долю? — с легким сарказмом спросил Андрей.

— Ты напрасно иронизируешь, дружок. То, что я хотел приобрести, я приобрел задолго до этого вернисажа. А несколько вещей мне Адочка еще при жизни подарила. Вот эту вазу, например.

Ваза, переливающаяся всеми цветами перламутра, стояла у стены возле балконной двери.

— Красивая вещь, — все так же небрежно заметил Андрей. — Мама именно ее подарила вам за то, чтобы вы ознакомили Жанну с моим письмом? Или расплатилась как-то иначе?

Эффект оказался ошеломляющим. Иван Иванович не побледнел даже — посерел и неловко опустился в кресло. Андрею стало жаль старика, он налил стакан воды из стоящего тут же графина и предложил валидол или нитроглицерин. Черт, знал же, что сердце у Ивана пошаливает, надо было как-то поделикатнее.

— Тебе сказала Жанна? — отдышавшись, спросил Иван Иванович.

— Конечно. Зачем вы это сделали?

— Ради Адочки. Она ведь никогда ни о чем меня не просила, а тут почти умоляла. Она боялась, что вы поженитесь, Жанна забеременеет и...

— И что? Мама умрет семь или восемь лет спустя после рождения внука или внучки?

— Ей так нагадали, — тихо проговорил Иван Иванович. — Она была очень напугана серьезностью ваших чувств и понимала, что ни о каком аборте и речи быть не может. Если бы я не выполнил ее просьбу, то больше никогда бы ее не увидел. О женитьбе на ней я уже почти не мечтал, лишь бы видеть ее, говорить с нею, иногда касаться ее руки...

— Я так и думал. Вот, я привез вам подарок. Вам всегда нравилась эта вещь. — Андрей протянул Ивану Ивановичу пакет с подносом.

— Ты решился с этим расстаться? — поразился Иван Иванович. — Но ведь тебе он тоже нравился.

— Изменились обстоятельства, — сухо ответил Андрей. — Я хочу повесить на то место нечто совсем другое.

— Спасибо, милый, — чуть не прослезился Иван Иванович. — Это для меня очень много значит — Адочкина работа. А что ты хочешь повесить над камином?

— Портрет моего сына с его матерью, — ответил Андрей. — Жанна уехала из России беременной. Кстати, она оказалась внучкой папиной первой жены, так что мама зря беспокоилась о чистоте породы.

— Что? Какой первой жены?

— Отец до войны был женат. Жена осталась в Киеве с новорожденным сыном, потом каким-то чудом перебралась во Францию. Ее зовут Марина, она жива по сей день.

— Но почему же?

— Боялась испортить отцу жизнь. Поэтому и не появлялась. А потом ее сын — кстати, архитектор, — приехал в Москву в командировку и встретил девушку, которая стала матерью Жанны. Тогда он был женат, а когда овдовел, поехал искать свою русскую пассию. Нашел вместе с уже взрослой дочерью, копией его матери, и забрал к себе. Так Жанна стала французской гражданкой, а заодно и мадам Дарси.

— Боже мой! Если бы Адочка знала...

— К счастью, она не знала ничего о первой жене. Ведь развода не было. Понимаете?
— Понимаю, — пробормотал снова побледневший Иван Иванович. — Какие причудливые узоры вяжет жизнь! Кто бы мог подумать... Но теперь вы поженитесь с Жанночкой?
— Время покажет, — уклончиво ответил Андрей. — Ну, мне пора. Главное, что мы снова нашли друг друга. А самолеты во Францию летают каждый день...

Только через неделю женщина, помогавшая Ивану Ивановичу с уборкой и стиркой, обнаружилась своего хозяина мертвым. Вскрытие показало, что Иван Иванович умер во сне от обширного инфаркта ночью после встречи с Андреем. Никто, кроме самого Андрея, не догадался, что последней каплей в море новых известий, обрушившихся на старика, была надпись на обороте подноса: убийственное доказательство того, что Аделаида Николаевна лгала всем и всегда, сама подчас веря в эту ложь.

А может быть, просто старое больное сердце устало биться...

Утро следующего дня застало Андрея в зале ожидания аэропорта Шереметьево-2. Рейс на Париж был в девять часов утра. Жанна появилась за час до отлета, когда регистрация уже началась. К огромному удивлению и облегчению Андрея, ее никто не провожал, она катила за собой большой чемодан, а через плечо у нее свисала изящная, хоть и не маленькая дорожная сумка. В одетой по-деловому, хотя и модно, серьезной молодой женщине с пышной гривой черных волос, почти полным отсутствием косметики и затемненных очках, было мало сходства со вчерашней светской красавицей в вычурном платье.

— Жанна! — окликнул ее Андрей.

Она остановилась, огляделась по сторонам и увидела его: осунувшегося, усталого, но почему-то счастливого, с алой розой в руке.

— Ты? Здесь? Я не ждала.

— Я и сам не ждал, — виновато признался Андрей. — Но вчера я забыл подарить тебе одну вещь.

— Какую вещь? — слегка нахмурилась Жанна. — Прости, мне надо на регистрацию.

— Так пойдём поближе к стойке. Народу мало, сдашь багаж, несколько минут будешь еще свободна.

Через десять минут чемодан Жанны благополучно уплыл по ленте транспортера, а она отошла в сторону вместе с Андреем, хотя видно было, что делает она это без особого восторга.

— Вот, — сказал Андрей, протягивая ей розу и небольшой, но весомый пластиковый пакет. — По-моему, тебе это пригодится.

— Что это? — с опаской спросила Жанна, беря пакет.

— Положи в сумку, по дороге посмотришь. Это всего лишь те французские книги о фарфоре, о которых мы говорили. Оба тома.

Жанна просияла:

— Андрюша, я и мечтать об этом не могла! Спасибо тебе.

— Спасибо в стакан не... — начал было шутовскую присказку Андрей, но Жанна не дала ему договорить, наградив длинным нежным поцелуем.

— Так, — отдышавшись, продолжил он, — за первый том мы в расчете. Одну мою просьбу ты уже выполнила. Не откажи и во второй.

— Попробую.

Андрей достал из кармана небольшую бархатную коробочку, открыл ее и ловким движением надел Жанне на правую руку гладкое кольцо из трех видов золота: красного, белого и желтого.

Жанна оцепенела, не в силах оторвать глаз от кольца на пальце. Том самом, на котором в России надевают обручальные кольца.

— Что это? — наконец прошептала она.

— Я привез тебе это из Америки — на свадьбу. Жизнь распорядилась по-другому, обручальное кольцо у тебя на другой руке. Но не отказывайся от этого подарка, прошу тебя. Я ведь по-прежнему люблю тебя, малыш...

Слезы градом хлынули из глаз Жанны, она быстро поцеловала Андрея в щеку и повернулась — бежать, бежать за спасительный таможенный барьер. Но, сделав несколько шагов, остановилась, достала из сумки визитную карточку и протянула ее Андрею:

— Мы ведь можем переписываться по интернету. Теперь это просто... А я... я никогда не переставала тебя любить...

Через минуту ее стройная фигурка скрылась за стеклянной перегородкой: посадка на ее самолет уже заканчивалась. Андрей вышел на улицу и подождал, пока в небо не взмыл серебристый лайнер с эмблемой «Эр-Франс».

«Нет, — подумал он, — это не конец. Это только начало нового витка жизни. И мы еще встретимся. Мы обязательно встретимся, моя единственная любовь».

ЭПИЛОГ

Часть первая. Виртуальная

«Милый Андрюша! Бабушка Марина и ее друг (по совместительству мой супруг) сделали мне на день рождения чудный подарок: маленький домик возле одной из деревушек Прованса. Домик — старый, он принадлежал еще родителям месье Дарси, но там уже есть все блага цивилизации: чугунная ванна с электрическим нагревателем для воды и маленькая газовая плита на кухне.

Андре теперь учится в закрытом колледже, мне часто бывает одиноко без него, а в этом домике я отдыхаю от всех и всего. Спальня в нем обита ситцем, и я нигде не спала так сладко, как в этой комнате, похожей на бонбоньерку.

Целую тебя. Жанна».

«Любовь моя! От тебя вот уже больше месяца нет вестей, и я места не нахожу от беспокойства. Сто раз хотел тебе просто позвонить, но... Ты ведь разрешила мне только писать. Так не мучай меня молчанием, не исчезай так надолго. Со дня нашей встречи в Москве прошло меньше года, а мне кажется — вечность.

А.»

«Милый Андрюша! Месяц назад случилось огромное несчастье: погибли бабушка Марина и ее друг, мой официальный муж. Они ездили к друзьям на уик-энд, на обратном пути начался ливень, и машина слетела с дороги. Оба погибли мгновенно.

Я виновата, что не писала тебе, но навалилась куча дел с наследством: бабушка завещала все своему единственному внуку, а если у меня будут еще дети, то все делится между ними. Но до их совершеннолетия опекуном является мой отец. Я же — единственная наследница Шарля, то есть месье Дарси, и это тоже повлекло за собой кучу бумажной волокиты. Воистину, сапожник без сапог: адвокат оказался крайне небрежен в оформлении собственных документов.

Я была в Провансе, когда все это случилось, но тут же вернулась в Версаль, наверное, надолго. Не сердись на меня, пожалуйста.

Целую тебя. Жанна».

«Родной мой малыш, как я могу на тебя сердиться? На тебя свалилась такая беда. Я искренне тебе сочувствую и выражаю соболезнование твоим родителям. Казенные слова, но поверь, я разделяю твою боль. Тем более что хлопоты о наследстве мне близки и понятны. Я не писал тебе, что Иван Иванович умер вскоре после твоего отъезда. Оказывается, старик все завещал мне, и теперь я являюсь еще и собственником квартиры в центре Москвы, битком набитой антиквариатом. Понятия не имею, что мне со всем этим делать, даже хотел просить тебя прилететь на несколько дней и помочь мне разобраться. Но это все пустяки и потерпит, сколько угодно».

Спасибо за фотографию. Ты на ней еще прекрасней, чем в жизни, а наш сын... ну, это наш сын, все понятно. Я заказал своему приятелю, который писал портрет мамы, написать вас с этой фотографии, и теперь у меня в кабинете висит ваше изображение, с которым я не чувствую себя таким одиноким.

Ты помнишь о том, что я тебя люблю?

Жанна, сердце мое, согласна ли ты стать моей женой? Если нужно, я подожду, пока пройдет положенный там у вас срок траура. Только не отказывай мне.

Целую тебя и нашего мальчика. А.»

«Милый Андрюша! Любимый мой! Я была бы счастлива стать твоей женой, тем более что из Москвы я привезла не только подарки и документы. Я на последнем месяце беременности. Подумай сам, как курьезно будет выглядеть такая невеста. Минимальный срок траура окончится как раз к моим родам. Подумай, нужна ли тебе немолодая уже женщина с двумя маленькими детьми? Трижды подумай, Андрюша. Как тебе известно, у нас, Лодзиевских, точнее, Лодзиевских-Лозье, разводы не приняты.

Целую тебя очень нежно. Жанна.»

«Любовь моя! Я вылетаю первым же рейсом. Надеюсь, где-нибудь найдется местечко для моего компьютера, чтобы не прерывать работу над важным заказом.

Глупенькая, неужели ты не знаешь, что беременная женщина угодна Богу? Только... пришли мне свой адрес в Версале. Иначе мне придется долго искать тебя в этом чудном городке.

Целую тебя и наших детей.

А.»

Часть вторая. Обычная

К счастью, шенгенская виза была у Андрея еще действительна, а билет на самолет он раздобыл через одного из своих многочисленных влиятельных клиентов. Не на «первый же рейс», конечно, но через три дня он уже летел на Запад с целой кучей багажа. И большую часть этого багажа составляли подарки.

В аэропорту Шарля де Голля он взял напрокат неприметный серенький «рено» и поехал навстречу своей судьбе и своей мечте. Он бы и пешком пошел, настолько было велико нетерпение увидеть, наконец, свою любимую.

На одной из тихих окраинных улочек города, заполненного в эти часы туристами, он быстро нашел белый дом с зелеными ставнями и балкончиками, притаившимся в глубине сада. Вылез из машины, подошел к калитке и нажал неприметную кнопку звонка.

— Кто там? — спросил его искаженный техникой голос из невидимого динамика.

— Московский гость, — ответил Андрей голосом, искаженным уже от волнения.

Замок щелкнул, калитка отворилась. Андрей сделал несколько шагов по дорожке и увидел спешащую к нему навстречу немолодую, но миловидную женщину, в которой сразу же узнал мать Жанны, хотя видел ее только один раз, в период своего московского романа с Жанной.

Много лет назад. Совсем в другой жизни.

— Андрей? Я вас таким и запомнила, да и Андрюшенька-то — ваша копия. А мы не знали, в какой день вас ждать. А где ваши вещи? В такси? Его надо отпустить, сейчас я позову помочь принести багаж.

— Я на своей машине, мадам, — галантно склонился над ее рукой Андрей.

— Да какая я для вас мадам, зовите Анной Даниловной. Чай, оба русские. Тогда я сейчас гараж отопру, машину туда поставите. Супруг-то мой только к вечеру будет, дела...

— А... Жанна? Как она? Она дома?

— Ой, Жанночку врач рекомендовал положить в госпиталь... она на сносях. Она так настрадалась, бедняжка, когда свекровь моя, Марина Ивановна, погибла. А сама в поло-

жени. Потом вы пишете, что, мол, жди. А она — в слезы. Мы — к врачу, а врач ее — в больницу, от греха.

— Ее можно видеть?

— Да, конечно, мы ее каждый день навещаем, то отец, то я. Пойдемте сегодня со мной... Ой, а про машину-то забыла...

В конце концов, машина заняла свое место в гараже, горничная помогла внести и упаковать багаж, Андрея напоили чаем со свежайшими пирогами, каких он не пробовал со смерти своей Алевтины, в общем, все более или менее пришло в норму.

Но сам Андрей воспринимал происходящие события, как сквозь дымку, он никак не мог дожидаться того времени, когда сможет увидеть Жанну. Анна Даниловна повела его осматривать дом, добротный особнячок восемнадцатого века, капитально переделанный в соответствии с требованиями современности. Во всяком случае, ванные и туалеты были новехонькими, а коридоры оснащены ковровыми покрытиями. Старинный паркет сохранился только в парадных комнатах.

— А вот это — комната Жанночки, — объявила Анна Даниловна, открывая белую лакированную дверь. — И ее любимица.

Любимица сидела в кресле у туалетного столика, лукаво глядя своими зелеными глазами на вошедших. Если бы Андрей не был уверен, что кукла осталась в Москве...

— Откуда она тут?

— Свекровь покойная не могла с ней расстаться. Взяла одну из кукол с собой в Киев и каким-то чудом добралась с ней до Франции. Это был ее талисман, она говорила, что кукла приносит удачу.

— Возможно, она была не так уж и не права, — пробормотал Андрей.

— А вот тут смежная комната, Андрюшина детская, только Андрюшенька сейчас в пансионе. Ему приготовили новую комнату, рядом, но изолированную. А в той малышка будет...

— Малышка? Вы уже знаете, что будет дочь?

— Не знаю, но уверена на все сто процентов. Носила Жанночка легкое, животик аккумуляторный — по всем приметам, девочка. А вы, конечно, сына хотите?

— Почему же? — улыбнулся Андрей. — Я хочу, чтобы у меня была семья: жена и двое детей. Остальное — не важно.

— Вы хотите пожениться?

— Разумеется. Второй раз я ошибки не сделаю. Как только Жанночка оправится, обвенчаемся с ней по всем правилам в парижской православной церкви, зарегистрируемся в мэрии, а потом, если надо, оформим брак и в Москве.

— А где вы будете жить?

— Где захотим, — беспечно отозвался Андрей.

В этот момент в доме зазвонил телефон.

— Это, наверное, Жанночка, — встрепенулась Анна Даниловна и почти бегом бросилась к телефону.

Но, судя по всему, это была не Жанна: разговор Анна Даниловна повела по-французски, так что Андрей мгновенно утратил к нему интерес. Тем более что в прихожей раздались шаги, и в гостиную вошел высокий седой мужчина лет шестидесяти, с пронзительными синими глазами. Андрею на секунду показалось, что вошел его отец...

— Андрей? — спросил мужчина с легким акцентом. — Я тоже Андрей, только здесь меня зовут Андре Лозье. Я — отец Жанны.

— И, насколько я понимаю, мой единокровный брат, — уточнил Андрей. — Выходит, я собираюсь жениться на собственной племяннице...

— Только наполовину, — утешил его сводный брат и будущий тесть. — И потом...

В этот момент Анна Даниловна закончила разговор по телефону и повернулась к мужчине с сияющим лицом:

— Два часа назад Жанночка родила чудную девочку, абсолютно здоровую. Слава Богу, все эти стрессы не оказали особого влияния...

— У меня дочь... — растерянно пробормотал Андрей. — Сын и дочь. Андре, Анна Даниловна, где эта больница? Я должен немедленно...

— Мы все сейчас туда поедem, — улыбнулся Андре. — Аннет, собирайся, только быстро...

Жанна лежала в белоснежной, залитой солнцем палате, такая хрупкая и утомленная, что у Андрея перехватило дыхание. Он рванулся к ней, но побоялся обнять, чтобы не повредить случайно. Только поцеловал в сухие, потрескавшиеся губы.

— Посмотри на крошку, Андрюша, — чуть слышно прошептала Жанна. — Она очаровательна.

Рядом в колыбельке лежал белый кулечек, из которого торчали головка, покрытая темным пушком, и крохотные, изящные ручки. И не было того неизбежного багрового уродства, свойственного практически всем новорожденным.

— Настоящая куколка! — умилилась Анна Даниловна.

В этот момент Андрею показалось, что малютка на мгновение приоткрыла глазки — зеленые, как изумруд, как глаза тех двух кукол, которые таинственным образом связали их с Жанной.

— И как же мы ее назовем? — спросил он.

— Адемара, — ответила Жанна. — Пусть Ада и Марина благословят ее с небес.

— Адемара, — торжественно повторил Андрей. — Адемара Лодзиевская.

И, словно выполняя обряд, благоговейно приложился губами к смуглому лобику ребенка.

История не закончена: свадьба — не итог жизни, а лишь ее начало. У моих героев еще много всего впереди, но и им, и мне, кстати, нужно дожить и пережить все события, прежде чем их описывать.

Доживем?... □

Алла Люден

Голубая КРОВЬ

ГОЛЛИВУДА

Пока еще никто не смог объяснить толком, почему знаменитую киноактрису Мерил Стрип обычно считают англичанкой. Может, потому, что она умело подделывает английский и ирландский акценты, кстати, так же, как и любой другой. Или оттого, что при виде ее нежного, утонченного лица в воображении невольно возникает образ истинной леди?

Кажется, что перед нами несомненно англичанка голубых кровей. Но на самом деле она — коренная американка. Ее на-

пришло настоящее признание. Ей было двенадцать лет, и на рождественской вечеринке в школе она с большим успехом спела «О, святая ночь!» на французском языке. Так наступил в ее жизни переломный момент, юная певица окончательно утвердилась в желании петь профессионально.

И еще острее она начала переживать внешнее неприглядное несоответствие своему будущему звездному статусу. Правда, после того огромного, в рамках

родного городка и школы, музыкального триумфа на внешность девочки перестали реагировать. И еще помогало ее природное обаяние и артистичность: Мери здорово пародировала учителей, родителей, вообще взрослых, придумывала всякие

стоящее имя — Мери Луиза Стрип. Она родилась в 1949 году в городе Саммит, штат Нью-Джерси. Отец работал в фармацевтической компании, мать — художником-оформителем. Ником образом семья не была связана с театром или кинематографом, но все-таки Мери Луиза мечтала о театре. Да не просто о нем, а об опере. Окружающим такая мечта казалась весьма экстравагантной: уж очень неказисто выглядел этот «гадкий утенок» в очках в старомодной роговой оправе и с ужасными металлическими скобами на зубах для исправления прикуса. Да и голоса особо замечательного у нее не находили. Но никакие уговоры не могли убить мечту стать оперной певицей. Девчушка продолжала тщательно заниматься. И в один прекрасный день к Мери

смешные небылицы, что-то все время разыгрывала, а ее интеллектом и актерскими способностями восхищались друзья.

Мери участвовала во всех школьных театральных постановках. Ей поручали самые сложные роли, где было много слов. И она с удовольствием и гордостью бралась за драматическую нагрузку. В результате, в ее музыкальный мир драматический театр проник так сильно, что потихоньку вытеснил все мечты об оперной сцене.

Понимая, что ей теперь без театра жизни нет, Мери решает серьезно учиться. После окончания школы, осенью 1967 года, поступает в очень престижный театральный колледж Вассар.

Позднее девушка немного поучилась в театральном колледже в городе Дарт-

лась талантливой комедийной и характерной актрисой. Значит, не зря еще в школьные годы передразнивала и пародировала. Но теперь она рискнула делать пародии уже на знаменитостей, например, на Барбру Стрейзанд, и вызвала восторженные отзывы.

В 1975 году Мерил Стрип с блеском закончила драматическую школу Йельского университета, получив степень магистра искусств. И сразу же начала работать в нескольких театрах на Бродвее в Нью-Йорке. Ее приняли не раздумывая, тем более что диплом Йельского университета что-нибудь да значит. Это уже пропуск в мир очень больших возможностей.

Знаменитый бродвейский режиссер Джозеф Папп пригласил Мерил в одну из своих постановок и, увидев, на что способна дебютантка, сделал ей сразу же два интересных предложения: во-первых, главная роль в нашумевшей пьесе Шекспира «Мера за меру» и роль французской принцессы в его же «Генрихе Пятом».

«Джозеф дал мне сразу две главные роли, — с благодарностью вспоминала Мерил. — А ведь тогда он не знал, смогу ли я даже на сцену выйти, не споткнувшись».

Работа в бродвейских театрах — яркий период в жизни актрисы. Большой успех принесли ей роли в пьесах Артура Миллера «Память о двух понедельниках» и Теннесси Уильямса «27 повозок с хлопком». И результатом стало вручение ей двух значительных премий в области театра — «Тони» и Международная награда театральных критиков.

А что же кино? Да пока ничего. Никто ей не предлагал роли в фильмах. Да и она сама не рвалась попасть на экран.

«Я не представляла себя в кино. Во-первых, считала себя недостаточно красивой, чтобы стать кинозвездой. Мне казалось, что в кино мне будут предлагать только роли уродин! А во-вторых, методы работы в кинобизнесе казались мне оскорбительными». Так Мерил Стрип считала в середине семидесятых. Но прошел

мудре. Затем одновременно с учебной поработала в уважаемом репертуарном театре в Вудстоке, штат Вермонт. В этом театре она проработала целый сезон, и в ее репертуаре были пьесы Бернарда Шоу, Антона Чехова, чрезвычайно популярного в Америке, и даже возрастная роль старухи в «Идиоте» Достоевского. И тут проявилось еще одно ее качество: она оказа-

всего один год, как совершенно неожиданно ей предложили роль в фильме «Джулия». Этот кинодебют состоялся в 1977 году. Режиссер Фридрих Циннеман увидел в ней нужную ему светскую даму. Но продюсеры решили иначе: им-то как раз не нравились ее выступающие скулы и длинный нос. Поэтому в процессе монтажа они сократили еще больше и так уж микроскопическую роль. И вообще, как сказал один из них, у нее лицо какое-то странное, не голливудское. А не в этом ли ответ на вопрос, почему очень часто впоследствии ей предлагали роли иностранок.

Однако внешние данные не остановили других кинорежиссеров, и Мерил получала одно за другим приглашения на съемки. Правда, на роли второго плана, но они сразу же обратили на себя внимание ценителей подлинного киноискусства.

Вторым фильмом, где снялась Мерил Стрип, стала кинопоэма Майкла Чимино «Охотник на оленей». Здесь ей повезло в том, что ее рекомендовал режиссеру сам Роберт Де Ниро, который уже гремел в кинемире. Он очень настойчиво предлагал ее на роль своей партнерши. Чимино поверил и не прогадал: за эту роль, хотя опять второго плана, актриса в 1979 году была номинирована на «Оскар». Правда, не получила, но номинация на самую престижную в мире кинопремию стоит очень многого.

А в следующем году Мерил получила свой первый «Оскар». Роль Джоанны в фильме «Крамер против Крамера» стала экранным триумфом актрисы. Ее партнером был известный голливудский актер Дастин Хоффман.

Два дуэта с Робертом Де Ниро и Дастином Хоффманом, столь видными киноактерами, привлекли внимание к Мерил. Теперь на актрису роли сваливались одна за другой, и ей приходилось работать больше для киноэкрана, чем для сцены. Режиссеры оценили ее способность создавать роли нежных, трепетных и в то же время сильных и интеллектуальных

героинь. Драматический талант расцветал, и каждая новая роль поражала постепенно влюблявшуюся в нее публику.

Сейчас фильмы с участием Мерил Стрип выходят на экраны Америки практически каждый год.

В картине «Женщина французского лейтенанта», за которую она опять получила в 1981 году «Золотой Глобус» как лучшая актриса, Мерил воплотила сразу два персонажа. Один — отринутая викторианским обществом любовница некоего мифологического лейтенанта Сару. Второй — современная актриса Анна. Две женщины из разных эпох, сословий, но их объединяют, тем не менее, очень важные качества — стремление к свободе и независимость в личной жизни. Так же, как и Джоанна из «Крамер против Крамера», эти женщины наделены «отрицательным обаянием». Мерил Стрип много раз подчеркивала в беседах и интервью, что ей не интересны сугубо положительные героини. Они, как правило, получают бесцельными. А вот если в хорошей героине вдруг проявляется что-то неприятное, даже противное, вот тогда можно с пользой поработать, напридумывать, и образ расцветет яркими красками. А совсем отрицательных персонажей тоже неинтересно играть, скучно, если заранее будет понятно, что ничего, кроме каверз и преступлений, от героини не дождешься. Да и вряд ли позволяют режиссеры актрисе с такими данными быть прямолинейно отрицательной.

В 1982 году Мерил получила второй свой «Оскар» за лучшее исполнение главной роли в картине «Выбор Софи». Кинорежиссер Альфред Паккула экранизировал некогда популярный антифашистский роман Уильяма Стайрона под тем же названием. И опять актриса играла два образа, правда, принадлежащие одному персонажу. Польская еврейка Софи проходит через нацистские концлагеря. После войны она, выжившая, но надломленная, оказывается в Нью-Йорке. Софи уже другая, но и в первом и во втором сюжетах ей приходится выбирать: сначала —

кого из детей обречь на смерть, потом решать, что важнее: благоденствие или порядочность. В этом втором случае она выбирает последнее, заплатив не только сытым существованием, но и жизнью.

Потом вышли одна за другой картины «Манхэттен», «Спокойствие ночи», «Влюбленные», «Крик во тьме». Эти работы никаких призов не получили, но публике фильмы с участием Мерил Стрип всегда нужны и интересны. Особое внимание привлекла картина «Из Африки». Она тоже не была отмечена наградами, но роль владелицы кофейных плантаций, попавшей в зависимость от сильной любви, строптивой и нежной, сильной и легкой, которую, понятно, сыграла Мерил, вызвало много восхищения, разговоров и благодарности.

Все грани мастерства актрисы были представлены в тот период. Но выяснилось, что есть еще одна, о которой никто не догадывался. До сих пор она показывала свое искусство в драматических ролях. В конце 80-х считавшаяся «серьезной» актриса впервые выступила в комедийном амплу. Сначала в фильме «Дьяволица». Не ожидавшим такого «подвоха» зрителям, критикам, коллегам комедийная актриса Стрип очень понравилась. А после знаменитой картины «Смерть ей к лицу», в которой появился необыкновенный комедийный дуэт Мерил Стрип и Голди Хоун, успех был уже оглушительный. Впоследствии этот фильм стал считаться образцом «черной» комедии.

В 1996 году вышел фильм «Мосты округа Мэдиссон». Поставил его один из самых известных актеров Голливуда Клинт Иствуд. В своем режиссерском дебюте он сыграл главного героя. Мерил Стрип и Клинт Иствуд играют зре-

лую любовь уже далеко не молодых людей. Картина — чрезвычайно трогательная, проникнутая теплом и светом. Результат — номинация на «Оскар».

В «Бурной реке» Кертиса Хенссона, приключенческой ленте о рискованной авантуре на воде, актрисе понадобилась солидная физическая подготовка для исполнения многочисленных опасных трюков. Мерил отказалась от помощи каскадеров и почти во всех ситуациях вышла «сухой из воды».

Вот так, между прочим, она всегда поступает. В одной из работ надо было играть скрипачку — она научилась игре на скрипке. Нужно произнести несколько фраз на каком-то африканском наречии — она начинает учить язык. Возможно, как шутят ее коллеги, если потребуется, она научится и управлять военными силами США. Но, что бы ни пришлось играть, ее главная тема остается неизменной — отстаивание человеческого достоинства, женской независимости, права на любовь по собственному выбору.

А дальше — все тот же «Оскар». Сначала за фильм «Адаптация». Мерил Стрип и Николас

дого голливудского режиссера Бена Янгера. Стрип играет вместе с Умой Турман. Озорной режиссер придумал новый претенциозный жанр — лечебно-оздоровительную комедию, где Стрип играет психоаналитика, спасающую от депрессии героиню Турман счастливым советом в кого-нибудь влюбиться. Совет оборачивается против нее самой — она узнает, что пациентка закрутила роман не с кем-нибудь, а с сыном психоаналитика, который вдобавок намного моложе. Тонкая классическая американская

Кейдж разыгрывают какой-то бредовый, но при этом увлекательный сюжет: сценарист экранизирует книгу про садовода, клонирующего редкие породы орхидей. Это тоже комедия, и за свою роль Стрип получила еще и очередной «Золотой Глобус» в номинации «Лучшая актриса второго плана». Потом — фильм «Часы».

Сегодня график актрисы расписан до 2007 года, и просветов для отпуска у нее, кажется, не предвидится. В американский прокат только что вышла новая комедия Роберта Олтмана. Мерил играет в ней певицу, исполняющую свои песни в традиционном ковбойском стиле. Будем надеяться, что эта картина появится у нас в прокате. Ведь Стрип сама исполняет все эти песенки.

А сейчас на российских экранах идет комедия «Мой лучший любовник» моло-

комедия снята по правилам двадцатилетней давности, когда нас еще не донимали скабрёзными шутками. Но участие в картине самой Мерил Стрип — уже гарантия приличного фильма. Ведь актриса представляет полную достоинства театральную школу Америки, и увидеть ее в плохом фильме просто невозможно.

Если вы думаете, что вся жизнь Мерил Стрип посвящена только искусству, то глубоко заблуждаетесь.

Ну, прежде всего, у нее замечательная семья: муж Дон Гаммер, артист и скульптор, и четверо детей, два мальчика и две девочки. Пока она не знает, пойдет ли кто-нибудь из детей по ее стопам, но один из сыновей уже учится сценическому искусству в театральной школе.

Она много сил отдает общественной работе. Особенно ее интересует благотворительность, и Мерил участвует в работе более чем двадцати организаций. И не только на словах. Она лично помогает детям, больным СПИДом. Еще ее волнуют судьбы молодых артистов. Вообще, Мерил Стрип всегда там, где требуется помощь и участие.

Несколько лет назад Мерил была почетным гостем Московского Международного кинофестиваля. За большие достижения в киноискусстве ей вручили премию «Я верю» имени К.С. Станиславского.

И вообще, у нее масса всевозможных наград. На Аллее Славы в Голливуде заложена ее Звезда.

Но при всех своих регалиях и славе Мерил Стрип — очень скромная, милая и интеллигентная женщина. Удивительно, но, по ее собственному признанию, часто на съемочной площадке она чувствует себя неуверенно. И когда актрису спросили о секрете ее очарования, она ответила так: «Не знаю, никогда об этом специально не задумывалась. Даже более того, мне кажется, если женщина искусственно придумывает, чем может притянуть к себе мужчин, она очень много теряет. Ведь неестественность и фальшь ощущаются сразу. Еще мне кажется, большое значение имеет то, что при общении с людьми я отношусь к ним доброджелательно и стараюсь им улыбаться. Я считаю, что бы ни происходило у меня внутри, какие бы сомнения и пережива-

ния меня ни терзали, это не должно напрягать людей рядом со мной. Да и по сути своей я человек веселый и оптимистичный, готовый любить и радоваться жизни».

И, как любая женщина, Мерил Стрип очень любит одеваться, но при этом не

экстравагантно, а элегантно и со вкусом. По ее словам, для нее не имеет значения марка одежды, только фасон и качество. «Конечно, удобнее носить брюки, но все-таки большая часть моего гардероба — юбочная. В длинной юбке я себя чувствую уютно. Она нас в каком-то смысле защищает. Хотя в молодости я частенько и с удовольствием щеголяла в мини».

Вот она какая, актриса «голубых кровей», настоящая аристократка с неуязвимым и тонким шармом, побеждающая сопротивление экрана и времени. □

ГОРОД

ТЫСЯЧ КУПОЛОВ

И ИГРУШЕК

**Татьяна
Полева**

Идем на Ярославский вокзал, покупаем билеты на поезд-экспресс до Сергиева Посада. Через час езды в «электропоезде повышенной комфортности» мы — на месте. Если не жаль 40 минут времени и не хочется платить в три раза больше за комфорт, то можно с того же вокзала уехать на электричке или на автобусе, коих предостаточно.

Троице-Сергиева Лавра — не то место, где можно искать уединения, народу предостаточно: здесь и туристы, иностранные и наши, в группах и по отдельности, и паломники — в общем, огромный поток восхищенных людей. А восхищаться есть чем: Лавра сверкает и переливается яркими красками и разнообразными формами. По мощным улочкам и аллеям можно бродить с раннего утра до позднего вечера. Более десяти храмов — только на территории монастыря, еще несколько — за его стенами. Есть и святые источники, в одном из ко-

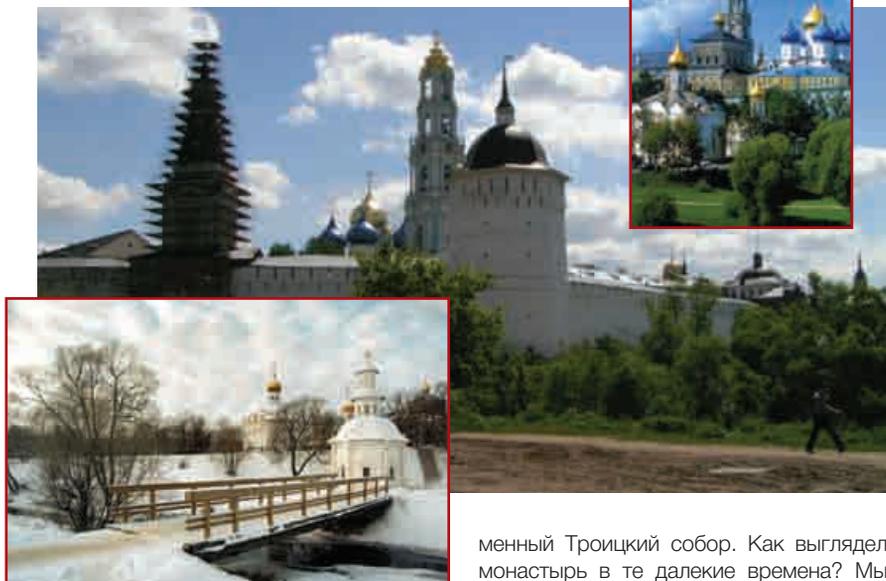
торых можно искупаться. Мощи святых Сергия Радонежского, Максима Грека, архимандрита Дионисия. Каждый храм, каждое здание — по-своему оригинально и неповторимо. Невероятно, но в целом монастырь кажется удивительно гармоничным ансамблем. Такое впечатление, что все это строилось не разными людьми в разное время, а было создано по замыслу одного архитектора.

Пять веков назад

История Лавры начинается с Троицкого монастыря, основанного в середине XIV века «величайшим из святых Древней

здесь начинают стекаться монахи, искавшие уединения.

Еще при жизни преподобного Сергия Радонежского Троицкий обитель получила первые пожертвования и привилегии от великих князей, а с XV века сюда регулярно стали поступать денежные, земельные и другие вклады от представителей различных слоев населения. На одно из таких жертвований от сына Дмитрия Донского — князя Юрия Звенигородского, согласно преданию, был построен самый древний из сохранившихся памятников монастыря — белока-

Руси» преподобным Сергием Радонежским, ставшим символом единства и возрождения Русского государства. На большом холме, омываемом речкой Кончурой, они с братом Стефаном поставили «церковь малу да келью». Не выдержав тягот отшельнической жизни, Стефан ушел в Московский Богоявленский монастырь, оставив брата, теперь уже монаха Сергия, в одиночестве. Однако уже через год

менный Троицкий собор. Как выглядел монастырь в те далекие времена? Мы можем только предполагать. Время и пожары лишили нас возможности видеть его древние деревянные сооружения.

Монастырь изначально играл видную роль в жизни России. Вера в особую силу благословения основателя монастыря, преподобного Сергия Радонежского, утвердилась еще при его жизни. И с тех пор шестьсот с лишним лет ходят люди просить благословения у святого Сергия. По распоряжению Ивана Грозного,

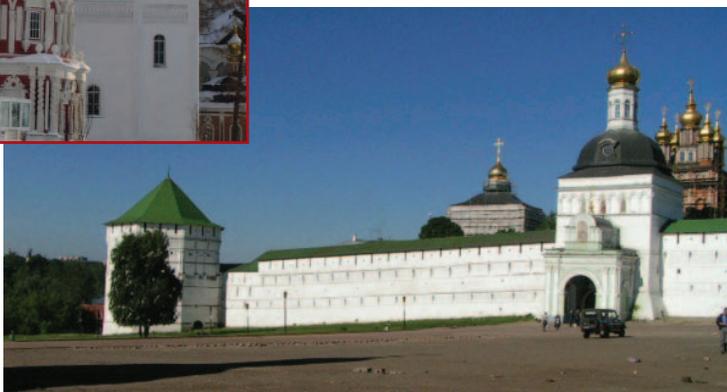
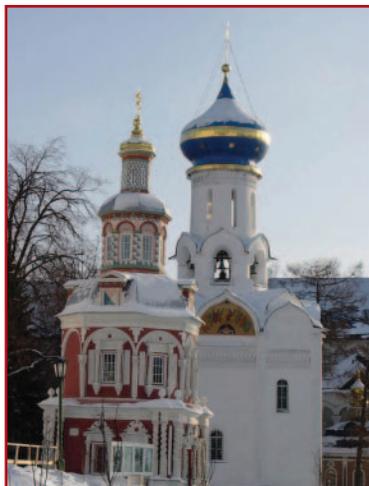
на дороге от Москвы до монастыря специально построили пять дорожных дворцов, из которых один даже дожил до наших дней. Великая Екатерина придумала свой способ паломничества — она выходила из своего дворца, проходила какое-то расстояние, затем, устав, садилась в карету и возвращалась обратно. На следующий день возвращалась в карете к месту остановки и шла дальше. Какое это паломничество? — скажете вы. Однако сегодня не многие из нас способны даже на такое. Пешим прогулкам мы предпочитаем четырёхколёсную продукцию неумолимого прогресса. Хотя, наоборот, главное — не как идти, а зачем.

Туристический рай

По количеству туристов Лавру можно сравнить даже с европейскими столицами: иностранцев здесь ничуть не меньше. В основном, это организованные группы, которые можно сразу определить по характерным отличительным призна-

кам. Они собираются в плотные кучки, образуя хоровод вокруг экскурсовода, разбредаясь, чтобы сделать фотографии на фоне сине-золотых куполов, и кучкуются вновь. Они словно из другого измерения, у них даже глаза другие. Пожалуй, одним им доподлинно известно, для чего нужны тарелки с видами Лавры по сногшибательной цене или матрешки с лицами бывших и ныне действующих президентов. Мы же бродим без всякой системы, не подозревая, что знаменитая икона Андрея Рублева «Троица» была написана специально для Троицкого собора, сейчас здесь находится лишь ее список (оригинал — в Третьяковской галерее), что Успенский собор, занимающий центральное место в Лавре, был возведен Иваном Грозным по образцу главного собора московского Кремля. Все это мы узнали совершенно случайно. Сбоку от нас из толпы вынырнула женщина, размахивающая флажком: «Моя группа! Моя группа! За мной!» Мы решили не упускать такой шанс и, приняв заинтересованный туристический вид, устремились на зов. Все-таки лучше получать информацию из первых уст, а не из безликого путеводителя.

Гулять вокруг монастырских стен почти так же познавательно, как и внутри, притом гораздо приятнее: здесь гораздо меньше людей, а значит, шума и суеты. Стены — мощные, трудно ожидать иного от изначально крепостной постройки. Именно крепкие стены и безмерное мужество монахов и отряда стрельцов позволили Лавре выдержать осаду польско-

го войска, длившуюся почти полтора года. Но монастырские укрепления — это не только стены. Здесь — одиннадцать прекрасных башен, но, пожалуй, самая красивая из них — Уточья — словно выточена из слоновой кости шахматной фигуркой с резными окошками и тонкими изящными шпильями. А вкрапления красного кирпича в белом камне выглядят просто бесподобно.

За пределами Лавры

Конечно, Лавра привлекает к себе повышенное внимание, однако город не потерялся в ее тени, и имеет свой неповторимый колорит, хранящий еще атмосферу XVIII—XIX веков. Небольшие и уютные улочки с низенькими домами, многие из которых всё еще остаются деревянными, украшенные великолепной резьбой. Цел и построенный еще в 1790-х годах Конный двор. Сейчас здесь расположен исторический музей. Несмотря ни на что, стоят каменные приходские храмы XVI—XIX веков, возводившиеся когда-то вокруг монастыря как центры древних слобод. Перед самой Лаврой раскрывается во всем своем великолепии Красная монастырская мощеная площадь с бульва-

ром. На самой площади — лаврская часовня и колодезь. Вокруг нее уютнолились здания бывших монастырских гостиниц, лавок и доходных домов. А по периметру — многочисленные лавочки, торгующие продукцией местных промыслов, а заодно и всем тем, что с лёгкостью можно найти в Москве на Старом Арбате.

Не упустите возможность посетить знаменитый Музей игрушки. Он расположен в красивейшем месте города, на горе Волокуше, напротив Лавры. В стенах музея хранится более 30 тысяч игрушек разных народов мира. Особое впечатление оставил мишка — символ олимпиады 1980 года в Москве. Его шили как раз на местной фабрике игрушек. Во время Олимпиады он стоял в оргкомитете, а теперь обитает в музее.

Сергиев Посад — уникальное звено Золотого кольца России. Он удивительным образом сочетает в себе монастырскую жизнь с промышленностью, торговлей, культурой. В декабре 1993 года архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой Лавры был внесен ЮНЕСКО в «Список вечного наследия». И хочется надеяться, что это будет не пустым звуком, и ещё многие поколения российских и иностранных туристов смогут наслаждаться божественной красотой и этого города, и Лавры. □

Денис Логинов

БОНЖУР, РОССИЯ!

О ЕВРОПАЛИИ С ЛЮБОВЬЮ

В Бельгии царит дух Европалии, уникального фестиваля, на котором одна страна представляет на десятках выставках главные шедевры своих художественных и исторических музеев, а на лучших сценах выступают всемирно известные российские артисты.

И это не мероприятия «выходного дня» или «неделя культуры». С октября прошлого года, когда Европалию открывали Президент России Владимир Путин и Король всех бельгийцев Альберт II, и до середины февраля нынешнего.

Правда, российский культурный центр в Брюсселе уже завален просьбами о продлении экспозиций.

Число выставок исчисляется десятками: «Русский авангард», «От царя до императора», «Советский идеализм в живописи» и даже экспозиция наглядной агитации «Советская пропаганда».

А еще — большое количество спектаклей, концертов, демонстрация фильмов, встречи, семинары...

Такого культурного смотра на высшем уровне ни в Европе, ни вообще в мире наша страна еще не проводила. Грандиозность мероприятия безусловно найдет свою оценку в фундаментальных трудах искусствоведов. Сейчас же — всего лишь несколько запомнившихся фрагментов из обширного полотна российской Европалии.

Рождественская, новогодняя суэта, а затем и период зимних каникул, когда дождливая Бельгия буквально пустеет, и люди устремляются к теплым берегам, либо к пушистым снегам, не смогли остановить колес высокого искусства. Концертные залы по-прежнему были забиты до крыш. На выставках не протолкнуться, а на «лишний билетик» рассчитывали только неисправимые оптимисты.

По общему мнению, главный эстетический удар был нанесен бельгийцам (и тысячам гостей из других стран, специально приехавшим на Европалию) яйцами Фаберже.

Сразу поражает, что на выставке «Фаберже — ювелир дома Романовых» в залах видны одни только спины буквально прилипших к витринам посетителей. Все российские экспозиции — по-своему уникальны, но здесь бриллиантовый блеск манит любителей прекрасного с особой силой. Следует добавить к этому множество легенд, окружающих роскошные предметы. От тех, по какому случаю и

какое яйцо подарил император императрице, и до шепота о том, что российский промышленник Виктор Вексельберг перекупил недавно крупнейшую коллекцию за 100 миллионов долларов. Именно эти 9 пасхальных яиц и составили ядро выставки. Интересная подробность: в обслуживающем экспозицию персонале есть специальные мойщики витрин. Каждый вечер после закрытия выставки им приходится немало потрудиться, чтобы очистить пуленепробиваемые стекла от отпечатков прижатых носов и лбов любопытствующих граждан.

Выставку почтила своим присутствием живущая в Англии Сара Фаберже, правнучка Карла Фаберже. По ее словам, некоторые из представленных шедевров она видела впервые. Известно, что, когда ей исполнилось 16 лет, ее отец — Тео Фаберже — послал дочь на экскурсию в Петербург. Сара увидела удивительные творения прадеда Карла и решила продолжить дело знаменитого предка. Сейчас она — известный дизайнер, разрабатывает ювелирные украшения, часы. Произведения Сары Фаберже есть в коллекциях таких знаменитых людей, как Михаил Горбачев, Билл Клинтон, Элизабет Тейлор.

Столичные жители ехали в город Льеж на «Большой балет» и забрасывали цветами исполнителей «Лебединого озера», а любители авангардного прочтения классики награждали в Брюсселе бурными овациями оперный спектакль «Борис Го-

дунов». Успех этой во всех отношениях новаторской постановки был просто ошеломительным. Как известно, он был поставлен в Москве английским режиссером Дэкланом Донеланном. Потом «Годунова» законсервировали и только в прошлом декабре специально реанимировали для Европы и привезли в Брюссель.

Уже много было сказано и написано о бельгийском гостеприимстве. Но есть большой смысл в том, что гостеприимство предполагает застолье. И тут уж бельгийское Королевское историко-гастрономическое общество оказалось на должной высоте. Да простят мне противники кревоугодия, но с этого места хочется рассказывать поподробнее.

В огромном двухцветном зале на круглых, устланных хрустящими скатертями столах, строгий человек во фраке зажигал свечи. Другой, во фраке же и с перстнями, строгал на терке хрен. Лакеи принимали верхнюю одежду подкатывающих в лимузинах гостей. В центре Брюсселя начался вечер, посвященный старинной русской еде. Высокие гости предъявляли красные с золотом именные карточки с надписью: «Приятного аппетита! Лев Толстой». Затянутый в черный скруток престарелый знаток русских обычаев, стоя у лукошка с белыми булочками, объяснял, что такое «хлеб-соль». Обед из пяти переменов включал, естественно, икру с блинами, пирожки с мясом и капустой. За ними на серебряных подносах понесли суп из телячьих почек, осетрину

под соусом из свежих долек эшалола. Ближе к полнучи стали подавать рябчиков с обмазанными медом животиками. А когда подошло время десерта, то публика, выдавшая разные гастрономические достопримечательности, тихо охнула. Шарлотка по-русски являла собой нежнейший крем цветов российского флага, обсыпанный черникой, лесной малиной и самой настоящей крохотной и невероятно ароматной земляникой, которую, как еще помнится, собирали на солнечных полянах в далеком детстве. Слоеное тесто служило отличной постелькой для кулинарного шедевра, увенчанного маленькой чищеннoй грушей, основательно вымоченной в клюквенной водке. Чувствовалось, что организаторы вечера знали о Льева Николаевиче очень много, хотя и не все. К примеру, песню о Толстом-вегетарианце «Не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по дороге босой» никто из них и не слышал вовсе.

О российской Европалии наверняка еще долго будут вспоминать, хранить программки спектаклей, выставочные путеводители и меню со званых обедов. И будут рассказывать истории нынешние и, как сказал бы поэт, «овеянные дыханием веков». А ведь действительно, слово «русский» в этих краях известно давным-давно, когда самой Бельгии и в поминете не было. Русский царь Петр Великий бывал здесь, и не однажды. Даже есть о тех временах нетленная бронзовая память. В овражке парка, что раскинулся

перед королевским дворцом в Брюсселе, стоит бюстик Петра Алексеевича. Рассказывают, что поставлен он был спустя некоторое время после одной увлекательной прогулки, которую галантный русский царь совершил с одной привлекательной фрейлиной. Подробности той встречи не приводятся. Доподлинно известно лишь, что прошла она «в теплой сердечной обстановке», а Пьер Ле Гран, как величали в то время российского императора, оказался со всех сторон молодцом.

Нынешний фестиваль тоже оставил в Бельгии следы, правда, несколько иного толка. Недавно, зайдя по делам в крупнейший бельгийский банк «ING», я поразился, увидев огромный плакат. Творение, как выяснилось, местных художников, но, без сомнения, навеянное выставками российской Европалии. На нем строгая женщина в косынке, прижимая к губам палец, внимательно смотрела на посетителей. Внизу плаката — яркая надпись по-русски: «Помни о Павлике Морозове!!!»

— Я не знаю хорошо русского языка, — ответил на мой изумленный вопрос ответственный служащий банка. — Но нам сказали, что эта милая дама призывает к тому, чтобы громко не рассказывать о своих сбережениях.

Я покинул банк с чувством глубокого удовлетворения — нынешняя Европалия оказала огромное влияние на все стороны жизни бельгийского общества. □

ПИРАТ СИЛИКОНОВОЙ ДОЛИНЫ

Просто Кир

podolak@rambler.ru
www.prostokir.pbnet.ru

Продукция корпорации, о которой пойдет речь, знакома практически всем без исключения. Наверняка вы встречали надпись на системном блоке или в рекламе: «Intel inside». О чем она говорит? О том, что в агрегате, который служит вам верой и правдой, стоит процессор фирмы

Intel. Рассмотрим, что это такое и с чем его едят. У Intel огромное разнообразие камней, и народ часто путается при выборе.

Это чуть ли не самая удачливая фирма, зарекомендовавшая себя как производителя самых надежных и быстрых процессоров. Несмотря

на то, что в последние несколько лет в производительности начинает выигрывать AMD, благодаря Athlon64, у Интел по-прежнему большая доля рынка — почти 80 процентов. Народ привык к «Intel inside», поэтому берет Pentium4 или Celeron с большим удовольствием.

Копаемся внутри

Все современные процессоры от Интел (для настольных систем) представляют собой вариации на тему архитектуры NetBurst, к которой относятся ядра процессоров: Northwood, Prescott. Отличаются они в основном количественными параметрами, но не всегда — качественными. Поэтому рассмотрим кратко каждое ядро процессора:

Northwood: техпроцесс 0,13 мкм, максимальная частота до 3400 МГц, кэш память L1 8 кб, а L2 512 Кб, 64 миллиона транзисторов, встает в Socket 478, тепловыделение до 60 Вт, рабочая температура до 75 градусов по Цельсию, работает на DDR. Число исполняемых конвейеров — 20. Поддерживаемая шина — 533 МГц (133x4) со стейпингом C1, стейпинг же B0 дает нам поддержку шины 400 МГц

(100x4), но процессоры с последним параметром еще надо поискать. Более перспективный стейпинг — D1 позволяет достигнуть шины 800 МГц (200x4). Процессоры на данном ядре очень часто отказывались работать на DDR 333 (166 МГц), что вполне логично вытекает из стейпингов. Появился в 2002 году.

Prescott: техпроцесс 0,09 мкм, максимальная частота до 3800 МГц, а теоретическая до 4500 МГц, кэш память L1 16 кб, L2 1024 Кб (есть варианты с 2048 Кб), 125 миллионов транзисторов, заточен под Socket 478 и Socket 775, тепловыделение 89—115 Вт, рабочая температура до 73 градусов по Цельсию. Число исполняемых конвейеров — 30—35. В зависимости от стейпинга и сокета поддерживает шины 800 МГц (D1) с обычным DDR 266 МГц, 1066 МГц (E0) с DDR-2 533 МГц,

при этом на некоторых материнских платах есть неофициальная поддержка DDR-2 667 МГц, что хоть как-то может повлиять на ситуацию, о которой поговорим чуть ниже. Встречаются также вариации ядра, работающие на шине 533 МГц (С1). Выпуск постоянно откладывался — сначала хотели в 2003 году, но потом отложили и выпустили только в начале 2004.

Сравним и подумаем

Архитектура первого построена по «блочному» принципу, у второго ее пересмотрели и радикально поменяли многие элементы — в результате, все звенья равномерно распределили на кремнии, что должно было бы сказаться на тепловыделении (хоть и равномерно, но это не машает процессору сильно греться), так же применили новые материалы и подходы к производству. Несмотря на приличное количество инноваций — толку чуть.

Все дело в том, что, несмотря на большее количество мегагерц, более прогрессивную шину, которая в будущем должна стать стандартом — производительность Prescott получилась не совсем та, которую ожидали потребители. Ситуация не замедлила сказаться на рынке — процессоры с новым ядром продаются по цене, как со старым, а в некоторых случаях — даже дешевле.

А я знаю, о чем вы подумали!

Почему же ситуация настолько плачевная? Проблема в том, что сколько литр по рюмкам не разливай — два из него не получится: объем воды в бутылке и суммарный разлитый по емкостям — будет одинаковый. Этого процессорный гигант и добился. Обратите внимание на описание ядер, особенно на количество исполняемых конвейеров Northwood — 20, Prescott — 30—35. Получается, за единицу времени последний обрабатывает меньшее число операций. Увеличение длины конвейера — это плата за возможность производства кристаллов с более высокими тактовыми частотами. Поэтому, если взять процессоры на двух разных

ядрах и с тактовой частотой 3000 МГц, то их производительность будет равна. Если Prescott и вырвется вперед, то не более, чем на несколько процентов. Работа мегабайтного кэша хорошо заметна на ресурсоемких приложениях — работа с видео, архивирование, обработка сцен в 3D Max и в некоторых других, но даже такой прирост производительности, который показывает iP4 на ядре Prescott, нельзя считать существенным. В играх же он показывает себя еще хуже, а порой и заметно отстает.

It'll be back

Похожий провал у Интел наблюдался с первым четвертым пентиумом на ядре Willamette, который уступал по всем параметрам третьему пентиуму, при этом превышая его значительно по цене, и требуя замены материнской платы. Положение исправил лучшее на сегодняшний день решение корпорации — камень на ядре Northwood.

Не настолько все плохо, как кажется на первый взгляд. Если вы собираете машину на S-478, то, естественно, лучше взять iP4 3400 МГц (Northwood) и спокойно работать, зная, что данной конфигурации хватит надолго. Но в случае с S-775 выбора нет, поэтому придется брать процессор на ядре Prescott, так как платформа более перспективная и позволяет в будущем поставить двухъядерный процессор. Ситуацию с производительностью немного исправят модули DDR-2 667 МГц. Остается только надеяться, что корпорация не доведет число исполняемых конвейеров до сотни, добившись 5000 МГц и сведя производительность до уровня iP100 МГц.

Легкие, воздушные и горячие

Последняя информация о компании говорит о том, что 4000 МГц (Prescott) не будет. Более высокие тактовые частоты Intel планирует реализовать на новом ядре. Пока что все говорит о том, что количество конвейеров будет увеличиваться. Представители Intel заявили, что уделят

больше внимания производительности, а не обесценивающимся мегагерцам.

Проблема охлаждения с новыми процессорами стала чуть ли не самой важной. Если раньше пользователи с гордостью могли сказать, что «интел не греется», то сейчас у знающего человека подобная фраза вызовет улыбку, а у владельца AMD64 бурный смех. Что Northwood, что Prescott — оба при старте дают под 50° С. Если первый дальше двигается не сильно — примерно до 55—60 градусов при полной нагрузке, то для второго норма 60° и выше. AMD64 же, при использовании даже родного кулера, с трудом добирается до 40 градусов (в среднем, 38 при полной нагрузке), а на старте дает всего каких-то 19—25° С.

Ситуацию с избыточным нагревом может изменить новый техпроцесс 0,06 мкм или более и отлаженная ревизия процессора.

EM64T — что такое?

Если просто, то это новые инструкции в процессоре, которые позволяют ворожать большие объемы оперативной памяти и больше ничего. Это все та же 32-х битная архитектура с небольшой доработкой, в отличие от AMD, у которой AMD64 — полноценная 64-х битная архитектура. Несмотря на это, Windows XP 64 Bit Edition будет работать на процессорах обеих фирм. EM64T есть почти во всех последних камнях под S-775.

Боремся с градусами

Ни для кого уже не секрет и не новость, что современные процессоры Intel — самые горячие. Проблему перегрева компания решила уже давно: в случае отказа системы охлаждения процессор начинает работать в режиме пропуска тактов, а проще говоря, тормозит (система виснет или начинает дико медленно работать), зато сразу исключается вариант сгорания процессора, а за ним и материнской платы.

Если решили собирать систему на базе процессора от Интел, особенно на ядре Prescott, то постарайтесь найти хо-

роший кулер (хотя боксовый вариант — тоже вполне достойная штука). Понадобится еще корпус, в который можно установить несколько дополнительных вентиляторов (3 минимум).

Prescott обесточил весь квартал

Процессор Прескотт потребляет больше мощи, чем Норсвуд, поэтому блок питания должен быть хорошим (минимум 350 Ватт), а не собранный в китайской фанзе на коленках. Если вы думаете, что «и так сойдет», то глубоко ошибаетесь, ведь последствия такого отношения могут вылиться в как минимум нестабильную работу системы и как максимум в вышедшее из строя оборудование.

Оторвали мухе ноги — «Муха! Ползи!»

Процессорный гигант на новом соquete 775 предложил интересную идею: лишить все процессоры ножек, что очень хорошо при монтаже — нечего ломать. А по сути — прогресс заключается только в поддержке этим разъемом двудерных процессоров. В остальном же вышел тот же кактус, только в профиль.

Если нужен действительно экстремально-быстрый процессор, то обратите внимание на Intel Pentium IV Extreme Edition. Он создан на новом ядре Galatin и призван конкурировать с AMD'шной серией FX. Хай-энд процессор от Интел. Производится по технологии 0,13 мкм, L1 кэш 8 Кб, L2 512 Кб и L3 2 Мб, ожидаются камни с L3 4 Мб. P-IV EE, греется существенно меньше Prescott, а в производительности и цене равных ему среди продукции Intel не найти.

Не менее интересен бюджетный вариант процессора — Celeron. На удивление, они очень недороги и идеально входят в нишу недорогих решений. Отличаются от остальных моделей урезанными параметрами (кэш в два раза, шина от 400 МГц до 533 МГц, нет поддержки некоторых инструкций — грубое удешевление путем выкидывания «лишнего»). Се-

лероны строятся на ядрах полноценных камней, что вполне логично — зачем изобретать велосипед, когда с уже изобретенного можно снять колесо и руль скрутить. Но это не мешает им выдавать достойный результат, особенно это касается Celeron D — на равных тактовых частотах он не сильно отстает от полноценного аналога, а в некоторых случаях немного опережает. По большей части, Селероны — игровые процессоры и идеально подходят в качестве «сердца» компьютера, купленного неприятельному пользователю или ребенку. Celeron D греется почти в два раза меньше, чем Prescott. Он достоин всяческих похвал как за производительность, так и за цену.

Куда делись мегагерцы?

Всем известны PR-рейтинги АМД, которые говорят о том, что данный процессор работает так же, как и Интел на такой-то частоте, например: AMD Arhlon64 XP 3000+ (1800 Мгц) = Intel Pentium 4 3000 Мгц (Northwood/Prescott). В итоге, выходит, что с разницей частоты в 1200 Мгц процессор конкурирующей фирмы выдает такую же производительность. Возможно, Интелу это надоело, и они решили больше не писать частоту процессоров и перешли просто на наименование моделей, чем усложнили жизнь покупателям. Допустим, увидев процессор P-IV 531, что вы сможете о нем сказать? Придется лезть в описание и смотреть, что же это такое, и получим ответ: тактовая частота 3000 Мгц, шина 800 Мгц, ядро Prescott, кэш L2 1024 Кб, поддерживает EM64T и заточен под S-775. Слава Богу, большинство магазинов в скобочках всегда указывают параметры процессора.

С цифровым наименованием моделей идут Прескотты (начинаются с 5 и 6) и Селероны D (начинаются с 3). Пока в продаже их мало, но если вы встретите модель, которая начинается с 8, то перед вами двухядерное творение процессорного гиганта. Норсвуды и обычные Селероны представлены, как обычно.

Идея!

Из вышеописанного видно, что независимо от того, сколько бы новых решений Интел ни выкинула на прилавки, в компании все равно наблюдается кризис. С реализацией продукции как раз-таки проблем вообще нет, а вот с идеями и более продуманными решениями... Цены на процессоры становятся более гуманными, хотя все равно превышают ощущение АМДешные.

За годы своего существования Интел зарекомендовала себя чуть ли не единственным производителем процессоров, поэтому многие не знают, не доверяют и даже не думают ни о чем, кроме «Intel Inside». Времена меняются, и вечно быть лидером тяжело. То, что мы сейчас наблюдаем, а именно, темпы покупки Интеловских камней, — не более, чем движение по инерции. Народ привык, что они лучшие и считает так до сих пор. Но в сегодняшней ситуации лучших нет! Каждая корпорация хороша по-своему. Если Интел действует грубой силой (мегагерцы), то АМД берет архитектурой и умом.

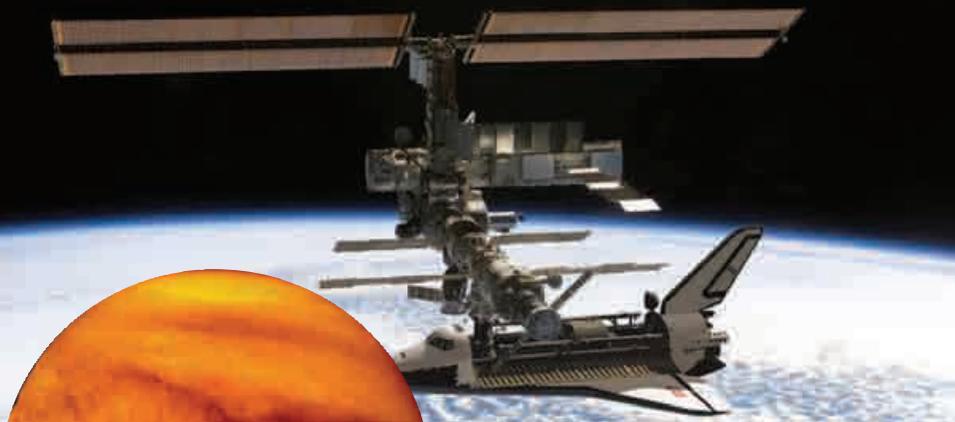
У Интел — огромные планы на будущее — и не исключено, что она их реализует. Главная задача, стоящая перед ними — это снижение рабочей температуры процессора и доведение количества выделяемого тепла до 30—50 Вт, сохранив при этом прежнюю производительность. Они планируют реализовать это на техпроцессе 0,06 мкм. Другая задача — увеличение производительности иными средствами, нежели мегагерцами.

Постскрипtum

Не делайте однозначных выводов после прочтения материала. Берите не то, что вам советуют, или то, что ругают — решайте сами, ведь однозначного мнения нет, и каждый хвалит то, что у него есть или ему доступно. Нет ничего более бесполезного, чем отзывы и тесты, ведь они не всегда показывают реальную картину. Постигайте все на практике и только потом делайте выводы... □

Кирилл Сорокин

ШАГ К ЗВЕЗДАМ

ИЛИ КРАХ НАДЕЖД?

Есть у нас собратья по разуму во Вселенной? Что нас ждет в холодной темноте космоса? Этот вопрос задают себе многие современные жители Земли — крохотной планетки на задворках Млечного пути. Еще наши предки всегда с трепетом смотрели на звезды, но они их просто мало знали. Изменилось ли что-то в наши дни?

Предпосылки

Уже с Жюль Верна началась эпоха попыток человека выйти за рамки второй

космической скорости, то есть преодолеть тяготение Земли и отправиться в свободное путешествие хотя бы по Солнечной системе. Конечно, в далеком XIX веке это была фантастика, сказка. Позже Циолковский обнародовал свои теоретические изыскания, в которых достаточно точно описал возможные варианты полетов на другие планеты. Но и после этого полёты в космос не восприняли всерьез.

Наступает конец Второй мировой войны, и начинаются «холодная война» и гонка вооружений. Две сверхдержавы соревнуются во всех областях науки и техники... И вот, наконец, 12 апреля 1961 года. Все хорошо помнят эту дату? Правильно, первый человек — Юрий Гагарин — отправлен в космос. Началось освоение космоса.

Начали за здоровье

После высадки на Луну появились весьма оптимистичные проекты полетов к Марсу и другим планетам. Фантасты начали строить весьма смелые картины о базах на Луне и Марсе. В общем, просто безумно радужные перспективы.

В 80-х была построена первая орбитальная станция «Мир», в 90-х ей на смену пришла Международная космическая станция. Вроде бы все хорошо.

Но дальше огромного количества научных экспериментов и исследований на борту орбитальных станций человек так и не ушел. Много исследовательских модулей было отправлено как к большим, так и к малым планетам Солнечной системы, однако все, даже самые осторожные предсказания фантастов, не торопятся сбываться.

Почему?

Не знаю, почему оптимисты прошлого века так резко взялись за идеологию космической экспансии. Может быть, они уже тогда видели проблему перенаселения Земли, или оказались слишком большими оптимистами. Как бы то ни было, они не учли того, что прогресс прогрессом, но так быстро, а главное, качественно, наука и техника развиваться просто не в состоянии.

Действительно, большинство аппаратов, выводящих людей в космос, на данный момент несут ничтожную полезную нагрузку, сжигая при этом тонны топлива. Ракетные двигатели несовершенны, токсичны, а иногда даже опасны для жизни космонавтов.

Для полетов по Солнечной системе, скорее всего, необходимы качественно новые двигатели, проекты которых пылятся на полках по причине отсутствия технологий для их реализации. С учетом того, что такие полеты (при современных скоростях) будут отнимать значительную часть жизни астронавтов, очевидна необходимость создания неких «стазис-камер», столь любимых научными фантастами всего мира (чтобы космонавт во

время полета погружался в крепкий здоровый сон и не столь быстро старел). И все это только в пределах Солнечной системы!

Тем более трудно представить себе путешествие до ближайших к нам звезд. Сколько лет это займет?

Ну и, наконец, самое главное — финансирование. Ведь предстоящая экспедиция на Венеру обошлась Европейскому космическому агентству в \$260 миллионов. И это при том, что они сильно сэкономили. Какие еще страны способны пойти на такие затраты? Возможно, США, Китай, Россия при финансировании со стороны. Собственно, эти и способны на какие-либо шаги в космос.

Вот и вынуждено человечество отдавать мастерство в орбитальных экспериментах и готовиться к прыжку хотя бы на Марс.

Что в позитиве?

Во-первых, утром 9 ноября 2005 года ракета «Союз» с разгонным блоком «Фрегат», стартовавшая с Байконура, успешно вывела в космос первую после очень долгого перерыва автоматическую миссию к Утренней звезде (планета Венера). Миссию часто называют «первой европейской», но это верно лишь отчасти.

Межпланетная станция Venus Express Европейского космического агентства (European Space Agency) вполне может считаться первым европейским полетом к Венере, если не брать в расчет СССР.

Можно вспомнить, что наибольшее количество миссий к Венере запустил именно СССР (станции серии «Венера» с 1-й по 16-ю и две «Веги»). На их счету несколько успешных посадок на поверхность и даже изучение атмосферы с помощью аэростатов («Веги», 1985 год).

Последний аппарат, целевой миссией которого была именно Венера — это американский Magellan, который работал на орбите вокруг Утренней звезды в 1990—1994 годах.

Теперь Европейское космическое агентство подхватывает эстафету иссле-

дования самой близкой соседки Земли (не считая Луны). Главная цель миссии — изучение атмосферы Венеры. Для этого Venus Express несёт на борту три различных спектрометра, один магнитометр, камеру высокого разрешения, радиоинструменты и прибор, наблюдающий плазму.

Также ученые собираются разобраться в механизмах образования парникового эффекта, превратившего Венеру в очень экзотичную банку. Её атмосфера состоит в основном из углекислого газа, а средняя температура на поверхности — 467 градусов по Цельсию, а давление — 90 атмосфер. Плотные многокилометровые облака из серной кислоты в смеси с соединениями хлора и фтора, делающие планету при взгляде снаружи — блистающей, а при взгляде наблюдателя с её поверхности — сумеречной. Абсолютно сухие каменистые долины и древние вулканы, вершины гор, покрытые (гипотетически) металлической изморозью. Просто разгул сюрреализма.

Поскольку Земля, по расстоянию до Солнца, находится между Венерой и Марсом, изучение трёх планет позволит построить логическую цепочку, цельную картину эволюции этих планет. Также учёные надеются лучше понять механику изменений климата Земли и наше возможное будущее.

Миссия рассчитана, приблизительно, на два года. Однако уже сейчас поговаривают о продлении срока, так как запас топлива на этой станции вдвое превышает необходимый.

Во-вторых, пилотируемая миссия на Марс может быть осуществлена на 10 лет раньше, чем предполагали учёные, инженеры и политики. 2020 год — такая новая вероятная дата высадки человека на Марс.

Однако только объединение усилий США и России способно дать нужный эффект. В кулуарах поговаривают, что такое сотрудничество давно уже идет, вкупе с множеством проектов различных исследовательских институтов разных стран. Так что, пока трудно сказать, какая страна, на чем и когда в действительности полетит на Марс. Что ж, будем ждать.

Итого

Несмотря на несколько замедлившуюся поступь по Солнечной системе, человечество все-таки совершило огромный прорыв для себя и уверенно движется в правильном направлении. Так что, XXI век, скорее всего, станет шагом к звездам.

Другое дело, что человечество не готово к путешествиям на другие планеты. Оно просто не в состоянии решать ту массу проблем, которые обрушатся на него при колонизации других планет. Незвестные болезни, эндемичная флора и фауна. Список может быть бесконечным. Нельзя не вспомнить и про братьев по разуму. Это только в грезах человека высший разум — всегда добрый, всегда поможет. А что в действительности произойдет в случае контакта, не скажет никто. □

ХОЧЕШЬ ПОПУЛЯРНОСТИ

Анжелика Подоляк

ВЕРТИСЬ!

Странное наступило время — люди забывают хорошее и начинают превозносить плохое, доходя порой до абсурда. Неужели так трудно отличить качественную вещь от ерунды? Неоднократно приходится убеждаться в том, что некоторые всеми силами упираются и протестуют против «классического» искусства. Им хочется чего-то другого, неординарного, из ряда вон выходящего.

Лирическое отступление

Тема сегодняшнего разговора — рок-музыка. Рассмотрим, как все было и как есть сейчас. Постараемся осветить основные вехи, а самое главное — смысл существования подобной музыки и то, как и кто ее воспринимает. Вопрос интересен еще тем, что данная тема — очень спорная, и все высказанные мысли следует рассматривать просто как идеи, ведь каждый слушатель или зритель слышит и видит то, что хочет видеть и слышать. Восприятие одних и тех же вещей у всех разное. Не стоит забывать, что музыка — это одно из самых абстрактных искусств.

Вначале была гитара

Истоки рока определить не так просто. Сразу же возникают трудности с поиском коллектива, который первым начал играть в этом стиле. Не менее сложным является процесс формулировки четкого определения музыкального направления.

Что есть рок? В первую очередь — это один из относительно немолодых музыкальных стилей (первые зачатки — в 50-х годах, в эпоху рок-н-ролла). Сначала был джаз, его логическим продолжением стал блюз, который, в свою очередь, породил ритм-н-блюз, наравне и на основе которого параллельно зародились бит (удар), серф (пляжный рок-н-

ролл) и, наконец, рок-н-ролл. Блюз как таковой был интеллектуальной и не всегда легкой для восприятия, как впрочем и джаз, музыкой. Молодежь, конечно, могла довольствоваться уже достигнутым или пойти вперед. Естественно, она пошла по второму пути, что видно по разнообразию новых стилей. 50-е годы — великое время. Именно тогда молодые, создавая что-то простое, и подозревать не могли, что творят историю....

Кого-то, может, удивит один интересный факт — в некоторых странах рок-н-ролл запрещали, и Америка — не исключение. Шла ожесточенная борьба между

«прогрессивной молодежи» и хранителями классической культуры. Некоторые энтузиасты пытались даже создавать свои радиостанции, чтобы получить хоть какую-то независимость, но их вычисляли и закрывали. Для старшего поколения «новые веяния моды» являлись не более, чем варварством, а задорные и ритмичные мотивы воспринимались как шум.

Немного психологии

Проблема восприятия новой музыки старшим поколением будет вечной. Допустим, если человек привык к Битлам, он вряд ли поймет Metallik'у, и маловероятно, что такая музыка ему будет по душе. У каждого поколения — свои критерии качества, и то, что привычно для старшего, чаще всего отвергается младшим. Классическая проблема отцов и детей. Если отец слушал рок или хард-рок, то большая вероятность того, что сын ударится в метал или еще что потяжелей. А все оттого, что на подсознательном уровне ребенок хочет отличаться.

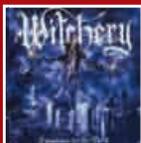
Далекое прошлое

В 50-е и 60-е годы прошлого века музыка носила объединяющий характер. Музы-

канты пытались донести определенные идеи до молодых слушателей, хотя участники групп тоже были достаточно молоды. В те времена столько всего происходило: конфликты, недопонимания, постоянные локальные войны, не говоря уже о «холодной войне». Всегда есть тот, кому это не нравится, кто хочет повлиять на происходящее. Если в политику кого попало не берут, а покричать с плакатом не позволят органы правопорядка, то остается только один путь, причем самый верный — творчество, в нашем случае, музыка. В ней есть все, чтобы передавать настроение и нужные мысли. Джаз и блюз молодежи надоел, поэтому требовалось что-то новое — рок-н-ролл (1952—1958 — примерный период расцвета), а позже рок (приобрел характерные черты уже в 60-х).

Извлекаем звук зубами

Во второй половине 60-х складывается один из самых интересных и разнообразных музыкальных стилей — хард-рок. Первопроходцами стали: Iron Butterfly, Blue Cheer, Cream и многие другие. Конечно, это еще не был тяжелый рок в полном смысле этого слова — больше походило на утяжеленный блюз с роком

в одном флаконе, но по звучанию роком назвать их творения язык не поворачивается, так как это было начало чего-то более мощного и не менее интересного. По большому счету, почти все хард-роковые составы начинали свой путь с рок-н-ролла (в школе), продолжали блюз-роком или роком, и со временем, набираясь опыта, переходили к созданию более сложной музыки — хард-рок. Для кого-то данный стиль — какофония, бред, бездарность и не музыка вообще. Услышав такое про тяжелый рок, можно сделать только один вывод — человек ничего в этом не смыслит, и, наверняка, не знает великих произведений.

Характерные черты хард-рока — четкая выраженная ритм-секция (ударные), бодрый бас, мощный (читай не громкий, а энергичный, ободряющий) вокал, ну и, конечно же, гитарные соло-партии. После прослушивания качественного хард-рок произведения хочется жить, любить, делать добро, да и вообще проявлять какую-то полезную активность. Эта музыка не даст вам впасть в депрессию, плохое настроение, мигом исправит на хорошее. Чего только стоят такие коллективы, как Deer Purple, Pink Floyd, Uriah Heep, Rainbow и многие другие.

А что же с роком?

В конце 60-х и первой половине 70-х, хотя, возможно, и до наших дней рок (Queen, ELO, Styx), тяжелый рок (Nazareth, Black Sabbath, Van Halen), блюз-рок (Led Zeppelin, Jetro Tull), хард-рок-н-ролл (Kiss, Slade, AC/DC), рок-н-ролл (Status Quo) гармонично сосуществуют, не мешая друг другу. Каждый новый коллектив просто решает для себя, в каком

стиле ему играть. У всех направлений есть свои ответвления, например, рок делится на софт-рок, глэм-рок, арт-рок, поп-рок, сайкоделик-рок (Pink Floyd). Границы между различными течениями порой условны, так как одна и та же композиция порой относится сразу к нескольким направлениям.

Вот и ответ на вопрос: а что же с роком? Ничего. Он продолжил развиваться, появилось множество интересных коллективов. Иногда его звучание очень близко к хард-року.

Музыканты тоже кушать хотят

Творить «за бесплатно» — это хорошо, но когда творчество приносит деньги — еще лучше. Как раз в середине 70-х резко меняется музыкальный бизнес. Погнались не столько за смыслом песен и идеями, сколько за местами в чартах. Постепенно музыка переходит исключительно на коммерческие рельсы, что не замедлило отразиться на качестве. Значительная часть исполнителей работает на «толпу» — хотите рок — получайте (многие группы звучат похоже). К концу 70-х великие коллективы сдают свои позиции — распадаются, либо резко меняют стиль на коммерческий (упрощение композиций, легкие и запоминающиеся тексты). Кто-то продолжал творить в том же духе, что и раньше, но, к сожалению, таких мало. Творчество окончательно превратилось в бизнес.

Очередной рубеж

1978—1985 годы — переходный период. Если судить по официальным источни-

кам, то эти годы называют Новой Волной (New Wave) — некое подобие возрождения. Хотя, по большому счету, это был декаданс (упадок). Великие выдохлись, а молодые и малоизвестные стремились предложить что-то более прогрессивное (логическое продолжение старого). Именно в этот период музыканты экспериментируют с синтезатором (Дэвид Боуи, Queen). В доселе живой музыке все чаще встречается элемент электроники (результат — потеря поклонников). Возникли электро-рок или поп-рок группы (Depesh Mode, Duran Duran, The Cure и другие).

Хард-рок также претерпел некоторые изменения, породив новое течение — метал (звонкая, быстрая, не всегда приятная на слух музыка). Но творцов метала в чистом виде — днем с огнем не сыщешь. И, как всегда, родились новые течения: спид-метал (скоростной), пауэр-метал (с чего, что и первое), вагнеровский-метал (с элементами классики), трэш, готик-метал, дум-метал, блэк-метал, дэт-метал, симфонический метал, эпический скоростной метал...

Не одним железом сыты

Если качественное произведение хард-рока понравится почти любому человеку, то с метал так не выходит — музыка слишком специфичная. Это не говорит о том, что данный стиль плохой, просто для его восприятия нужно, чтобы душа лежала.

Если человек хорошо ориентируется в хард-роке, то многие представители метала покажутся ему вторичными. Дело в том, что найти жемчужину в данном направлении непросто, так как группы

появлялись, как грибы после дождя, и нередко использовали идеи своих «коллег». Метал вытек из музыки таких групп, как Black Sabbath, Scorpions (первые штрихи на альбоме In Trans — 1975 год), Deep Purple. Развитие шло в сторону утяжеления звучания.

Нередко исполнителей добротного харда с утяжеленными гитарными рифами причисляют к металлу, например Def Leppard, Iron Maiden, Manowar. Некоторые «старички», дабы удовлетворить потребности молодежи, резко меняли направление, те же Judas Priest (играли себе хард-рок, а тут переключились на метал — альбом 1990 года «Painkiller» — эталон металлического звучания).

Все гениальное — просто

Несмотря на некоторую одинаковость большинства, находились те, кто хоть и творили в одном стиле, но все же отличались, что говорит о хорошем подходе к делу. Очень интересен стиль вагнеровский-метал. Одни из первых с классикой экспериментировали Rainbow (интерпретация «К Элизе» Бетховена, ELP — Emerson Lake & Palmer, после смерти последнего — Powel). Получилось использование давно созданного, но если идею грамотно оформить, она преобразится, предстанет в новом свете и воспримется как что-то новое.

«Хорошие» металлисты обучались игре (особенно гитаристы) на произведениях Баха (скрипичные), Моцарта, Бетховена, Вивальди и других классиков. Если вслушаться в соло-партии — не напоминают ли они вам скрипку? Первыми вагнеровскими металлистами ста-

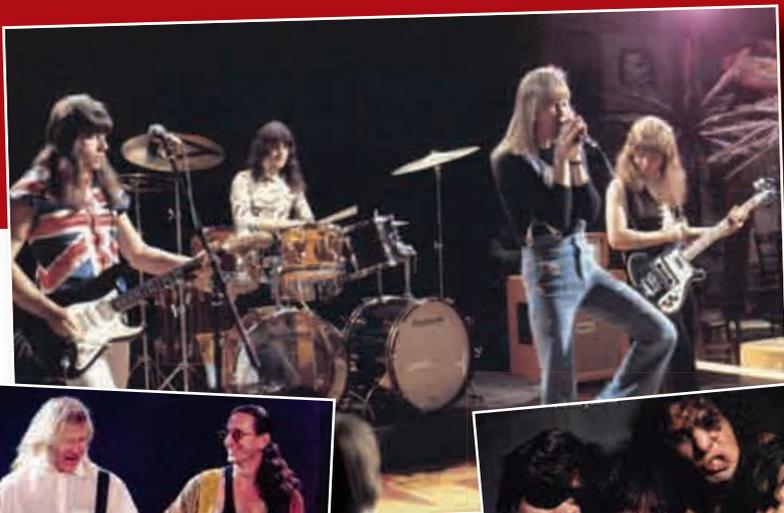
ли Helloween. Их музыка отличалась скоростью, мелодичностью (быстро, тяжело и красиво), техничностью исполнения. Позже их покинул один из основателей — Кай Хансен и организовал Gamma Ray, превзошедшую по уровню первую. Helloween не распалась — участники, оставшись без лидера, нашли замену и продолжили творить дальше, отойдя от классики просто к мелодичному пауэр-металу (хотя влияние классики не исчезло). Отличительной особенностью Gamma Ray является неповторимая манера пения Хансана, огромное разнообразие музыкальных находок. После прослушивания нескольких альбомов группы чувствуется тяготение коллектива к хард-року 70-х, особенно к стилю непревзойденной «банды» Uriah Heep. Среди песен Gamma Ray встречаются не только вагнеровско-металлические, но и чисто хард-роковые вещи. Стоит отметить огромный вклад англичан, немцев (Blind Guardian, Accept) и финнов (Stratovarius) в развитие новых металлических течений.

Мрачно, зато красиво!

Определенный интерес представляет также готика, готик-рок и готик-метал. До-

вольно близкие по звучанию направления. Готику разделим на два основных: готика вообще и «махровейший финский готик». Первому присуще обилие органичных партий, тяготение к классике (ярчайшие представители — Lacrimosa и отчасти Dreams of Sanity). Второе ответвление отличается большей тяжестью и местами депрессивностью. Почему финский — все просто — именно финны явились законодателями мод этого стиля (Amorphis, Paradise Lost). Данное направление не лишено своих прелестей — орган, иногда целый оркестр, ну, и характерная черта — рычащий вокал. Нередко использовалась манера — «Красавица и чудовище» — чистый женский вокал, порой близкий к опереточному, ну, и, конечно же, мужской рык (слова при таком раскладе распознать практически невозможно).

В отличие от обычных металлических (скоростной, трэш, блэк-метал) направлений, готика имеет своеобразную композицию песен — по своему содержанию они непредсказуемы (не монотонно), могут звучать как быстро, так и медленно, плавно переходя с одного ритма на другой, пестрят переходами от одной темы к другой.

Приколно скрипочки звучат

Урожай 90-х не был настолько плох, просто количество качественной музыки сократилось до минимума. В эру заката бабок — творчество ценится как товар, произведения сочиняются на ходу, а выпуск нового альбома зависит не от музыки, а от сроков (раз в год вынь да положь).

Тем не менее, нельзя отрицать оригинальность таких коллективов, как Rhapsody (симфонический пауэр-метал, итальянцы), Angra (вагнеровский метал, бразильцы), Theion (готик-рок в перемешку с симфоническим метал, шведы), Nightwish (симфонический пауэр-метал, финны), In-Extremo (мощный хард под волынку, немцы), Ayreon (хард-рок опера, голландец), Royal Hunt (хард-рок в чистом виде).

Подводим итог

Музыка, как и время, на месте не стоит, периодически радуя чем-то новым. Что

же лучше — новое или старое? Вечный вопрос! Решайте для себя сами.

Из выведенной хронологии видно, как все стремительно менялось. Если раньше промежутки между направлениями могли достигать десяти лет, то сегодня они сократились до пяти. Возможно, это из-за обилия информации и увеличения скорости жизни. Хотя, по большому счету, все новое сейчас — хорошо забытое вчера. Вторичность — на каждом шагу. Казалось бы, что все сыграно и спето уже давно, и создать новое невозможно. Неправда! К сожалению, это подтверждают только единицы...

С другой стороны — мусолить направления, стили и особенности той или иной группы — не нужно. Важен результат — нравится, не нравится — все. Найдите свое и наслаждайтесь, будь то метал или поп, а может, и все вместе. Самое главное, чтобы музыка порождала положительные эмоции. □

A man and a woman are shown in a dramatic embrace on a stage. The man, on the left, is wearing a light-colored, long-sleeved shirt and has his arms around the woman. The woman, on the right, has voluminous, curly blonde hair and is wearing a dark, sleeveless top. She is looking upwards and to the right with a serious expression. The background is dark, and the lighting is focused on the couple, creating a high-contrast, theatrical atmosphere.

Добежать до океана

Яркая, динамичная и озорная актриса Даша Мороз на сцене подобна вырвавшейся в небо комете — она отдает себя целиком, играет самозабвенно и в душе абсолютно каждого зрителя находит отклик. Она из тех немногих актрис, кто зажигает сердца.

— Даша, вы одна из самых молодых актрис знаменитого, легендарного МХАТа, вам 22 года, но уже сыграно множество ролей в кино, зритель вас любит и знает. Что такое успех и в чем его секрет?

— Успех... Звезды так складываются, наверное, а еще: огромная «пахота» — над собой и над ролями. Я много работаю. У меня не было такого проекта, который бы меня, что называется, «вытолкнул», все идет постепенно, ступенчато...

У каждого актера — свой путь. Бывает так, что артист просыпается звездой после нашумевшей картины, которую посмотрела вся страна, и у него «срывает крышу». Иногда такой неожиданный успех мешает. В этом смысле у меня все нормально. Вот если зритель придет в театр и поинтересуется, а в каком спектакле играет актриса Мороз, и купит билет — вот это будет победа! Или же режиссер скажет: «Не приходите на кастинг, для вас уже есть роль!» В масштабах страны у меня неплохой рейтинг (смеется), но об успехе не думаю, я вся — в работе.

— Что нового в творческой жизни на сегодняшний день?

— Вскоре выйдут два фильма «Нанкинский пейзаж» и «Точка». В театре репетирую «Живи и помни» по повести Валентина Распутина, режиссер — Владимир Петров, на Малой сцене МХАТа. Работа — очень серьезная и занимает много времени.

— Ваш отец — режиссер Юрий Мороз, вы прислушиваетесь к его советам, он вам помогает?

— Все время обсуждаем работу, а советом всегда серьезно помогает. Если в театре прогон смотрит, то посоветует что-нибудь, разумеется, не вмешиваясь в работу режиссера. Сейчас немножко оторвалась от него в кино, папа не видел ни одного кадра из «Нанкинского пейзажа». Он — настоящий профессионал, и его мнение я очень уважаю и ценю.

— **Даша, вы играете ведущую роль в «Тартюфе», в постановке модного, талантливого режиссера Нины Чусовой. Как с ней работалось?**

— Великолепно! Мы даже подружись. Работать с ней интересно и весело. Чусова, как вулкан, экспрессивна, импульсивна. Играя роль Марианны, впервые столкнулась с таким необычным персонажем. Сложности, в основном, возникали в поисках характера и придумках различных ситуаций, в том числе в отношениях Марианны и Валера. У меня в «Тартюфе» замечательный партнер — Максим Матвеев.

— **Что хотелось бы сыграть?**

— Машу в «Чайке». А вообще, хотелось бы сыграть роль женственную, возможно, взрослее, чем я есть!

— **Актер — профессия мужская или женская, на ваш взгляд?**

— Женская. Увы, но в основной своей массе актеры-мужчины склонны к самолюбованию, редко кому удается этого избежать. А кому удается, те становятся режиссерами. Для женщины-актрисы самолюбование, букеты цветов от поклонников — это органично, как и для женщины вообще.

— **Летом вы побывали в Японии на тренинге у режиссера Тадаши Судзуки ...**

— Нас, молодых артистов, отправили в его театральный центр на две недели. С нами занимались профессиональным тренингом по системе Судзуки два раза в день, было очень интересно. Жили в высокогорной деревне Тога, там дивная природа, цикады стрекочут... Тогда я поняла прелесть японских рисунков тушью. Мое ощущение от Японии — особая ментальность, они живут по другим

внутренним законам, все как-то очень гармонично.

— **Что самое главное для актера?**

— Интересная работа. Я благодарна судьбе, что пришла в актерскую профессию в удачное время. В 17 лет я сыграла в театре О. Табакова в «Песочном человеке» А. Марина. До конца института выпустила еще три спектакля. Теперь вот служу в театре своей мечты. МХАТ — мой дом, со своими радостями, сложностями. Я никогда не работала в массовке, каждая роль дает мне возможность развиваться, творчески расти, а это безумно важно. Очень благодарна за это Олегу Павловичу Табакову.

— **С кем можно сравнить актеров?**

— Скажем, у морской черепахи из яиц вылупляются малютки — черепашки — двести штук! И начинают они бежать к океану. Путь полон опасностей и хищников! Кто из них добежит, тот и победил. У нас, актеров, то же самое.

— **Какие качества цените в людях?**

— Душевность, острый ум и острый язык. Образованность, галантность, корректность, простоту — в смысле без лишней мишуры, юмор, восприимчивость к человеческому теплу и способность это тепло ценить.

— **Что такое счастье?**

— Это гармония с самим собой. □

Беседовала
**Елена
Воробьева.**

фото
Владимира
Чейшвили

М

Охнатый партнер

Директор центра кинологической службы УВД САО
Ю.В. Ганецкая

«Человек собаке друг — это знают все вокруг». Из песни слов не выкинешь, а вот добавить можно. Не только друг, но и партнер, коллега, напарник, с которым — в огонь и в воду. Именно об этом мы беседуем с директором центра кинологической службы УВД Северного административного округа Ганецкой Юлией Владимировной.

— **Юлия Владимировна, расскажите, пожалуйста, о вашем центре и его питомцах.**

— Наш центр — один из старейших. Раньше их было всего два. Теперь, по распоряжению мэра Юрия Михайловича Лужкова, они образованы в каждом округе Москвы. Публичных мероприятий день ото дня становится все больше и больше, народу на них собирается множество, значит, возможность теракта возрастает, плюс хулиганство. Борьба с наркотика-

ми — тоже для города проблема номер один. Вот и получается, что без нас ни туда и ни сюда. Ведь мы тренируем семьдесят собак для службы в милиции. У нас готовят патрульных псов — тех, которые работают на публичных мероприятиях: Дни города, концерты поп-звезд, футбольные матчи... Мы обучаем розыскных собак, выезжающих на места преступлений, умеющих брать не только след преступника, но и его самого, находить важные улики. У нас есть собаки, которые находят взрывчатые вещества. Именно они не раз были командированы на работу в Чечню. И, кстати, все возвратились целыми и невредимыми домой. Многие псы у нас занимаются поисками наркотиков.

— Какими качествами обладает человек, работающий в правоохранительных органах, мы приблизительно знаем, а вот какой характер должен быть у его мохнатого напарника — нет.

— На мой взгляд, это собака с хорошим чутьем, крепкой психикой, уравновешенная, смелая. Она не боится резких звуков, например, выстрелов. Поэтому мы стараемся брать к себе щенков не моложе восьми месяцев. Именно в этом возрасте уже можно сказать, способна ли собачка к обучению. К сожалению, из

ста щенков пригодными бывают только десять. Сейчас в питомниках разводят собак, руководствуясь исключительно коммерческой наживой. Собаководчики покупают медали, дипломы... Бумажек, свидетельствующих о достоинствах пса, много, а на деле он оказывается дураком. Много хороших собак нам привозят из-за границы. Там сложнее купить поддельные документы и выдать бездарного пса за идеального щенка с прекрасной родословной.

— *У вас в питомнике есть мальчики и девочки. Скажите, пожалуйста, как пол собаки сказывается на ее работе?*

— Девочки работают более скрупулезно, а мальчики, впрочем, как и положено особам мужского пола, часто, не подумав, приступают к действиям.

— *Как дрессируются питомцы?*

— Ни в коем случае не жестокостью и побоями. Мы разыгрываем ситуации, максимально близкие к тем, которые проис-

— *А что-нибудь из реальных историй?*

— Совсем недавно во дворе одной из московских школ произошло групповое изнасилование. Потерпевшую обнюхала наша собака и сразу же повела милиционеров по тем местам, где разыгрывалась драма. Вдруг она резко остановилась и начала рыть землю под кустом. И что, вы думаете, нашла?! Паспорт одного из участников преступления, который тот

ходят при задержании опасных преступников. Например, кто-то из наших сотрудников становится жертвой и притворяется трупом, рядом с ним кладется топор, за который держался «преступник». Собака обнюхивает топор, а затем из трех чловек по запаху определяет того, в чьих руках было орудие убийства. Таким образом, она вычисляет бандита.

обронил. Потерпевшая тут же опознала преступника.

Пару месяцев назад в центре Москвы, во дворе нашли труп мужчины. Обнюхав его, наша собака пошла по следу, хотя сделать это в городе сложно, ведь столько посторонних запахов! Пес провел оперативников несколько кварталов и привел в подсобку магазина, где и обнаружил преступников. Здесь же собака нашла и орудие убийства.

— *Совсем недавно я ехала на поезде в Финляндию. На границе к нам пришли финские пограничники с коккер-спаниелем. Пес обнюхал всех нас, даже запрыгнул на постель и, не обратив внимания на бутерброды с колбасой, лежащие*

на столе, гордо удалился из купе. Он что, реагировал только на наркотики?

— Мне, к сожалению, придется развеять миф о том, что собаке во время учебы дают нюхать наркотики, чтобы потом они могли найти их. Это совершенно исключено. На животных наркотические вещества действуют как яд. Один из наших псов при задержании партии кокаина разорвал лапой пакет и нюхнул наркотик. В результате, бедняга пролежал три дня под капельницей. Теперь, обнаружив его, наша собака делает морду, преисполненную отвращения.

— А как складываются отношения между кинологом и его собакой?

— В нашем центре они не просто друзья, они еще и партнеры, потому что в ответе друг за друга. Именно так выстраиваются взаимоотношения при воспитании собаки.

— А бывало так, что эти «партнеры» не срабатывались?

— У нас, к счастью, не бывало.

— Кинолог — мужская профессия или женская?

— Ну, наверное, пятьдесят на пятьдесят. Надо заметить, что это работа одинаково тяжелая и для мужчины, и для женщины. Однако никаких поблажек женскому полу здесь не делается.

— Что нужно для того, чтобы стать кинологом?

— Для этого, прежде всего, необходимо любить и понимать собак, уметь заботиться о них. Потом надо проучиться полтора года в главном кинологическом центре, который расположен в городе Балашиха. Сдать множество непростых экзаменов: стрельбу, юридическую и физическую подготовку, самооборону, психологию. Ведь кинолог здесь не просто «собачий учитель», а еще и милиционер — служитель закона.

— А кто ухаживает за собаками в вашем центре?

— Конечно, сам кинолог. И, поверьте, это очень непросто. Живут наши питом-

цы в специальных утепленных вольерах, которые необходимо убирать каждый день. Им надо готовить пищу в виде мясной каши два раза в день, отвозить на медицинский осмотр к ветеринару, вычесывать, чтобы они выглядели очень аккуратными, например, как комиссар Рекс из известного телесериала. И для всех этих дел нет отдельных поваров, уборщиков и парикмахеров.

— Кстати, а чем наши поисковые собаки отличаются от иностранных «коллег»?

— Наши псы привыкли работать в более жестких и опасных условиях. Ведь американцы, европейцы, скандинавы в большинстве своем законопослушные граждане. Если там полицейский кричит: «Стоять, полиция!», то в большинстве случаев нарушитель останавливается, а у нас — отстреливается.

— Мне кажется, что когда мы видим милиционера с собакой, то испытываем к нему большой интерес, и он, чувствуя всеобщее внимание и понимая, кому этим обязан, сам становится более подтянутым и ответственным, и с еще большей гордостью ведет своего питомца.

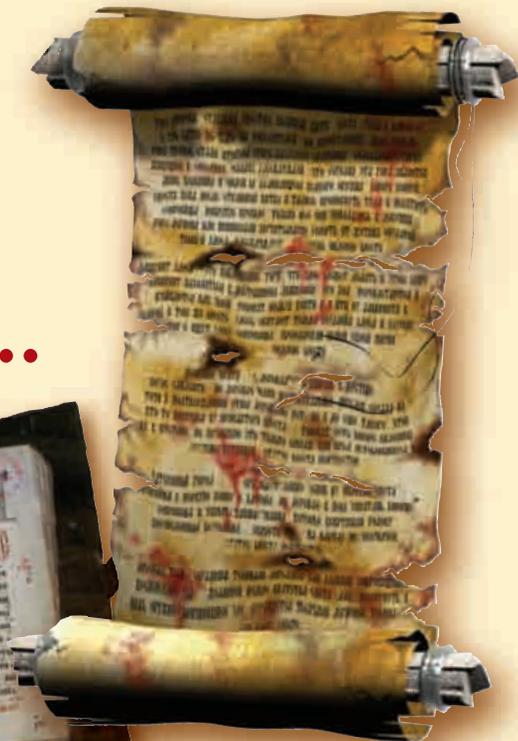
— Я с вами абсолютно согласна. Если не смущают трудности, приходите к нам, и у вас тоже появится друг — верный Мухтар. □

Беседовала Полина Теслер.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

Анатолий Пимонов

**Древние рукописи,
по законам которых
человечество
существует многие
века, заявляют твёрдо
и авторитетно:
«Вначале было слово»**

В наше время эзотерические и теософские темы очень востребованы читателями во всех странах. Происхождение человека, древние цивилизации, всемирные катастрофы, НЛО, египетские пирамиды и многое другое — вызывают живейший интерес и желание исследования. А между тем, тайны хранят наши родные языки, являясь своеобразными звуковыми кодами, которые формировались в результате деятельности человека на планете

Земля и сами, уже будучи осознанными и отточенными, формировали наше сознание. По крайней мере, так считают некоторые современные учёные, посвятившие свою жизнь изучению языков и звуков.

В 2001 году в свет вышла очень интересная книга «Начало генной лингвистики» Г. Гриневича. Конечно, там присутствует масса специфических терминов, малопонятных для непосвящённых в секреты лингвистики людей, но основная идея состоит в том, что некогда существовал единый праязык, который впоследствии распался на множество различных наречий, но при этом сохранил значение древних буквосочетаний. И теперь во всех языках присутствуют эти неразрушимые временем и переселением народов сочетания звуков и слогов. Кроме того, автор утверждает, что построение структуры нашего ДНК, а также формирование и развитие языка имеют общую основу, некую матрицу, существующую постоянно и неизменно, не подвергающуюся действию времени и пространства. Каждому звуку соответствует один из элементов таблицы Менделеева, и подобно тому, как химические элементы складываются в вещество, так и звуки складываются в слова. Если исследовать наш язык с помощью древних единых частей матрицы, то получаются очень интересные результаты.

Например, звук «БА» — означает основу, а в древнем Египте обозначал человеческую душу. Простое русское слово «БАБА» — расшифровывается как двойная душа, то есть потенциальная роженица. В Китае произрастает корень жизни — ЖЕНЬ—ШЕНЬ. А в русском языке существует прекрасное слово «женщина», причём мы произносим его так, как будто после первого «Н» стоит мягкий знак.

Звук «РА» — обозначает Солнце и Бога. И такие фундаментальные понятия, как Работа, Радость — имеют неотъемлемую частичку Солнца.

В слове «КОРА» звук «КО» обозначает кокон, защиту от Солнца. Ещё более на-

глядно это проявляется, когда мы имеем в виду космический «КОРАБЛЬ».

А помните знаменитое «КИ» японских каратистов? «КИ» — энергия, в Китае она называется «ЦИ», а в Индии — прана. Поэтому древний Киев-град — вместилище энергетика Киевской Руси, а загадочная страна Китай — сосредоточение мудрости и энергии.

«ГА» — символ движения. ДороГА, ноГА, вещая птица ГАГА...

«ДУ» — принцип противоположности, и поэтому когда мы говорим «ДУРАК», то обозначаем человека, живущего в противофазе с Солнцем. Да и действительно, ночной режим жизни — ненормальное явление и иногда приводит к заболеваниям.

«Ж, ЖИ» — жизнь, существование, «АР» — символ Земли и плодородия. «АРАПАТ» — место, где Земля соединяется с Солнцем. И вовсе не удивительно, что остатки Ноева Ковчега были обнаружены на горе Арапат.

А если много раз подряд произносить имя древнего индийского Бога РАМЫ, то

внутри звуков будет «законсервировано» слово «МАРА» — что означает небытие, смерть — РАМАРАМА. Таким образом подчёркивается цикличность и дискретность существования.

Самое интересное, что слово «ГРЕХ», согласно данной теории, переводится как «преимущественная невнимательность угасания», и становятся понятными принципы многих религий. Ведь только не внимательный к своим действиям человек

способен нарушать данные людям заповеди, а принципы духовного существования во всех религиях одинаковы.

Все исследования показывают схожесть наших языков и наречий.

Но если эта теория имеет место, то должен быть выяснен фактор, приведший к разделению народов, возникновению различных языков и письменностей, и как следствие, согласитесь сами, встаёт вопрос и о происхождении человека, его

целей на Земле. Как мы возникли, как развивались, были ли мы все разные изначально или приобрели различия в процессе эволюции? Можно ли назвать эволюцией наше развитие в технократическом аспекте? Кто же ответит на все эти вопросы?

...Библия — отвечают учёные, и это — не шарлатанство, это — официальная наука, подкреплённая мощной современной компьютерной техникой.

Расшифровать Библию пытались многие, и в разные времена. Пришедшая к нам из глубины веков, эта замечательная книга во многом сформировала наш сегодняшний мир.

Исаак Ньютон видел в Библии зашифрованную информацию. Поиски кода, который позволил бы ее прочесть, он считал более важной работой, чем создание своей теории Вселенной. Он изучил древнееврейский язык и полжизни потратил на поиски ключа к библейскому шифру.

Ректором Кембриджского университета Мейнардом Кейнесом были обнаружены бумаги Ньютона, которые тот собрал, когда уходил в отставку с поста ректора в 1696 году. Кейнес впоследствии рассказал, что большая часть рукописей Ньютона не имела отношения к математике или астрономии и физике — это были труды по эзотерической теологии. Ньютон был абсолютно уверен: в Библии скрыт некий код, код жизни, развития и гибели человечества на Земле.

1 сентября 1994 года премьер-министр Израила Ицхак Рабин получил письмо от некоего американского журналиста. В этом письме говорилось: «Израильский математик открыл в Библии скрытый код, расшифровка которого открывает детальные описания событий, произошедших через тысячи лет после создания Библии...»

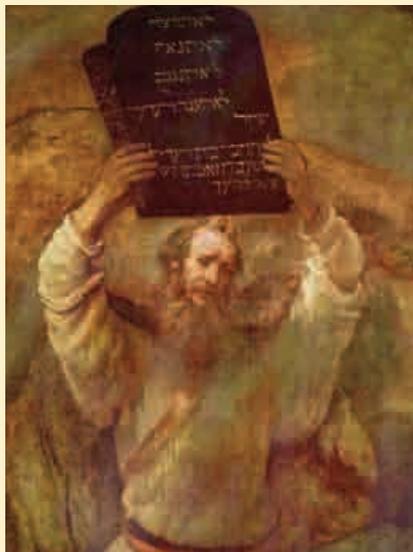
Так появилась теория, которую обобщают до сих пор: Библия — не только книга, но и компьютерная программа. И несет пророчества о судьбах всех, кто жил, живет и еще родится на Земле.

Журналист Майкл Дроснин, который отправил письмо, посвятил изучению библейского кода многие годы своей жизни. Вот что он пишет: «Это кажется бессмысленным с точки зрения человека нерелигиозного, и, так как я сам не религиозен, я первым бы отмахнулся от этих фактов, услышав о них сейчас, в конце тысячелетия. Но я уже пять лет изучаю этот феномен. Я провел многие недели с израильским математиком доктором Рипсом. Я выучил иврит и, проверяя заключения Рипса, каждый день анализировал библейский текст на своем компьютере. Я разговаривал с человеком из министерства обороны США, который экспериментально проверил выводы Рипса и вочию убедился в том, что библейский код существует. Я ездил в Гарвард, Йель и Еврейский университет и встречался с тремя самыми знаменитыми математиками мира. Все они подтвердили, что в Библии есть шифр, ключ, который открывает будущее...»

Современный способ расшифровки Библии основывается на методе древних раввинов, которые каждой букве присваивали определённое цифровое значение, и те слова, числа которых совпадали, считали связанными. Попробуйте сами: если в книге Бытия читать первую, а потом каждую пятьдесят первую букву, то первым словом, которое сложится из букв, будет слово «Тора». Если читать буквы в указанном порядке, то книги Исхода, Чисел и Второзакония также начнутся словом «Тора».

Конечно, это лишь основной код алгоритма расшифровки, сама программа является наиболее сложным образцом компьютерных технологий.

Первый эксперимент назывался «Последовательности равноудаленных букв в книге Бытия». По окончании исследования был составлен отчёт, в котором отмечено: «Анализ текста книги Бытия с точки зрения случайности-нелучайности распределения фрагментов показывает, что в него встроен скрытый текст в форме последовательностей равноудален-

ных букв. Вероятность существования скрытого текста — 99,998%».

А затем... были вскрыты многие факты истории в хронологическом порядке, случившиеся гораздо позднее написания Библии, имена и фамилии ныне живущих людей, современные названия населённых пунктов, даты начала и окончания войн. Это стало настолько интересно, что в исследованиях приняли участие представители военных ведомств. Позднее они рассказали на страницах массовой печати, как «мурашки ползли по спине» по мере расшифровки Библии и появления новой информации...

В письме Ицхаку Рабину Майкл Дросин писал: «Причина, по которой я пишу вам об этом, следующая: единственный раз, когда Ваше имя — Ицхак Рабин — упоминается в зашифрованном тексте, его перечеркивают слова «убийца, который убьёт». Этот факт нельзя игнорировать, потому что в Библии содержатся также зашифрованные сообщения об убийстве Анвара Садата, а также Джона и Роберта Кеннеди; в случае с Садатом вместе с его именем названо имя его убийцы, дата и место убийства, а также описано, как

именно он был убит. Думаю, вы в опасности, но этой опасности можно избежать». И что же?

4 ноября 1995 года предсказание сбылось: человек, который считал, что он послан Богом, убил Рабина выстрелом в спину.

В расшифрованной Библии содержатся имена всех политических лидеров времен Второй мировой: Рузвельта, Черчилля, Сталина, Гитлера. Слова «Америка», «революция» и дата «1776 год» стоят рядом. Имя Наполеона сопровождается словами «Франция», «Ватерлоо» и «Эльба». «Россия», «революция» и «1917» тоже появляются вместе. Имена великих политиков и писателей, изобретателей, художников и ученых от древности до наших дней также зашифрованы в Библии. При поиске имени «Гомер» рядом обнаруживаются слова «греческий поэт». Имя «Шекспир» стоит рядом с «представлен на сцене», «Гамлет», «Макбет». Вместе с именами Бетховена и Баха присутствуют «немецкий композитор», вместе с именем Рембрандта — «голландский художник».

Развитие технологий человечества также зашифровано в Библии: например, рядом с именами Эйнштейна и Ньютона стоят слова «притяжение», «наука», «он перевернул существующую реальность», «теория относительности», «новое понимание»... Рядом со словами «теория относительности» и «Эйнштейн» два раза встречается одна и та же фраза: «Добавьте пятую часть», что дало возможность предположить наличие в Библии зашифрованной теории единого поля, которую Эйнштейн так и не успел открыть...

Вторая мировая, Хиросима, высадка на Луну, столкновение Юпитера с кометой Шумейкера-Леви — всё это есть в расшифрованной книге.

В расшифровке Библии принимал самое активное участие известный физик Дорон Витцтум. Он уверен в том, что Библия — вневременной артефакт и продукт деятельности нечеловеческого сознания: «вневременной артефакт запрограммирован таким образом, чтобы проявиться лишь

тогда, когда цивилизация на Земле достигнет определенного уровня развития... А затем с артефактом можно вступить в диалог как с современным интерактивным компьютерным терминалом... Такой прибор — веземная временная капсула — мог бы хранить в себе огромное количество важной для нас информации».

По словам Дроснина, Библия предсказала:

• Атаку с помощью самолетов на башни-близнецы Международного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

«Я нашел в книге слова «атомная атака» в сочетании с «ракетой» и «химической атакой», — говорит Дроснин. — Код указал на два объекта нападения — Нью-Йорк и Иерусалим. С Нью-Йорком сочетается «управляемая ракета», а значит, нападение летчиков-камикадзе было всего лишь первым ударом, и город ожидает еще более массированная атака».

• Гибель шаттла «Колумбия».

• Глобальный экономический коллапс 2002 года.

• Победу на выборах в президенты Джорджа Буша.

А вышедшая вторая книга Дроснина «Библейский код II — отсчет пошел» имела такой политический и научный резонанс, что автор был приглашен на секретное заседание руководителей высших аналитических и разведподразделений Пентагона, где он обнародовал полученную и расшифрованную в Библии информацию.

Так что же нас ожидает?

Самым критическим годом, по мнению Дроснина, станет 2006. Очаг опасности возникнет на Ближнем Востоке, где будет потерян контроль над использованием ядерного оружия, или оно будет применено осмысленно и специально, и скорее всего, террористами. В качестве главных целей выступят Иерусалим, Тель-Авив, Нью-Йорк.

Локальные ядерные войны, падение экономических систем различных госу-

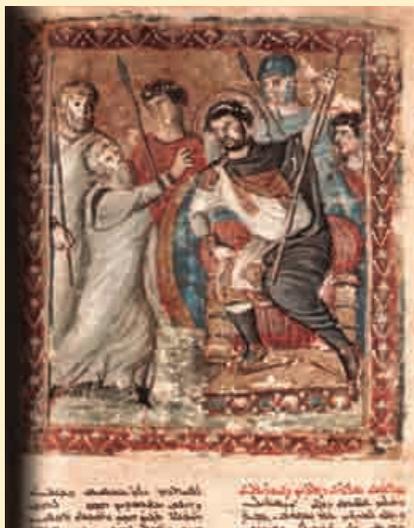
дарств, разрушение социума, дальнейшее глобальное потепление, человеческие жертвы...

К счастью, Дроснин твердо уверен, что добрая воля и содружество наций могут остановить любой Апокалипсис. И время ещё есть. Необходимо действовать, вооружившись данными нам пророчествами. Всевышний всегда предусматривает достаточную степень свободы действий и никогда не ставит окончательную точку на жизни и развитии детей, какими бы безумствами они ни грешили...

Можно ли игнорировать описанные выше исследования или полностью поверить в закономерность слов и событий? Это каждый решает для себя индивидуально.

Но лично у меня нет сомнений: все мы — часть чего-то большего, отпочковавшегося от Единого, Неразрушимого и Могучего в силу, пока, необъяснимых причин...

«Вначале было слово...» — один из самых главных эзотерических законов, который, наконец-то, начинает подтверждаться научно, а, следовательно, открыто и непредвзято, ломая устаревшие догмы распрей и войн. □

БОЛЬШАЯ, ЩЕДРАЯ

Именно так зовут Масленицу в народе — праздник проводов зимы и встречи весны, в честь языческого бога плодородия и скотоводства Велеса.

Максим Башкеев

Фото
Владимира
Чейшвили

Кстати, в те времена он назывался совершенно иначе — «мясопуста». Что можно истолковать как обжорство перед постом, что точно соответствует происходившему по всей стране. Некоторые исследователи склонны связывать масленичный разгул не только с предстоящим говением. Ведь до четырнадцатого века на Руси Новый год наступал 1 марта, а, как говорится, как новый год встретишь... Вот и встречали на полную катушку. Да так всем это дело понравилось, что ни церкви, ни безжалостное время не смогли похоронить народный праздник в пучине столетий...

Масленица — это в первую очередь блины, символизирующие собой солнце, по которому люди истомились в долгую зимнюю пору. Блины пекут

на блины»? Так вот, это по всей стране происходило именно на Масленицу. Только перед тем, как на эти самые блины идти, зять посылал теще мешок греч-

И ШИРОКАЯ

всю неделю, на блины ходят, блинами угощают. По древнему обычаю, блинами поминают усопших. В Тамбовской и некоторых других областях ещё не так давно первый испечённый хозяйкой блин клали на слуховое окошко для душ родительских.

Кстати, блин выпекался отнюдь не из пшеничной муки, а из гречневой! Помните выражение — ходить «к теще

невой крупы и коровьего масла. Не выполнившего этот ритуал ждало годовое порицание всей деревни и, что самое страшное, натянутые отношения с собственной тещей.

Во время многочисленных археологических раскопок на территории России в слоях, датируемых IX—X веками, часто находили круглые глиняные ско-

вородки с зубчатыми краями и с прорезанным ещё по сырой глине крестом — знаком солнца. Скорее всего, эти небольшие (около 20 сантиметров в диаметре) сковородки использовались именно для выпечки масленичных блинов. Праздничным блюдом на Масленице было и варёное общим иждивением пиво, которое вместе и распивалось. Называлось оно братчиной. Помните детские сказки с пирами князей киевских со своею дружиною?

Другая неотъемлемая масленичная традиция — сжигание чучела Масленицы. Почти везде наряжали это чучело бабой. И только в Сибири — мужиком... Его усаживали на шест до пяти метров высотой, рядом с чучелом привязывали кусок коровьего масла и бутылку со стаканами. Возможно, это связано с тем, что культ мужской силы превалировал в истории освоения Сибири. Именно лихие казаки и вольные люди пришли сюда когда-то покорять суровую местную природу, что и нашло отражение в народных праздниках и обрядах.

Саксонский писатель Шлейссингер, побывавший в Москве в конце семнадцатого века, так описывал Масленицу: «...в то время пекут пирожки, калачи и тому подобное в масле и на яйцах. Зазывают к себе гостей и упиваются мёдом, пивом и водкою до упаду и безчувственности. Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и почти таким же образом отправляется». В этом — вся русская натура, порой не знающая ни меры, ни удержу. И праздники у нас такие же, хлебосольные и разгульно-весёлые.

Но Масленица славна не столько обильной пищей и питьем, сколько гуляниями народными. А для пущего веселья в городах и деревнях по всей Руси устраивали разные качели и горы ледовые. Для особенно отчаянных удалцов они становились не только источником радости и веселья, но и травм, а порой и гибели. Ещё царь Алексей Михайлович всеческими указами пытался утихомирить своих разудалых подданных. Требовал, чтобы частным винокурением не занимались, в азартные игры не играли, кулачных боёв промеж себя не устраивали и на качелях никаких не катались. Тщетно.

Никакие грозные царские указы не могли совладать с общенациональным, бьющим через край весельем. Попытки обуздать праздник сошли сами собой,

когда к нему подключились царственные особы. Молодой Пётр сам с удовольствием качался на качелях с гвардейцами Преображенского полка. Позже, по случаю подписания Нештадского мира в 1722 году, царь устроил в городе настоящее представление, настоящий карнавал.

По улицам города от Всесвятского села к Кремлю проследовала очень пышная и очень необычная процессия. Был там и Вах на бочке, и шут, восседающий на санках, запряжённых четверкой свиней. Но кульминацией стал... флот! Было построено несколько десятков морских и речных судов в полную величину и в мельчайших подробностях. Корабли поставили на полозья, запрягли в них лошадей и потащили... Такого московский люд не видел никогда. Гром оркестров заглушала пальба из пушек, за облаками едкого дыма трудно было различить предмет даже в двадцати метрах. И тут из белых облаков появляется 88-пушечная громада — трёхмачтовый корабль — точная копия

линейного корабля «Фридемакер», спущенного на воду годом ранее. Его везут 16 лошадей, а управляет им сам Пётр, в форме флотского капитана. Немного позади — золочёная гондола императрицы. За ней — многочисленные шуты, ряженые и прочие участники карнавала. До Кремля шествие добралось только к вечеру. Ночью был устроен грандиозный фейерверк, а сам карнавал шёл еще три дня.

Екатерина Вторая по случаю своей коронации также устроила на масленной неделе карнавальное шествие, названное «Торжествующая Минерва». По городу три дня ездил праздничная процессия, демонстрирующая народу, как под мудрым правлением императрицы в стране просто-таки исчезают пороки, а именно: мздоимство, казнокрадство, чиновничий произвол... Но то ли костюмы оказались невыразительные, то ли народ не поверил, а только при Екатерине Второй все пороки, которые должны были быть победоносно изгнаны, наоборот, пустили корни и невероятно укрепились.

Неотъемлемая часть масленичных забав — катание с высоких ледяных гор. Для этого использовали природный рельеф местности: овраги, крутые берега рек, различные возвышенности, которые для такого случая заливали водой. В городах «катальная потеха» нашла

своё логическое развитие. Народу — много, природных мест для скоростных спусков — мало. Стали строить искусственные. На площадях или на льду рек возводили деревянные горки с нарядными павильонами, спусковую дорожку ограждали бортиками, украшали флагами и еловыми ветками. Спускались вниз на куске рогожи. Позднее придумали санки. Правда, тогда они больше напоминали лодки, поставленные на полозья. А некоторые «экстремалы» считали особенным шиком прокатиться без всего, на одних своих подошвах. Ну, и бились, конечно, куда же без этого.

Но это в городах, где балаганы были. А что в деревне делать прикажете? Находили, чем заняться. Помните картину Сурикова «Взятие снежного городка»? Вот этим и занимались. Не картины писали, а городки брали. Но сначала всей деревней его строили, обычно на реке. Большой, замысловатый, с башенками, бойницами, обязательно с двумя воротами и прорубью посередине. Потом делились на два лагеря — пеших и конных. Пехота, значит, крепость охраняла, а конница — брала. У каждого — своя форма, чтоб друг дружку отличать. Осаждённые отбивались снежками, махали вениками и мётлами, чтоб «лошадей» напугать. Крепость считалась взятой, когда первый конный ворвётся в ворота. Победителя тут же купали в полынье, а затем угощали и дарили подарки. Потом дружно ломали крепость и с песнями и плясками возвращались в деревню. На всё про всё обычно уходил целый день.

Другая народная забава — кулачные бои. Причём распространены они были не только в глубинке, но и в городах. Доподлинно известно, что ещё царь Иван Грозный любил наблюдать за этим действием. Шли стенка на стенку. Сначала две партии выстраивались друг напротив друга и затем сходились. После этого какой бы то ни было порядок рассмотреть не получалось при всём желании. Однородная людская масса,

подающаяся из стороны в сторону, как чудище какое: кричит, стонет, колыхается. Схватки шли очень ожесточённые. Скажу лишь, что мало кто выходил из драки одетый. Рубахи, штаны и даже обувь бывали порваны в клочья. Но даже здесь не обходилось без своих правил. Так, например, именно с тех времён дошли выражения «лежачего не бьют», «двое дерутся, третий не лезь» и «ниже пояса не бить!»

Как такового канона масленичной недели не существует, но некий базовый сценарий всё же есть.

Понедельник — встреча

В этот день обычно делали чучело. Наряжали его в старые женские одежды, насаживали на шест и с пением возили по деревне. Затем ставили на гору и начинали кататься с неё на санях.

Вторник — заигрыш

День официального открытия разнообразных народных гуляний, открывались балаганы, ледяные горки. Выходили ряженые и скоморохи.

Среда — лакомка

Как следует из названия, в каждом доме накрывали столы. Пекли блины и прочие яства. В деревнях варили пиво.

На улицах начиналась торговля различными сладостями.

Четверг — широкий

Середина масленичных игр и веселья. Именно в этот день обычно проходят кулачные бои и прочие игры.

Пятница — тещины вечера

По всей стране зятья посещали своих тещ, которые пекли для них блины и устраивали настоящий пир. Но это если зять был ей по душе. В некоторых регионах страны происходило наоборот, теща приходила в гости к зятю. Но перед этим с вечера присылала всё необходимое для печения блинов: сковороду, черпак и так далее.

Суббота — золовкины посиделки

Невестки принимали родно мужа. Для матери мужа жена его была не родная, чужая, пришедшая «невесть откуда». Отсюда и название.

Прощёное воскресенье

Пожалуй, это единственное, что привнесла церковь в народный языческий праздник. По всей стране люди приветствовали друг друга поцелуем и говорили: «Прости меня, пожалуйста», им отвечали: «Бог тебя простит». При этом абсолютно не обязательно, чтобы люди были знакомы. В этот день просили прощения все у всех. Что интересно, ещё два века назад прощения просили не с утра, как сегодня, а вечером. Перед тем, как ложиться спать. Потом ходили на кладбище, оставляли на могилы блины, поклонялись праху родных и шли в баню.

Вы спросите, когда же жгли чучело Масленицы? Да когда придётся. В Сибири — в последний день. В остальной

части страны всё зависело от местных традиций. Одно точно: сжигали его обязательно. При этом присутствие чучела было совсем не обязательно. Зачастую за деревянной зажигали большие костры, а когда те догорят, говорили, что «сожгли Масленицу». Костры разжигали на высоком холме и стремились поднять огонь как можно выше. Ставили в огонь шест, венчали его соломой или веником. Могли поднять и обёрнутое соломой колесо. Это — самый древний и самый архаичный ритуал Масленицы. Поднимая огонь к солнцу, люди стремились вновь разжечь светило, согреть его. Ускорив тем самым приход весны.

Масленицу можно считать и молодёжным праздником. Многие ритуалы были призваны способствовать тому, чтобы парни знакомились с девушками. А для тех, кто уже познакомился и даже успел жениться, начиналось самое интересное. Что с ними только не делали...

Катали с гор. Молодух по очереди вызывали, сажали на колени к мужу и заставляли целовать его. Собравшиеся вокруг кричали «ещё, ещё раз подмажь, шибче пойдёт!» Молодая целовала мужа до десяти раз. Тем временем считали, сколько молодых собралось, где было больше, той деревне и честь выше.

Все эти действия имели под собой только одну функцию. Они должны были разбудить природу, содействовать её расцвету и плодоношению. А то истосковался народ-то по теплу зимою долгой... □

ролевстве некий адмирал Грог, который замерзающим матросам на судне подавал собственноручно подогретый ром, смешанный с сахаром...

Вторая легенда тоже про адмирала, но звали его Эдвард по кличке «Старый Грог». Это прозвище он получил за то, что в любую погоду разгуливал в непромокаемой накидке «grogam». Эдвард, в отличие от предыдущего адмирала, был жадным, и, вместо ежедневной порции чистого рома, приказал подавать матросам ром, разбавленный водой...

Рецептов грога гораздо больше, чем легенд о его происхождении, но мы приготовим «Грог адмиральский». Налить в кастрюлю 2 стакана воды, бросить туда 1 гвоздику, столовую ложку сахара и кипятить на маленьком огне 5 минут. Процедить и добавить 3 стакана рома. Разлить по бокалам и греться по-адмираль-

СОГРЕЕМСЯ?..

Холодно на улице... Ветер, снег... И на улице не тянет — что там делать-то? А тянет сидеть дома, уютно устроившись в кресле, и наблюдать за ненастьем сквозь толстые стекла...

Чем бы порадовать себя в такой промозглый вечер? Могу предложить на выбор несколько вариантов: грог, глинтвейн или пунш... Лучше бы, конечно, «и то, и другое, и можно без хлеба», но не советую. Употребив сии благородные напитки в глобальных количествах, вы рискуете весь остаток вечера развлекать домашних богатырским храпом. Из-под стола.

Как всякое уважающее себя семейство, эти напитки обладают солидной историей.

Самые интересные легенды о происхождении — у грога. Но это всего лишь легенды, так что за достоверность ручаться не могу. Первая рассказывает, что, дескать, жил-был в английском ко-

ски. Только учтите, что это рецепт на пять порций. Впрочем, если вы адмирал, то вас это не касается, можете смело пить все — штормить не будет.

Один из близких родственников грога — пунш. Название его происходит от индийского слова «панч», что означает «пять». И в этом есть логика — в классическом рецепте пунша пять компонентов: вино, ром, сахар, чай, пряности. Но по-

сколько от традиций люди отходят с поразительной легкостью, то теперь пунш готовят по принципу «из чего придется». Для «Чайного пунша» понадобится: литр крепкого чая, пакетик ванильного сахара, лимон, 5 желтков, 300 г. сахара, полтора стакана рома. Крепкий чай с ванильным сахаром и лимоном, порезанным на мелкие кусочки с цедрой (но без косточек!), поставить на огонь в кастрюле, закрыв крышкой, и несколько раз вскипятить. Желтки с сахаром взбить венчиком и, непрерывно мешая, разбавить приготовленным горячим чаем. Не будете мешать — все свернется. Поставить кастрюлю со смесью на пар и, мешая, уварить до густоты. Снять с огня, немного остудить, продолжая мешать, влить ром, разлить в специальные бокалы для пунша и подавать горячим. Это 10 порций, но пунш — напиток компанейский, уж поверьте. Вы даже не заметите, как компания разрастается вдвое. Или это от пунша двойится?..

Самый популярный из этих напитков — глнтвейн. Название его происходит от немецкого *gluhende Wein* — горячее, пылающее вино. И мне кажется, что дело тут не только в температуре напитка. Глнтвейн должен согреть как тело, так и душу... Что может быть лучше ненастного зимнего вечера в компании друзей за бокалом глнтвейна? Этот напиток особенно популярен в северных странах — Англии, Швеции и Норвегии, где холод — явление стационарное, а не в солнечной Калифорнии, например.

Наверняка вы пили глнтвейн, если живете в России. Россия — тоже страна северная, так что мы можем пить глнтвейн шесть месяцев в году, не испытывая при этом никаких мук совести. Да и что значит совесть по сравнению с глнтвейном?..

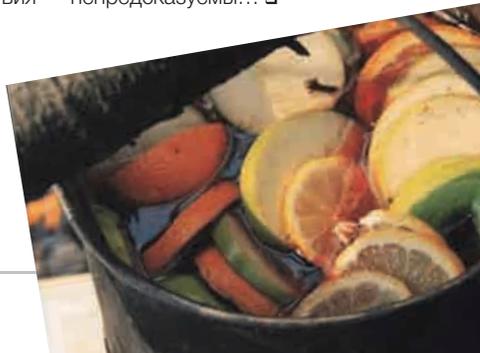
Первые рецепты приготовления глнтвейна появились еще в XVI веке. Тогда в него добавляли мед, кардамон, корицу и корень травы галингал (вот вы знаете, что это? Я — понятия не имею, узнаете — расскажете). А еще был рецепт, включав-

ший в себя горошины перца и сливки. Дикие нравы, что и говорить...

Что приятно, глнтвейн готовится из тех компонентов, которые есть практически в любом доме, так что выползать в магазин в этот холодный вечер вам не придется...

Итак, встаем с кресла (кот будет рад — он займет ваше место), идем на кухню и готовим «Глнтвейн классический». Берем целый лимон, тщательно его моем и втыкаем в него штучек десять бутонов гвоздики. Теперь можно дать лимону конспиративную кличку «Ежик». Бутылку красного вина (0,75 л) выливаем в кастрюлю, добавляем туда же 2 столовые ложки сахара, наломанную палочку корицы (не обзавелись палочкой, сыпьте корицу молотую, но с палочкой интереснее — ее еще надо поломать, а физические нагрузки полезны). Все перемешиваем и засылаем туда нашего агента «Ежика», то есть лимон с гвоздикой. Все эту конспирацию ставим на огонь и нагреваем минут 5—7. Но вино ни в коем случае не должно закипеть! Это основное правило глнтвейна. Если вино закипело, можете смело начинать все по новой. Как только смесь нагреется, надо снять ее с огня, накрыть крышкой и дать настояться минут пять. После этого выловить лимон, палочки корицы, разлить оставшееся по бокалам или чашкам. Отнести все это к креслу, согнать кота и насладиться глнтвейном, пока оскорбленный в лучших чувствах кот вас не поцарапал...

Теперь вам тепло и душевно. Но даже в лучшей своей душевности коту глнтвейна предлагать не стоит. Ибо последствия — непредсказуемы... ☐

**Алла
Пустынова**

Последние десять лет в мечтах многие юные девушки видят себя идущими по модельному подиуму, купающимися в софитах, одетыми в яркие наряды на самых престижных показах. Поэтому в дни набора на учебу у дверей многочисленных модельных агентств выстраиваются длиннющие очереди. Этим девочкам очень хочется стать моделями. Пусть даже нет данных, все равно хочется. Но настоящей «профи» станут немногие. И что удивительно: если раньше у родителей подобный выбор дочери вызывал ужас и стыд, то теперь они охотно платят деньги, чтобы потом с гордостью сказать: «Моя дочь — манекенщица».

Из чего же состоит эта «кухня»? Что происходит за кулисами подиумов? Как стать звездой?

Считается, что манекенщица должна быть красивой. Но красота дана от Бога. С ней нужно родиться, чем большинство женщин не могут похвастаться. Тогда их нужно «сделать», чтобы они смогли стать манекенщицами.

В модельном бизнесе, как и во всяком другом, есть свои критерии: возраст — 14—20 лет, параметры, максимально приближенные к стандарту 90—60—90, рост — не менее 175 см, чистая кожа и здоровые волосы. Но и отступления от этих правил, бывает, приветс-

Как стать звездой

твуются. Красоту очень тяжело оценивать и мерить. Даже самая невзрачная девушка способна обойти любую красоту. Этому феномену много есть примеров. Нам, простым смертным, не понять. Даже профессионалы модельного бизнеса, и те щелкают пальцами, пытаясь подобрать слова: «Что-то в них есть такое, что-то неуловимое...» То, что меняет их перед камерой и на подиуме — из простых девчонок они превращаются в необычные создания.

Самый идеальный вариант получается при объединении двух особенностей: умные, заботливые учителя и необходимость, помимо внешности, иметь что-то еще, идущее изнутри.

Образцом такого счастливого стечения я бы назвала Екатерину Пантелееву, одну из ведущих моделей Театра моды Славы Зайцева и по совместительству директора агентства моделей. Звучит это

очень значительно, и вы удивитесь, если узнаете, что ей всего 23 года.

В модельном бизнесе Катя оказалась по классической схеме: пошла на кастинг за компанию с подругой, просто ее поддержать. В результате, подругу не приняли, а на Катю обратил внимание сам мэтр Зайцев. Конечно, соответствовали требованиям высокий рост, параметры, хотя девочке едва исполнилось 15 лет. Но главную роль здесь сыграло тонкое умение Славы Зайцева увидеть в дебютантке то самое «что-то». По большому счету, здесь все зависит от самого художника, какой он увидит будущую звезду, соответствие коллекции

которого она сможет показать на подиуме. В общем, его чутье оказывается решающим.

Вот пример из жизни Екатерины Пантелеевой: «Для любого конкурса, как обычно, дизайнеры проводят кастинг манекенщиц для показа их коллекций. Мне было тогда пятнадцать лет, и я чувствовала себя очень зажатой. Разглядеть мой потенциал казалось просто невозможно. Да и девочек рядом со мной — множество. И вот когда я вышла на подиум, Вячеслав Михайлович сказал: «А вот это — будущая звезда моего Театра моды. Посмотрите на ее изящество, она выглядит, как фарфоровая статуэтка». И после его слов меня выбрали сразу пять модельеров. Не хочу сказать, что меня никто бы не выбрал, но наверняка предложений было бы меньше. Но прислушались: раз так счи-

тает мэтр, значит, в ней действительно что-то есть. И я постаралась оправдать доверие».

— Катя, как проходят занятия? Чему вас учат?

— С нами работают стилисты, хореографы, тренеры по шейпингу. Девушек учат ходить по подиуму на высоких каблуках, правильно накладывать грим, занимаются

пластикой, коррекцией фигуры, актерским мастерством. Очень важно помочь избавиться от внутренней зажатости, от психологических проблем, мешающих чувствовать себя свободно перед зрителями или камерой. Обычно, эти страхи исчезают во время работы, или же помогает хороший психолог.

— Манекенщицы Славы Зайцева очень отличаются от тех, кого мы видим на многих других показах или в репортажах с международных подиумов по телевизору. Они выделяются своей интеллигентностью, благородством, красивой походкой, каким-то особым шиком. В чем секрет?

— В Доме моды предъявляются повышенные требования к внешнему виду. То есть не к внешним природным данным, а к определенной форме. Все знают, что Вячеслав Михайлович терпеть не может распущенные волосы. Как он говорит, распущенные волосы хороши только в постели. Перед приходом девушек на кастинг мы всех по телефону предупреждаем: каблуки, короткая юбка, обязательно убранные волосы, минимум макияжа. Если кто-то придет в рваных джинсах и с растрепанными волосами, может быть, на первый раз мы ограничимся замечанием, но если уж Зайцеву

не понравится, то девушке мало не покажется. Это стиль Дома моды. Может быть, кому-то он кажется старомодным, но, на мой взгляд, так прививается уважение к классическому стилю и к самой себе.

Кроме того, я должна отметить, что в Доме Зайцева очень жесткая дисциплина. И бывает, что девушки уходят, если не могут согласиться с этой политикой. Вы, наверное, знаете, что в большинстве своем модельный бизнес — это жуткий беспорядок. Если вам говорят,

что показ назначен на семь часов, то можно спокойно приходить в восемь, а то и в половине девятого.

Естественно, это предполагает очень жесткие правила дисциплины. И обязательно — отказ от некоторых радостей жизни. Не каждая в 15—20 лет может устоять перед шоколадом и пирожными, или ложиться спать в 22.00. На кастинге с усталой улыбкой, с опухшими веками и красными глазами даже очень красивые вряд ли будут хорошо выглядеть. И если девушка не в состоянии устоять перед многочисленными соблазнами,

ной сцене, а завтра вы поссоритесь, но работать вам все равно на одном и том же подиуме». Так что, если завязывались романы, такие случаи бывали, то уходили оба.

— Расскажите о юношах, которые у вас работают. Как отбирают их?

— Юношей приходит к нам меньше, да и требуются их тоже немного. Мужской модельный бизнес не так сильно развит. И работы у них меньше, чем у девушек. Почти все мужские топ-модели Москвы начинали в свое время в Доме моды Зайцева.

Точно так же для них проводится кастинг. Кто-то, проявив себя лучшим образом, работает у нас в театре.

— Как вы думаете, почему мужчины приходят в модельный бизнес: для приработка, просто себя испытать? Вот и мужскую часть населения задел этот бум...

— Если честно, для меня это загадка. Я знаю различные точки зрения, но у меня лично не очень укладывается в голове, зачем мальчик хочет быть моделью. Я считаю, это не мужское дело. Но, с другой стороны, понятно, когда люди хотят подработать. Им кажется, что это очень легкий способ зарабатывать деньги. И очень скоро убеждаются, что это не так. Некоторые приходят с целью потом сделать ка-

при этом еще — публичность, окружение. Рассказывают, что манекенщица может сорваться на алкоголь, наркотиках...

— Что вы! Упаси Боже!

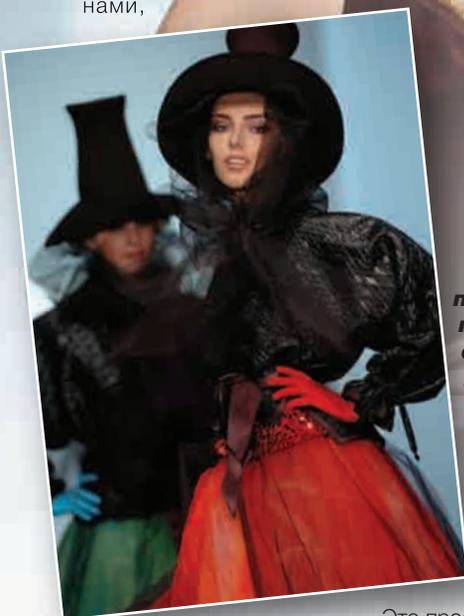
Это просто исключено.

— Случаются ли романы между моделями?

— В этой ситуации Зайцев говорит так: «Сегодня вы выходите на од-

вряд ли у нее будет будущее в модельном бизнесе.

— Да, не всякая девушка выдержит такую суровую жизнь, и

рьеру в другой области, если удастся познакомиться с нужными людьми. Есть просто истинные актеры от природы. Им доставляет удовольствие само выступление на подиуме. Например, Сережа Устинов, любимая топ-модель нашего агентства и лицо уже колоссального количества реклам, Дмитрий Дорохов, и еще многих могу назвать. Но все они начинали достаточно давно. Карьера манекенщика — неплохая ступенька на пути к актерской карьере. А еще один молодой человек мне честно сказал: «Мне нравится демонстрировать самого себя. Если меня взяли в этот бизнес, значит, я красивый, привлекательный, могу нравиться». Вот еще одна мотивация. Некий тип самовлюбленности.

— Ну, а как же в столь молодом возрасте вы заняли пост директора агентства моделей престижного Дома моды?

— Сначала я окончила Московскую государственную юридическую академию с красным дипломом. Правда, я училась на вечернем отделении, потому что продолжала работать у Зайцева.

— Почему же именно юридическую? Модель-юрист, извините, как-то не вяжется.

— Будете смеяться, я — чистый гуманитарий, в точных науках не разбираюсь и, действуя методом исключения, выбрала эту

профессию, поняв, что смогу сдать экзамены по тому набору предметов. И совсем не жалею, потому что учиться было интересно. Еще я четко понимала, что карьера модели может в любой момент прекратиться. Мне хотелось стабильности. Сейчас даже не представляю для себя другого места работы, как в Доме моды. Это — мой родной дом. И Вячеслав Михайлович время от времени мне говорил, ты учишься, и я возьму тебя к нам юристом, что внушало оптимизм. О том, чтобы занять место директора агентства, никогда не думала. Но через неделю после получения диплома наша директор агентства ушла в декретный отпуск. Тогда Зайцев предложил мне занять ее место. Это большая честь для меня.

— Забавно, но опять ваша судьба повернулась по очень известной схеме: кто-то из премьеров заболел или оказался в декретном отпуске, и никому не известного дебютанта ожидает большой успех. А в чем заключаются теперь ваши обязанности?

— Скажем так: организация, множество телефонных звонков, работа с заказчиками моделей, сведение вместе дизайнеров, фотографов, моделей, организация кастингов. По большому счету, я посредник между ними. Контроль за обучением моделей в

школе. Еще провожу собеседование с поступающими. И кроме того, я продолжаю работать моделью в Театре моды. Без этого не могу. Подиум, свет прожекторов, музыка — это как наркотик. А еще я преподаю в Школе моделей. Надеюсь, все это буду продолжать делать и дальше.

— А какие-то другие интересы, увлечения у вас есть?

— Мои увлечения — моя работа. Я горжусь, что мне доверили такую должность, и постараюсь во всем оправдать доверие Вячеслава Михайловича. Ведь созданный им Дом моды стал и для меня самым родным домом. □

ГОД СОБАКИ

Екатерина Кочеткова, Максим Леонов

Завершился год Петуха. Это было яркое время. Распушались перья, устраивались потешные бои, в кучах мусора отыскивались жемчужные зёрна... Но главное, чему учит нас Петух, — это найти свою единственную ноту и кукарекать её навстречу заре. Оповещая весь мир о своих ошибках или своих победах, и радостно приветствуя жизнь... Те, у кого позади удачный год, прекрасно поняли, о чём речь.

Но вот гордый красавец Петух в последний раз оглядел свои владения и, кукарекнув на прощание, исчез, уступая место Собаке. Нам же остаётся почистить перья, упаковать дипломаты, а кому повезло — и крупный жемчуг... Запомнить свою ноту и — отправиться дальше... Навстречу прекрасному сильному псу огненно-рыжей масти. Жёлтые глаза уже горят, как угли в костре... Здравствуй, Огненная Собака!

Этот год лучше встретить на охоте. Или — на фотоохоте в лесу, по примеру Шарика из деревни Простоквашино. Можно — с друзьями и пивом «Охота», ведь крепость и выдержка — необходимые качества в этом году. Или встретить год Собаки дома, охраняя «свою крепость», свой очаг и круг родных. Но

главное — с большой охотой. В охотку, в общем...

На столе должно быть обильное угощение, и побольше мяса. Собака — это преданность дому и традициям. Чем больше ваш праздничный ужин будет напоминать привал охотников или трапезу в стиле «добрая старина» — тем лучше. Желательно присутствие живого огня. Собака — не дикий зверь, она не боится костра. К тому же, наша Собака — огненная. Если нет возможности развести костёр — подойдёт камин или свеча. Но лучше удивить гостей масляным светильником. Его легко купить или сделать своими руками. Если на вашем праздничном столе будет гореть огонь в металлической посуде — все неудачи прошлого года сожгутся. Да и вы заручитесь поддержкой наступающей стихии...

Одеваться этой ночью следует в меха, а также в простые, но изысканные одежды из натуральных тканей. Шерсть, лён, сукно... Цвета — белый, коричневый, серый, все оттенки жёлто-оранжевого. И, конечно же, — красный... Аксессуары — жёлтых, красных и оранжевых тонов. Общий стиль — охота, старина, этника. Сделайте приятное Собаке, к тому же эти стили сейчас в большой моде.

Очень важно помнить — Собака не терпит одиночества, равнодушия и самоизоляции. Год начнётся под знаком дружбы, душевного тепла и верности всему родному и близкому.

Собака — символ служения. В Японии это — знак самурая. Верность семье, дому, обычаям, делу, своей мечте. Охрана, защита того, что у нас есть, и — охота за чем-то новым...

Противостояние планет

На протяжении всего года Огненной Собаки Сатурн будет находиться в знаке Льва. Год неблагоприятен для тех, кто хочет власти ради власти или показного блеска. Сатурн — это напоминание об ответственности и тяжёлом труде восхождения на Олимп. С другой стороны,

Лев — чистая солнечная сила, и если ваши цели благородны, то Сатурн добавит к ним свою судьбоносную мощь. Особо — если не вы выбрали путь, а путь выбрал вас... Ваш естественный авторитет и огненная сила убежденности в этом году только возрастут. Возможны сильные солнечные вспышки — ещё более сильные, чем в году уже минувшем...

Плутон стоит в знаке Стрельца. Это предвещает объединение людей под эгидой религиозных движений.

Нептун находится в знаке Водолея. Очень хороший год для творческих людей! Свобода, импровизация, возможность осуществления заветной мечты... По крайней мере — серьёзная подготовка к этому. Новые идеи, произведения, открытия в области искусства, мистики, на стыке мистики и науки. Главное — не слишком увлечься, не позволить домыслам и воображению заслонить от нас реальность... Очень хороший знак для людей любой веры — они станут ближе к своему богу.

Юпитер оккупирует знак Скорпиона. Сильная политическая власть и относительный порядок. Хороший, хотя и очень напряжённый год для «серых кардиналов». Простым смертным — совет: управлять своим «государством». Прорабатывать то, что уже есть...

Что грядущий месяц нам готовит

Январь. Спокойный месяц. Классическое время для подведения итогов, составления планов и прочей внутренней работы. В январе рекомендуется побольше быть наедине с собой. Это месяц размышлений и подготовки почвы для будущего урожая. Можно думать о любви, но не стоит предпринимать активных действий. Осторожно планировать новые дела, не вступать активно в контакты, и тем более — засучивать рукава...

В январе не стоит предпринимать действий для чего-то нового — лучше заняться подзабытым старым. Побегай-

те на лыжах, поразмышляйте, подышите полной грудью... Тем большие успехи будут ждать вас в других месяцах!

Февраль — во многом противоположный январю. Очень благоприятное время для осуществления новых идей. Повышение деловой активности. В конце месяца даже разумный риск в делах только благотворен.

Займитесь хобби! В феврале у вас будет достаточно энергии, чтобы успевать всё. Кто знает: может быть, то дело, в которое вы вкладываете душу — станет со временем делом всей вашей жизни, принеся неплохие дивиденды...

Внимание влюблённых! Венера меняет движение с попятного на прямое. Это значит, что пора изредка дарить подарки и ненавязчиво забрасывать партнёра намёками и двусмысленностями — пусть «противник» думает... С активными действиями лучше ещё немного подождать. В общем, во всех отношениях: «благоприятен брод через великую реку».

Март — непредсказуемый. Месяц взрывной активности и общественных потрясений. Деловые инновации до 25-го числа — неблагоприятны и даже опасны. В повседневных же делах — прислушайтесь к интуиции.

Зато в личном отношении всё замечательно. Творческий подъём, победы на любовном фронте... Хорошее время для занятий изящными искусствами... Только сохраните всё это — как виньетки на память. Не пытайтесь сейчас за что-то зацепиться, построить дом или стабильные отношения. Уважайте свою и чужую свободу — март всё-таки...

Апрель. Звёздный час для деловых людей, торговцев, студентов и просто креативных личностей. Можно смело начинать что-то новое, а старые проекты получают достойное продолжение. Ваш путь осветит Солнце, а Меркурий — поможет добиться успеха. Хорошее время для серьёзных личных отношений.

Май. Не рискуйте — ваше шампанское ещё не выдержано. Возможны проблемы с властями. Лучше займитесь от-

дыхом и творчеством. Не вяжитесь в сомнительные авантюры, не смешивайтесь с толпой. Живите для себя...

Хороший месяц для дома и семьи, а также для любовных отношений. В начале-середине мая вы можете встретить свою судьбу. Прислушайтесь к интуиции, ощущениям, голосу сердца. Возможно, в конце месяца вы обнаружите послание от высших сил, адресованное лично вам...

Июнь. Хорошее время для людей искусства. Концерты, фестивали, выставки, публикации... Можно немножко понежиться на лаврах. Широкой славы не ожидается, но это — время реальных достижений. Они послужат основой для дальнейшего.

Прекрасный месяц для душевной близости, а вот в делах — стоит притормозить до конца июня. С 25-го же числа — с полным правом и достоинством потребовать свою долю...

Июль. Трудный месяц для бизнеса, обучения и торговли. Возможно, придётсЯ драться за место под солнцем. Вторая половина будет мягче. Пожалуй, именно июль — лучшее время для отпуска.

А склонность к авантюрам оправдывает себя в любви и искусстве. То «чудное мгновение», за которым мы погнались в начале, вполне может задержаться и продлиться после 19-го числа... Только не стоит излишне «гнуть свою линию». Ревность и чересчур активные волеизъявления — не лучший способ для налаживания близких отношений...

Август. Спокойный и очень глубокий. Звёзды благоприятствуют деловой активности только с 26-го числа. И то — скорее в виде обучения или неторопливой личной работы.

Трудности в любом виде общения. Особенно это касается любви.

Прекрасное время для романтиков-одиночек. Месяц просто создан для уходов в себя, одиноких прогулок по тенистым аллеям и любования бессмертными произведениями искусства. Для многих это возможность разобраться с внутренними проблемами и изменить свою

жизнь. Только не стоит искушать судьбу, тем более необдуманно обращаться к мистике.

В августе высшие силы будут особенно строги к нашим поступкам...

Сентябрь. Самый размеренный месяц в году. Время мира и гармонии. Всё будет хорошо, без особых изменений в сторону удач или неприятностей.

Ложкой дёгтя в этой бочке мёда будет рабочая и деловая сфера. Резких скачков не ожидается. Но рутина, небольшие, зато постоянное напряжение, конфликты на почве лидерства — могут изрядно потрепать нервы.

В этом месяце станет ясно, как прошёл год, и можно будет увидеть свою судьбу на долгое время вперёд...

Октябрь. Сильнейший творческий подъём. Идеальный месяц для новаторов и людей искусства. А вот в чисто деловых областях — возможен неоправданный риск и даже обман. Хороший месяц для свадеб. Если хотите «жить долго и счастливо» — женитесь в октябре.

Постепенное повышение солнечной активности. Напряжённое предчувствие перемен. На старт... Внимание...

Ноябрь. ...Марш! Если вы недостаточно активны... Не готовы выложиться «по полной» и принять кардинальные перемены... Лучше прикиньтесь ветошью!

До конца месяца напряжённость будет только нарастать. Возможны «завалы» на работе, семейные конфликты...

С другой стороны, ноябрь — время риска и удачи в делах. Это звёздный час для акул бизнеса, импровизаторов в свободном плавании, просто для активных и дерзающих людей. Появляются возможности, раскрываются тайны, делаются открытия — в общем, жизнь бьёт ключом. Многих в этом месяце ждёт решающая победа и громкая слава, многих — катастрофа. Но если в этом году вы готовили нечто серьёзное, какой-нибудь прорыв... Это ваш шанс!

Сильные солнечные вспышки.

Декабрь. Это просто праздничный салют какой-то! Деловые люди охотятся

за новыми возможностями или догоняют упущенных ноябрьских «зайцев». Кто-то сражён стрелой Амура. Кто-то бросил всё и уехал в Урюпинск на поиски приключений. Вот уж в чём недостаток не будет! Начало декабря и проводы старого года — снова рекомендуется провести на охоте. В любом смысле этого слова...

Впрочем, уже с середины декабря эйфория начнёт угасать, и нас потянет под чьё-нибудь тёплое крылышко. Или — к любимым виршам, эстампам, наклейкам — к дизайну собственной квартиры.

В конце месяца спадёт общая активность, в том числе — и деловая. Оно и к лучшему! Праздник на носу, всё-таки...

Поздравляем «Собаку»

Лучшие человеческие качества дарят звёзды тем, кто рождён в Год Собаки. Трудолюбие, искренность, верность, надёжность, преданность в дружбе и любви. Как уже упоминалось, идеальная Собака — это самурай на службе у императора. Сёгун, то есть военачальник, скорее будет рождён под знаком Тигра или Дракона.

Главное для Собаки — это верность своему долгу. Преданность тому, чему она служит — будь то дело, идея или другой человек. И тут находится главный камень преткновения. Собаки делают очень много, но никогда не выпячивают свои заслуги, спокойно оставаясь на вторых ролях. Поэтому бывает, что их недооценивают. Хуже того — садятся на шею, воспринимая трудолюбие и надёжность Собаки как должное. Или отворачиваются в конце, посчитав, что «мавр сделал своё дело — мавр может уходить».

Увы, Собаки часто терпят подобное обращение. И не потому, что глупы или наивны. Просто любой Собаке необходимо что-то, чему она могла бы себя посвящать. Кроме того, Собака чувствует, что создать это нечто сама она не может, её дело — помогать. Люди этого знака отличаются ясным умом, очень трезво оцени-

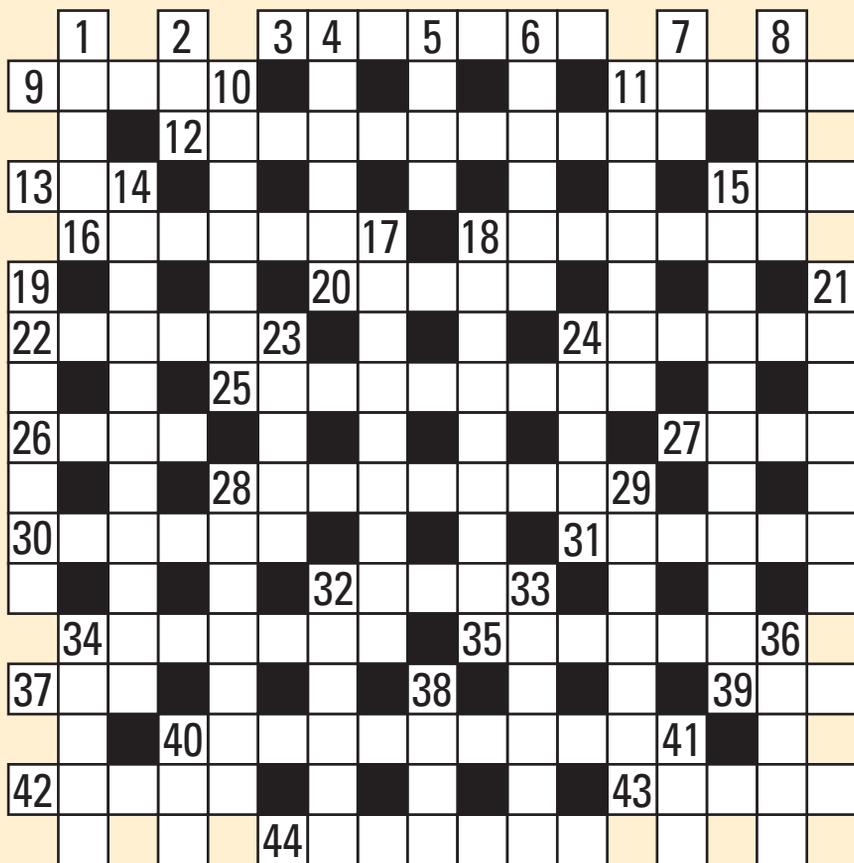
вая себя и обстоятельства. Поэтому, если Собака брошена или разочарована в том, чему служила раньше, — нет несчастнее существа. Другие знаки легче переживают подобные вещи. А Собака — лучше позволит на себе ездить, чем добровольно оставит свою верную службу...

Хочется напомнить Собакам, что недооценивать их может кто угодно — но нет более умного, преданного и надёжного помощника, друга или возлюбленного. Настоящие лидеры прекрасно это понимают. Настоящие друзья ищут таких товарищей «днём с огнём». Не говоря уже о тех, кто мечтает о верности и счастье...

Конечно, трудно бывает сказать «прощай» старой дружбе-службе-любви. Но предназначение Собак — не только служба, забота и охрана, но ещё и охота. Охота за чем-то новым... Отсюда — пресловутое беспокойство Собак, сопровождающее их всю жизнь. А вот каким будет это беспокойство: нервозным страхом перед завтрашним днём — или весёлым ожиданием перемен к лучшему... Это решать каждой Собаке по-своему. К рониным (самураям, потерявшим хозяина) в Японии относились неоднозначно. Но всегда — очень уважали, даже побаивались. И отнюдь не безосновательно...

Уважаемые Собаки, это ваш год! Вы уверенно идёте по следу. Радостного вам служения, надёжных партнёров и вечной любви! А если на данный период времени вы решили заделаться ронином в поисках чего-то нового... Именно в этом году вы имеете много шансов обрести искомое. Доброй вам охоты! ☐

По горизонтали. 3. Половина деда.
9. Покорение альпинистами неприступной вершины. **11.** Мелкий сосуд, при котором дом не будет полной чашей. **12.** «Ружье» охотника, берущего животных на мушку, но не причиняющего им вреда. **13.** Память о напившемся крови комаре. **15.** Коммунизм для праведника. **16.** Обер-прокурор в романе Л. Толстого «Воскресение». **18.** Игра с прирученным мячом.

20. Куча дырок, связывающая два дерева. **22.** Небесный человек с пламенным мотором. **24.** Заячья капуста. **25.** Слово по отношению к подростку фамильярно-ласковое, а ко взрослому — бранное, осуждающее. **26.** Обтесанная деревяшка, вбитая в песню «Белый свет». **27.** Самый известный в Европе на рубеже XIX—XX веков шведский художник. **28.** Подъемный механизм. **30.** Француз, все пьесы

которого перевела Т. Щепкина-Куперник. **31.** Водяная родственница бурозубки, съедающая за сутки корма больше, чем весит сама. **32.** Часть тела, которую, в отличие от физиономии, набивают с удовольствием. **34.** Самый большой материк. **35.** Русский лирик, по себе узнавший, что не могут в одном человеке ужиться поэт и торгаш. **37.** Шекспировский злодей, по масштабу, однако, гораздо мельче Макбета или Ричарда III. **39.** Атмосфера на кухне, где убежало молоко. **40.** Горбачевская новация, разрушившая из-за небольшого ума руководивших ею и без того ослабленные духовную основу и нравственность людей. **42.** Разнузданное священнодействие в мистериях Деметры и Диониса. **43.** Изнанка. **44.** Страна, куда отказался поехать в армию США Мухаммед Али, потеряв из-за этого титул чемпион мира по боксу.

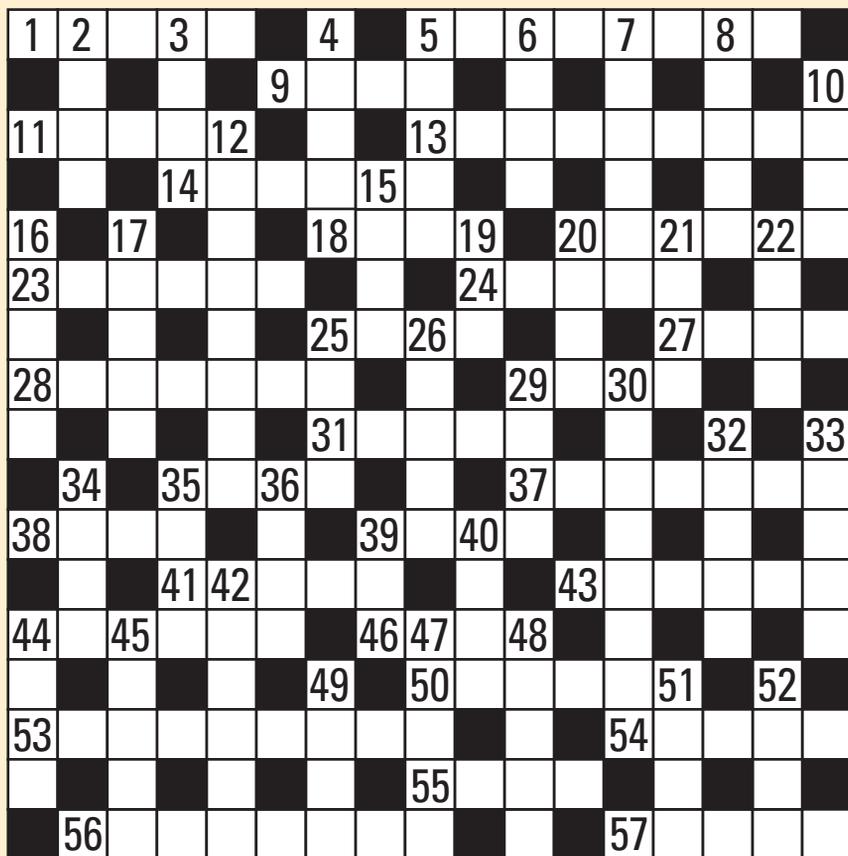
По вертикали. 1. Известный американский детективист, доказывавший, что доктор Ватсон был подругой Шерлока Холмса, жившей с ним в незаконном браке и поэтому носившей мужскую одежду. **2.** Немецкий композитор, драматург, актер и педагог, автор знаменитой кантаты «Кармина Бурана». **4.** Теоретик в области богословия. **5.** Простейшая на огороде. **6.** «Концерт», задаваемый спящим человеком. **7.** Тепло родных стен. **8.** Одноразовый ветер. **10.** Стихотворение с одной-

единственной рифмой. **11.** ... слонов — одаривание холявой на презентациях. **14.** Человеческое качество, которое легко уронить, но трудно поднять. **15.** Знаменитый виолончелист, изгнанный из СССР за гостеприимство. **17.** Вторая часть «Кольца нибелунгов» Р. Вагнера. **18.** Фамилия любовниц Петра Великого и адмирала Нельсона. **19.** Героиня трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида в заглавии известной трилогии Ю. О'Нила. **21.** Любительский спектакль в антракте (М. Зощенко. «Прелести культуры»). **23.** 31 декабря, 6 января или, скажем, 7 марта. **24.** Форма понукания подчиненных. **28.** Немалое количество несданных бутылок. **29.** Черт знает какие места. **32.** Балет Ж. Адана, уже через полгода после постановки в Париже показанный в Петербурге в Мариинском театре. **33.** Киноактриса, сыгравшая Машу в фильме «Метель», Фреду в «Опасном повороте», Елену Тальберг в «Днях Турбиных». **34.** И солдат особых стрелковых полков, и выездной лакей у помещиков, и наемный охотник. **36.** Добытчик пустоты. **38.** У Джорджа Буша-младшего — 50, у Джебба — один, а у Джорджа Буша-старшего — уже ни одного. **40.** Сказочная гульба на весь мир. **41.** Героиня в повести И. Тургенева, чья «великая душа» сближает ее с пушкинской Татьяной и предвосхищает образы Лизы Калитиной и Елены Стаховой.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1

По горизонтали. 5. Актив. **6.** Пожар. **8.** Емеля. **12.** Эмпирей. **13.** Гильдия. **14.** Венгрия. **15.** Хокку. **18.** Казна. **19.** Акула. **20.** Косяк. **27.** Оппозиционер. **28.** Тряпка. **30.** Галлий. **31.** Начитанность. **35.** Метис. **36.** Истод. **39.** Юрист. **41.** Нравы... **42.** Фортель. **44.** Джемпер. **45.** Шахматы. **46.** Запах. **47.** Янцзы. **48.** Честь.

По вертикали. 1. Скрипка. **2.** Жилет. **3.** София. **4.** Бальзак. **7.** Амвон. **9.** Млет. **10.** Легковерие. **11.** Жизнь. **13.** ...Гилий. **16.** Указчик. **17.** Плица. **21.** ... мозги... **22.** Шпала. **23.** Романистка. **24.** Бронсон. **25.** Спесь. **26.** Ладья. **29.** Вакса... **32.** Тенор. **33.** Дрожь. **34.** Осьмина. **37.** Дремота. **38.** Цветы. **40.** Ялта. **42.** Ферзь. **43.** Балет.

По горизонтали. **1.** Духовная от-
рава, выдаваемая за музыкальное искус-
ство. **5.** ...котомку обувает, топором
подпоясывается (поговорка). **9.** И под-
веска у икон, и богато украшенная жен-
щина в старину. **11.** Кизил, растущий
даже в тундре. **13.** Течение, основной те-
оретического построения которого стал
сонет Бодлера «Соответствия». **14.**
Рыба, белый вид которой живет в Байка-
ле, а черный — во впадающих в него ре-
ках. **18.** Элементарный агрессор. **20.** В
Древнем Риме — термы, у арабов — ...
23. Центральное понятие неоплатониз-

ма, развитое Плотинном. **24.** Монголь-
ский орнамент, символ процветания ско-
товодства. **25.** Черная сторона жизни
печной трубы. **27.** Парфюмерная страсть
Н. Бердяева. **28.** Народ, каким стала
часть ливийцев после завоевания араба-
ми Магриба. **29.** Южноамериканский
грызун, способный в поисках пищи пере-
грызать даже толстые корни. **31.** «Из
чего же, из чего же, из чего же сделаны
наши девчонки»? **35.** Хлесткий аргумент
в политике. **37.** Народ, какой римляне
называли колдунами и пророками. **38.**
Жидкая аллегория Христа в средние

века. **39.** Наинатуральнейшее шампанское. **41.** Новозеландский ученый, борец за равноправие маори. **43.** Публицист, справедливо считавший Герцена, Бакунина и Кропоткина злейшими врагами России. **44.** Самый сиреневый самоцвет. **46.** Героиня романа Лонга в ярких иллюстрациях К. Сомова. **50.** Помещение для мужских пиров у древних греков и римлян. **53.** Дед И. Канта по национальности. **54.** Атрибут советской девушки на безобразных парковых статуях. **55.** Дом из снежных кирпичей на севере Канады. **56.** Флорентийский художник, мастер «готического Возрождения». **57.** Придворные, носившие во Франции в XVIII веке розовые каблуки.

По вертикали. 2. Гонорар Пегасу. **3.** «Подобен огнению» (Абай). **4.** Гарун аль-Рашид как властитель. **5.** Итальянский поэт, якобы, если верить комментариям Г. Мельгунова в книге В. Бенедиктова «Стихотворения» (БПБС), «вынужденный всю жизнь скитаться, страдавший от преследования католической церкви и светской власти», а на самом деле просто переезжавший с места на место, гонимый сжигавшим его честолюбием. **6.** Французский композитор XVIII века, в чьих произведениях бурлит стихия танца. **7.** Итог премьеры оперы Ж. Бизе «Кармен». **8.** Сказочные немецкие братья. **10.** Руководитель общей молитвы в мечети (в первые годы ислама таким был сам Мухаммад). **12.** Полководец, возвышаемый, даже в России, глупцами, ибо он уложил в сырую землю миллионы солдат и мирных жителей. **15.** Жареная птица среди любимых

блюد Петра Великого. **16.** Музыкальная «краска». **17.** Русский музыкант, привязавший к гитаре седьмую струну. **19.** Французский писатель, увидевший «Великое бедствие» в «Сражении на рисовых полях», где «Благородная кровь» текла, как «Красная река». **20.** Чешский композитор, которого в СССР за авангардизм запретили бы, да вот его «Мать» по М. Горькому не позволяла. **21.** Корысть не для героя в стихотворении Ф. Тютчева «Певец». **22.** Многоголовое чудовище в бурятской мифологии, глотающее луну. **25.** Высокогорное пастбище на Памире и Тянь-Шане. **26.** Главнокомандующий армией Трансвааля в 1880—1900 годах. **29.** «Переводчик человека в его разговоре с самим собой» (Ортега и Гассет). **30.** Историк архитектуры, содействовавший вместе с А. Бенуа и Г. Лукомским «петербургскому Возрождению». **32.** Самое распространенное из болотных растений. **33.** Буран лезвий в сагах. **34.** Трость шагов в сагах. **35.** Первый кругосветный мореплаватель (Магеллан погиб в пути). **36.** Окатить... холодной воды — сразить неприятным известием (емкость из выражения). **39.** Самый музыкальный «ручей» Германии. **40.** Замок, где королева Марго фактически узницей провела 19 лет. **42.** Каждый из 50 противников богов на фризе алтаря Зевса в Пергаме. **44.** «Собачья» нелепость. **45.** Ностальгический стиль. **47.** Область в Италии, колыбель римской цивилизации. **48.** Одно из русских названий рта (по В. Далю). **49.** И кляча, и худой болезненный человек. **51.** Инертный участник рекламы. **52.** Второй после апостола Павла папа римский.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 1

По горизонтали: 1. Евнух. **7.** Ификл. **10.** Башмаки. **11.** Гохуа. **13.** Телец. **14.** Стравинский. **15.** Коч. **17.** Шталь. **18.** Варенец. **19.** Триба. **24.** Жига. **25.** Скука. **26.** Айкидо. **29.** Нефрит. **30.** Павел. **31.** Хоро. **35.** Оккам. **36.** ... убудюдок. **38.** Мверу. **40.** Гук. **41.** Аллитерация. **43.** Олень. **44.** Дрема. **45.** Ротонда. **46.** Узбек. **47.** Гмина.

По вертикали. 2. Второв. **3.** Узус. **4.** Лазаренко. **5.** Амфир. **6.** Скосырь. **8.** Флейта. **9.** Кремль. **12.** Атлет. **13.** Тишбейн. **16.** Чаргаф. **20.** Джинн. **21.** Океан. **22.** Миколог. **23.** Гомон. **27.** Циркуль. **28.** Рембрандт. **32.** Зивиток. **33.** Мюрид. **34.** Эвклаз. **35.** Оранже. **37.** Кузмин. **39.** Щегол. **42.** Ярем...

новенный человек, не супермен, сам справляется с обстоятельствами, заводит друзей, чему-то учится. Наверное, сложнее всего было создать героиню — мне хотелось, чтобы ребята читали о себе, только так они могли переживать приключения, опасаться, вставать перед выбором и разгадывать тайны.

— Название книги «Сквозняки. Первая миссия». А будет ли вторая миссия?

— После того, как родилась первая книга, появилось очень много сюжетов. К счастью, поделиться с ними мне помогла Ольга Рубис, редактор «Эксмо» — иначе я бы до сих пор не знала, за какой взяться. Вторая миссия Маши уже пройдена и прожита — это «Сквозняки. Повелитель иллюзий».

Татьяна Леванова

— Татьяна, скоро в издательстве «Эксмо» выходит ваша книга «Сквозняки. Первая миссия». Расскажите, о чем она, ее историю создания.

— «Сквозняки. Первая миссия» — это сказка, которая возникла из настроения. Моей дочке шел второй год, и из младенца, почти куколки, она на глазах превращалась в самостоятельного человечка. Вместе с ней мне пришлось вернуться в детство. Изменилось мое мироощущение: я вместе с ребенком смотрела на мир как будто впервые, и он казался удивительным и прекрасным в самых обыденных бытовых мелочах.

Эту сказку я придумывала полгода. Собирала в нее все, что люблю, все самое яркое и интересное. Мне всегда нравились путешествия, чудеса, а еще сюжеты, когда одинокий герой — обык-

В Мире Повелителя иллюзий Маша Некрасова сталкивается с удивительной цивилизацией, где высокие технологии тесно переплелись с магией, но не простой, а природной магией растений и насекомых. Города-острова, похожие на исполинские клумбы, ночные джунгли, полные опасностей и чудовищ, темное небо с падающими искорками звезд над светящимся жемчужным светом Великим океаном, телепортеры и стража, чье ДНК смешано с ДНК разных растений, а самое главное — таинственная угроза — каждому подростку в этом мире угрожает опасность от зловещего изобретения — лабиринта иллюзий. Машу принимают за сумасшедшую, как только она сообщает, что она — сквозняк. Положение безвыходное — ей никогда не разузнать, в чем ее миссия, не выполнить ее и не вернуться домой...

— Ваши волшебные сказки — это попытка уйти от реальности в свой выдуманый мир?

— Исследовать свой собственный мир, думать о его устройстве — это невероятно интересно. А еще в нашем мире полно неписаных законов и правил, которые ребенку приходится постигать на собственном опыте, совершая порой ошибки, которые в детстве воспринимаются особенно болезненно. Невольно задаешь себе вопрос: а что, если бы небо всегда оставалось темным, как ночью? Или — а что, если бы на Руси появились рыцари? Как бы выглядели тогда города, как бы жили люди? Начинаешь исследование, но это всего лишь попытка разобраться в нашем мире, в людях, в истории, а не уход куда-то в себя, скорее наоборот — выход, ведь ты себя чувствуешь более уверенным именно там, где что-то знаешь лучше.

— В книге «Сквозняки», как и в романах Роллинг, имеет место своеобразная школа волшебников. Вы не боитесь, что вас будут сравнивать с создательницей Гарри Поттера?

— Даже в голову это не приходило. У меня же не школа волшебников, а Академия Сквозного пути, созданная для детей, которым не посчастливилось оказаться сквозняками, чтобы они могли выжить в чужом мире без родителей и друзей. Да, некоторые из сквозняков обладают небольшими способностями к магии, но далеко не все, и, как правило, их умения не слишком мощные и полезные в неумелых руках. В Академии учат выживать и исследовать, большая часть уроков посвящена опыту других сквозняков. Обратите внимание на учебники, которые читает Маша, и на экзамены, которые ей пришлось сдавать. К тому же, как они заметили, учиться в Академии Маше не пришлось.

— Какие книжки, по-вашему, должен прочитать ваш ребенок?

— Боюсь, список будет слишком велик. Каждая книга хороша и полезна в свое время или при определенных обстоя-

тельствах. Например, в восемь лет ребенок может любить «Детство Никиты», в десять — Майн Рида, затем, подрастая — Дюма, Лукьяненко, а уже в шестнадцать — Достоевского, и это абсолютно нормально. Хуже, если в десять лет его вместо «Пеппи Длинный Чулок» и «Гарри Поттера» заставляют читать Достоевского из «высоких» соображений родительской ответственности за подрастающее поколение. Человек еще не успел поверить в чудо и в то, что мечты сбываются, когда ему уже показывают мерзость окружающего мира.

— Сейчас многие родители, стараясь вырастить из своих детей гениев, с раннего детства заставляют их читать не сказки, а какие-то серьезные произведения. Как вы относитесь к подобным экспериментам?

— Развивать интеллект, художественный вкус, умение читать серьезные книги — это, безусловно, необходимо, но не следует забывать о психологии ребенка. Чтобы из него не вырос в будущем ущербный человек, лишенный креатива, оптимизма, обаяния, он обязательно должен пережить период увлечения фантастикой, сказками, приключениями и путешествиями. В первую очередь это не просто развлечение — это воспитание человека думающего, мечтающего, надеющегося.

— Как отнеслись ваши близкие к тому, что вы стали писать сказки?

— Родители озадачились — вот не было печали, жила, работала, семью заводила, какие сказки? Но особо не возражали, поняли, что повлияло материнство. А муж был «за» обеими руками, считал, что я, наконец-то, занялась тем, чем нужно, верил в меня больше меня самой и всех родных и друзей вместе взятых. На самом деле это он — моя муза, вернее, муз. Он первым прочел «Сквозняки. Первая миссия».

— И что сказал?

— «Требую продолжения банкета». □

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

